

А. Яровой

**АНАТОМИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Харьков
РАРИТЕТЫ УКРАИНЫ
2020

УДК 008.130.2
ББК 87 РУС
Я 76

Яровой, А. В.

Я 76 Анатомия цивилизации. Харьков: Раритеты Украины,
2020. 282 с., 35 илл.: рус.

ISBN 978-617-7691-20-3

Что такое цивилизация? Как она устроена? Чем отличается от всех других коллективных форм жизнедеятельности в мире животных и в мире людей? Читателю предоставляется возможность заглянуть в удивительный мир муравейника и сравнить его с миром человека, проследить историю понятия «цивилизация» с момента его возникновения и до наших дней. В книге проводится мысль о том, что цивилизации, являясь живыми сущностями, несут на себе некоторую высшую миссию и, выполнив ее, передают эстафету новым цивилизациям. Автор переносит нас в Древний Египет времен фараона Эхнатона и Исхода, предлагает свой взгляд на личность пророка Моисея, обращается к символической философии Пифагора, которую он использует как ключ к разгадке тайны Великой пирамиды. Сопоставление главных символов пифагорейского учения и каббалы с устройством Пирамиды подводит к мысли о генетической связи цивилизаций.

ББК 87 РУС

Особая признательность моему самому строгому критику, неустоимому диспутанту и главному редактору, моей жене Елене Гапон за ее самоотверженную многолетнюю поддержку, терпение и неоценимую помощь в работе. Благодарю Дашу Гапон, Милу Блиндер, Инну Кримкер за помощь в подготовке иллюстраций, моего друга, Александра Буряка профессора, заведующего кафедрой Основ архитектуры Харьковского национального университета строительства и архитектуры за содействие в издании моих книг

ISBN 978-617-7691-20-3

© Яровой А. В., 2020
© Раритеты Украины, 2020

ПОЧЕМУ Я СТАЛ ПИСАТЬ ЭТУ КНИГУ, ИЛИ НА ЧТО ПОХОЖ СЛОН

11 сентября 2001 года я, как обычно, в восемь утра пришел в офис, который находится в нижнем Манхэттене вблизи Уолл Стрит и Всемирного Торгового Центра. Около девяти я подошел к окну и увидел, что из одной из башен-близнецов поднимается черный дым. Говорили, что в нее врезался небольшой самолет. Никто не проявлял особого беспокойства — погорит немного, примчатся или прилетят пожарные, и все вернется на круги своя. Через несколько минут я вернулся к прерванной работе. Не успел сосредоточиться, как резкий женский крик вырвал меня из кресла. Я бросился к окну и увидел, что горят уже обе башни. Все сомнения отпали — эта была атака террористов! Но даже после этого не было мысли, что ВТЦ, символ непоколебимости и мощи Америки, может исчезнуть в мгновение ока. Ирреальность происходящего усиливалась тем, что звук не проникал через толстое оконное стекло. Все было, как в немом кино, но только в замедленном режиме. Какие-то предметы выпадали из окон горящих зданий и в полной тишине летели вниз. Позже я понял, что это были люди. Поверить в то, что все это происходит наяву, было просто невозможно. Как замороженный, я смотрел на экран окна. Вдруг одна из башен начала оседать, как будто металл и бетон, до сих пор надежно несущие огромную тяжесть гигантского сооружения, просто растаяли. Еще мгновение, и на месте, где только что была, казалось бы, незыблемая твердыня, зияла пустота. Объявили, что все должны спуститься в цокольный этаж. Не было никакой паники, обсуждали случившееся, показывали только что сделанные фотографии. Внезапно стало темно, как во время полного солнечного затмения, облако пыли и пепла закрыло солнце. Примерно через двадцать минут небо прояснилось, но вскоре новая волна, вызванная падением второй башни, накрыла наше здание и опять стало темно. Все вокруг, дома, земля, деревья, люди, покрылось плотным слоем светло-серого пепла. Когда

мрак рассеялся, мы вышли на Бруклинский мост, чтобы влиться в бесконечный поток людей, покидающих Манхэттен.

Осознание того, что случилось нечто невообразимо ужасное, пришло только на следующий день. Еще вчера жизнь размеренно текла по привычному руслу и казалось, что так будет всегда. Еще вчера этот огромный город виделся как прообраз будущего, в котором люди разных рас и вероисповеданий мирно жили бок о бок, сохраняя свою культуру, обычаи и традиции. Но сегодня, как будто по чьей-то злой воле, мы внезапно очутились в другом мире, неясные очертания которого вселяли чувство страха и неуверенности. Граница между добром и злом, войной и миром, еще вчера отодвинутая так далеко, что увидеть ее можно было только в телевизоре, сегодня прошла через нашу страну, улицу, дом, душу каждого человека. Атака террористов потрясла не только американцев — это был шок для всего человечества. В считанные минуты несколько тысяч невинных людей были превращены в пепел. Стало известно, что это ужасное злодеяние было делом рук исламских террористов. Это не был просто террористический акт в ряду подобных, уже имевших место в разных частях света. Это не было просто взрывом общественного здания или взрывом в метро. Это не было нападением одной страны на другую. Удар был нанесен по важным для всего мира символам устойчивости и процветания. Правительство Буша всячески пыталось внушить мысль о том, что речь идет не о противостоянии с исламом, не о войне цивилизаций, а о войне с террористами. Не соглашаясь с президентом в оценке событий и выборе главной цели возмездия, я был убежден, что речь идет о значительно более серьезной угрозе, чем международный терроризм. У меня не было сомнения, что третья мировая война уже идет. И это война между цивилизациями ислама и христианства. Означает ли это, что ислам как религия и весь мусульманский мир сегодня выступают на стороне сил зла? Для меня ответ на этот вопрос не был простым. В детстве я зачитывался «Сказками тысячи и одной ночи», позднее поражался красоте поэзии Низами и Фирдоуси, изяществу мысли Омара Хайяма, мудрости Аверроэса и Абу Али ибн Сины (Авиценны), восхищался красотой и величием мусульманской архитектуры во время своих поездок по Узбекистану и Испании. У меня были студенты из стран Северной Африки и Ближнего Востока. Среди моих друзей были ученые и архи-

текторы, исповедующие ислам. Мог ли я в один момент перечеркнуть все это и отнести к миру зла? Не мог. В то же время волну исламского террора, охватившую весь мир, стремительное распространение ислама в Европе и Америке, агрессивное нежелание огромного числа иммигрантов-мусульман с уважением относиться к культуре и традициям принявших их народов нельзя было объяснить только происками террористов. Я скорее ощущал, чем понимал, что резкий всплеск терроризма в наше время является не причиной, а следствием обострения противостояния цивилизаций. Чтобы ответить на вопрос, действительно ли имеет место это противостояние, и если да, то в чем истинная его причина, я и взялся за написание этой книги.

Большую часть своей жизни я прожил, нисколько не задумываясь о том, что такое цивилизация. Как и все нормальные люди, я нередко слышал это слово, читал и произносил его, не утруждая себя мыслями о том, что, собственно, за ним скрывается. Как и все, я мог бы спокойно жить так и дальше, но после трагедии 11 сентября понятие «цивилизация» занимало меня все больше. Конечно, я не первый и далеко не единственный, кого интересует эта проблематика. Тем не менее найти готовое определение цивилизации, которое отвечало бы моему пониманию мироустройства, мне не удалось. Пришлось строить свое представление, свою концепцию. Мой интерес не возник на пустом месте. Как и многие мои сверстники, в детстве, да и не только в детстве, я зачитывался историческими и приключенческими романами, переносившими нас в другие эпохи, в неведомые страны или на другие планеты, в загадочные миры древних и внеземных цивилизаций, заставляя испытывать душевное волнение и непреодолимое стремление к неведомым горизонтам. Уже с тех пор слово «цивилизация» приобрело для меня некоторую романтическую окраску. Безусловно, свою роль сыграла и моя профессиональная деятельность. Много лет я читал лекции по истории архитектуры и искусства, которые охватывали период от падения Римской империи, от эпохи становления христианства и до нашего времени. Уже тогда появилась мысль об аналогии жизни цивилизации с жизненным циклом организма — от появления на свет до его смерти. Вместе с тем понадобилось около двадцати

лет для того, чтобы почувствовать в себе силы и возможности прикоснуться к этой теме.

Что же такое цивилизация? Почему мы не можем обойтись без этого слова? Относительно недавно по историческим меркам такого слова вообще не было, и никто особенно не переживал по этой причине. Обладает ли цивилизация самостоятельным бытием, как человек, дерево, облако или океан, как любая другая вещь, которую мы относим к реальной действительности? Или это порождение нашего мышления, и на самом деле ничего подобного не было и нет? Может быть, цивилизация является только понятием, которым пользуются ученые для описания и анализа человеческого общества, как, например, понятия «общественная система», «общественный строй» или «социально-экономическая формация»? Все они являются действенными инструментами описания и изучения определенных аспектов жизни и исторической эволюции общества, но сами по себе ни система, ни строй, ни формация как объективные реалии не существуют. На все эти вопросы ответов у меня не было. Поэтому я начал с того, что обложился книгами и погрузился в информационные волны интернета.

Чем глубже я погружался в эту тематику, тем сложнее было разобраться в том, что сегодня понимается под цивилизацией. Дело в том, что единого понятия до сих пор нет. Оно все еще находится в процессе формирования. Отличительной чертой этого процесса является то, что возникновение новых точек зрения и концепций не приводит к отрицанию предыдущих. Поэтому сегодня одновременно существуют самые разные, иногда противоречивые представления, которые накапливались в течение последних двухсот лет. До сих пор в ходу первоначальное понимание цивилизации как определенного уровня образованности и воспитания, уровня культуры. Именно такое понимание подразумевается, когда мы призываем кого-либо вести себя культурно или цивилизованно, т. е. в соответствии с общепринятыми нормами морали и поведения. При этом слова «цивилизация» и «культура» рассматриваются как синонимы. Наряду с этим есть точка зрения, согласно которой цивилизация противопоставляется культуре, выступая ее антагонистом — чем больше цивилизации, тем меньше культуры. В этом случае к культуре

относятся высшие ценности и идеалы, интеллектуальные, художественные и моральные качества, а к понятию «цивилизация» — все, что имеет отношение к технике, технологии и другим материальным факторам жизни общества. Такой подход задает представление о цивилизации как о закономерной кризисной фазе развития культуры. Мы нередко встречаем рассуждения об общечеловеческой и локальных цивилизациях (европейской, азиатской, африканской и т. п.). Они могут различаться по технологическому (скотоводческая, сельскохозяйственная или индустриальная), политическому (Запад–Восток) или религиозному (христианская, мусульманская, индуистская и др.) принципам. Как правило, те, кто пишет о цивилизации, не утруждают себя разъяснением того, о чем, собственно, идет речь. Как бы само собой разумеется, что все и так все понимают. Но, как следует из сказанного выше, под словом «цивилизация» можно понимать самые разные вещи. Здесь я вспоминаю известную притчу о слепых, которые должны были потрогать слона и определить, на что он похож. Тот, который трогал хобот, сказал, что слон похож на змею. Другой, пощупав бок слона, сделал вывод, что слон похож на стену, третий, потрогав ногу, заявил, что слон похож на столб или колонну. Хотя каждый из них был уверен в своей правоте, они так и не смогли понять, на что похож слон. Выходит, что ученые, подобно слепым из древней притчи, так до сих пор и не договорились о том, что такое цивилизация.

Когда-то мой сын заразил меня своим интересом к компьютерной игре «Цивилизация». Фанатом этой игры я так и не стал, но пользу ее признал, осознав, что она развивает стратегическое мышление. Играющий как бы занимает позицию бога, управляющего процессом развития человечества. Довольно быстро я понял, что невозможно создать мощную устойчивую цивилизацию без умения предвидеть коварные замыслы врагов, умения обороняться и вести жестокие захватнические войны. Преимущество в игре получает тот, кто понимает: чтобы выиграть, надо отказаться от привычных представлений о добре и зле. Добрый бог, принимающий близко к сердцу нужды и страдания каждого человека, обрекает цивилизацию на гибель. Добро в этой игре есть только то, что обеспечивает выживание цивилизации как целостного организма. Наверное уже тогда у меня появилось ощущение

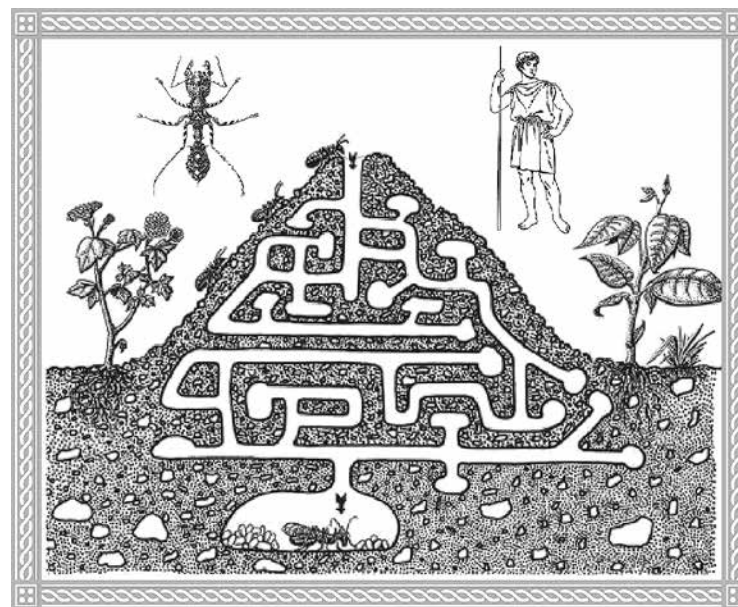
цивилизации как некоторого сверхсущества, жизнь которого подчиняется своим собственным законам, и которое оказывает воздействие на каждого из нас, независимо от того, осознаем мы это или нет. Отношение человека и цивилизации представлялись мне во многом подобным отношению муравья и муравейника. Отдельный муравей не в состоянии осознать себя частью муравейника как некоторого единого организма. В то же время известно, что жизнь каждого муравья задается жестким алгоритмом и имеет смысл только в общей системе жизнедеятельности муравейника. Разумеется, человек не муравей, а цивилизация не муравейник, но я говорю здесь не о тождестве, а о подобии.

Люди принадлежат разным расам, отличаются друг от друга своим возрастом, воспитанием и культурным уровнем, исповедуют разные религии. В то же время они имеют сходное физическое строение. Конечно, и здесь есть свои особенности, которые определяются самыми разными факторами (климатическими, социально-экономическими, генетическими и другими). Однако общего в их физической природе намного больше, чем отличий. Цивилизации также могут различаться по возрасту, по своим культурным особенностям, уровню экономического и технологического развития. Сравнительный анализ истории цивилизаций позволяет говорить о том, что их развитие регулируется общими законами и жизненные циклы включают в себя подобные стадии. Так же, как и люди, они рождаются, взрослеют, достигают пика своего духовного развития, стареют и умирают. Можно сказать, что, как и люди, они болеют сходными болезнями. Невозможно эффективно лечить человека, не имея знаний по анатомии, знаний о том, как устроено его тело. Точно так же нельзя прогнозировать развитие и осуществлять эффективную цивилизационную политику, не понимая природы и не зная внутренней структуры цивилизации. Именно поэтому я назвал свою книгу «Анатомия цивилизации».

Пытаясь понять, что есть цивилизация, я развиваю ту же тему, которую обсуждал в книге «О Боге и о себе. Универсум внутри меня». Это тема поиска места и роли человека в системе мироздания, тема отношений творческой личности и Бога. В своей новой книге я продолжаю строить модель мира — мира, в котором я ощущаю сопричастность к чему-то неизмеримо бо-

лее широкому и великому, чем узкий мир отдельного человека, ограниченный тесными временными рамками его жизни и пространством его каждодневных забот. Здесь я рассматриваю человека уже как часть объемлющей его живой системы, обладающей особой ролью или миссией в божественном плане развития человечества, как частицу цивилизации. Как и в первой своей книге, я не претендую на истинность логических построений. Все, о чем я пишу, есть субъективное понимание, которое предопределено исключительно моим взглядом на природу и устройство мироздания. Поэтому мое понимание цивилизации, которое я излагаю в этой книге, также не предлагается как истина в последней инстанции.

А. В. Яровой, Нью-Йорк, 2019

Глава I МУРАВЬИ И ЛЮДИ

Почему книгу о цивилизации я начинаю с размышления о муравьях? Наверное, потому, что муравьи, как и люди, не могут существовать вне сообщества себе подобных и имеют во многом сходные формы коллективной жизни. Те и другие вместе охотятся, вместе строят, вместе занимаются хозяйством, вместе воюют и т. п. Они имеют так много общего, что нередко муравейник, на мой взгляд не всегда корректно, уподобляют цивилизации людей. Прямые аналогии обусловлены еще и тем, что наука до сих пор не имеет окончательных ответов на вопросы происхождения и эволюции этих форм существования больших сообществ.

До сих пор неизвестно, каким образом координируется жизнь муравейника. Мы не знаем, где находится тот мозг или программа, которые позволяют управлять столь сложной системой. Мы также плохо представляем себе, что такое цивилизации и что обеспечивает их целостность на протяжении тысячелетий. Если мы хоть на шаг подойдем к раскрытию тайны муравейника, возможно, мы продвинемся и в понимании природы человеческой цивилизации. Понятно, что ответы на все вопросы не будут даны в этой книге, но, как говорится, дорогу осилит идущий.

Муравьи — кто они?

Муравьи, наиболее многочисленная группа живых существ на Земле, их общий вес превышает вес всех людей, вместе взятых. Масса всех муравьев, населяющих Землю, составляет 20 % всей биомассы на планете. Как уверяют ученые, муравьи одни из самых древних и наиболее приспособленных насекомых на Земле. Самые древние останки мезозойского муравья были обнаружены в 1967 году, в куске янтаря с пляжа в Нью-Джерси (США). Возраст находки составляет около 130 миллионов лет. Динозавры, по мнению тех же ученых, появились 230–250 миллионов лет назад. Здесь, на мой взгляд, есть некоторая нестыковка. Получается, что одни из самых древних насекомых, муравьи, моложе динозавров более, чем на 100 миллионов лет. Трудно представить, что они появились на нашей планете настолько позже, чем такие крупные и развитые виды животных, как динозавры. Скорее всего, насекомые были и во времена динозавров, и даже до них. Не секрет, что современная наука пока еще не может гарантировать точный возраст событий, которые происходили в столь отдаленные времена. Впрочем, ошибка в несколько десятков миллионов лет существенно не влияет на ход моих рассуждений. Важно то, что муравьи населяли нашу планету во времена динозавров, были нашими соседями на протяжении всей обозримой истории человечества и, если не переживут нас, то точно будут жить до тех пор, пока последний человек не исчезнет с этой планеты.

Муравьи всегда притягивали к себе внимание человека. Аврелий Августин или, как его называют, Блаженный Августин, один из отцов христианской церкви, в своем трактате «О граде Божьем» писал, что нас поражают больше деяния маленьких

муравьев и пчел, чем громадные тела китов. Казалось бы, сегодня мы знаем о муравьях все или почти все, но они по-прежнему остаются для нас загадкой. В наше время, чтобы получить самую разнообразную информацию, в том числе и об этих удивительных насекомых, достаточно иметь доступ к интернету. Поэтому я не думаю, что могу поразить воображение читателя новыми, доселе неизвестными фактами или знаниями о муравьях. В этой главе я фокусирую внимание не столько на муравьях и особенностях их жизни, сколько на том, как изменялись наши представления об этих удивительных существах.

От древних времен и до наших дней можно выделить четыре основных этапа, каждый из которых характеризуется повышенным вниманием к определенному аспекту изучения строения и жизнедеятельности муравьев. Временные границы этих этапов во многом условны, т. к. интерес к тому или иному аспекту, возникнув однажды, никогда полностью не исчезал. Практически все они продолжают в той или иной мере волновать умы и в наше время.

Антропоморфизм

Я бы назвал этот этап «Мы и они». Он начинается в самые незапамятные времена, когда человек впервые остановил свой взгляд на муравьях не как на докучливых насекомых или возможном ресурсе питания, а как на существах, которые своим поведением напоминают людей. Они воспринимались как маленькие люди и наделялись всеми человеческими качествами. Такое отношение к окружающему миру, когда животные, явления природы и вообще любые вещи уподобляются человеку, называется антропоморфизмом. Мы находим его в преданиях, сказках и мифологии всех народов мира. В «Книге притчей Соломоновых» муравей приводится как образец трудолюбия и мудрости: «Вот муравей, хоть мал, да летом готовит на зиму обед». В другом месте мы читаем: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни привратника, ни повелителя, но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою». В древнем еврейском предании муравей обличает царя Соломона. На вопрос: есть ли на свете кто-либо более великий, чем он, Соломон, муравей отвечает, что считает себя более великим, т. к. иначе Господь не послал бы

Инстинкт или разум

к нему земного царя и тот не посадил бы его к себе на руку. Соломон разгневался, сбросил муравья и закричал: «Знаешь ли ты, кто я?» Муравей ответил: «Знаю, что ты сотворен из ничтожного зародыша, поэтому ты не вправе слишком возноситься». Упоминание о муравьях мы находим и в Коране. Речь идет о ситуации, когда войско пророка Сулеймана пришло в муравьиную долину. Одна муравьях сказала: «О муравьи, войдите в свои укрытия, чтобы Сулейман и его войска не растоптали вас, сами того и не заметив».¹

В этих высказываниях муравей не только ставится на одну ступень с человеком, но даже превосходит его по разумности и способностям. Он выступает как образец высоких моральных качеств, мудрости, трудолюбия, сознательной заботы о ближних своих. При этом наличие разума у муравьев не обсуждается, оно как бы само собой разумеется. Люди прошедших эпох наделяли разумом и способностью мыслить практически все, от самого мельчайшего существа до планет и Вселенной. Они были убеждены в разумности всех животных, в том числе и муравьев.

В наше время придание животным человеческих качеств и способностей также весьма распространено. И это не только прием, который используется в литературе для детей. Теория эволюции, допускающая трансформацию одного вида в другой, происхождение разумного от неразумного, ставит человека и животное на одну линию. В рамках этой теории вполне возможно допустить, что животные могут достичь в своем развитии такой ступени, когда они превратятся в разумных существ, способных говорить и на равных общаться с человеком. Получается, что любимые персонажи сказок нашего детства с точки зрения теории эволюции могут рассматриваться не только как плод богатой фантазии наших предков, но и как вполне возможная реальность. Ученые мужи, рассматривающие человека как позднюю стадию развития простейших организмов, по сути подводят научное основание под антропоморфные представления о животных, которые они же клеймили как порождение примитивного сознания давно ушедших времен.

¹ Коран. Сура «Муравьи». 27 : 18.

Уже Аристотель считал, что животные способны к пониманию цели и смысла своей деятельности. Древнеримский политик и философ Марк Тулий Цицерон писал в своем трактате «О природе богов», что муравей обладает не только ощущениями, но разумом и памятью. Но не все были согласны с этим. Несмотря на то, что антропоморфизм являлся господствующим отношением к окружающему миру, уже в весьма отдаленные от нас времена существовала и другая точка зрения на разумность братьев наших меньших. Приверженцы этой точки зрения полагали, что поведение животных, хотя и кажется нам разумным, на самом деле таковым не является. Древнегреческий философ Хрисипп утверждал, что способности животных являются врожденными и их действия совершаются бессознательно. Однако перевес был на стороне тех, кто видел в животных существ, по своим мыслительным способностям близких к человеку.

У мыслителей средневековья интерес к вопросу схожести и различия человека и всех остальных тварей земных если не исчезает вовсе, то значительно снижается. Это можно объяснить тем, что в эпоху формирования христианской цивилизации, когда общество было сосредоточено на укреплении и защите новой духовной доктрины, изучение материального мира не только не поощрялось, но находилось под официальным запретом. Жизнь была очень суровой, все силы были направлены на выживание, было не до муравьев. После многовекового затишья дискуссия о разумности животных реанимируется в позднем Возрождении и возобновляется с новой силой в эпоху становления института новоевропейской науки. Французский философ XVII века Рене Декарт считал, что животные являются машинами, которые не ощущают ни удовольствия, ни боли, ни вообще ничего. Он допускал некоторое разумное начало в поведении животных, но тем не менее полагал, что их жизнедеятельность координируется врожденными инстинктами. Взгляды Декарта разделял французский натуралист XVIII столетия Жорж Бюффон. Признавая способность высших животных общаться со своим хозяином, задавать ему вопросы и понимать все, что он хочет, он в то же время отрицал у них всякую способность к мышлению. В научных кругах этой эпохи преобладает точка зрения, согласно которой муравьи, пчелы и другие насекомые являются механическими автоматами.

Дискуссия «инстинкт или разум» достигает своего апогея в XIX веке. Здесь также были представлены две крайние точки зрения на поведение животных. Выражение антропоморфных взглядов мы находим в трактате Дж. Леббока «Муравьи, пчелы и осы»: «Рассматривая жизнь муравьев, их обширные сообщества, тщательно устроенные жилища и дороги, их владение домашними животными, а в некоторых случаях даже и рабами, нельзя не признать, что по своей разумности они имеют полное право занимать место сразу же после человека».² Согласно противоположной точке зрения, у животных нет и не может быть никакой разумной деятельности, их поведение определяется только врожденными инстинктами. Эрих Васманн настаивал на том, что у муравьев все иначе, чем у человека. У них нет ни разума, ни самосознания, и поэтому они вовсе не способны копать в темных вопросах «откуда» и «зачем».³

Сегодня ученые располагают достаточно большим количеством экспериментальных данных, которые не оставляют сомнений в том, что поведение муравьев не может рассматриваться как разумное. Как отмечает В. Кипятков, «к началу XX века дискуссия о разуме у общественных насекомых постепенно прекратилась: иссяк приток новых аргументов и экспериментальных данных. Положение о наличии у муравьев и пчел элементов разумности так и осталось недоказанным».⁴ В подтверждение он приводит интересный и весьма убедительный эксперимент, который провели американские ученые. Когда муравей умирает внутри гнезда, то рабочие одних видов скормливают его личинкам, а других — выносят на специальные свалки. Муравьи выбрасывают трупы только после того, как в них начинаются процессы гниения и образуются специфически пахнущие вещества. Когда живых муравьев смазали трупной вытяжкой и выпустили в гнездо, то рабочие схватили их и, невзирая на попытки тех освободиться, отнесли на свалку. Заживо похороненные муравьи тут же вернулись в гнездо,

но были опять вынесены ревностными поклонниками чистоты. И так происходило до тех пор, пока на теле муравьев оставался трупный запах. То, что эти «живые покойники» сопротивляются, вырываются и вновь возвращаются в гнездо, их непреклонные могильщики игнорируют. Способность муравьев получать информацию с помощью обоняния была прослежена и в других опытах. В одном из них кусочки древесины обрабатывали веществом, имитирующим запах муравьиных личинок. Муравьи принимали фальшивые личинки за настоящие, ухаживали за ними с тем же рвением, что и за своими родными. Очевидно, что в подобных случаях для них важен только один признак — запах. О каком же разуме может идти речь, когда муравей выносит из гнезда на свалку живого и здорового собрата на том лишь основании, что от него пахнет, как от трупа, или нянчится с деревяшкой, потому что она имеет запах живой личинки?

Современная наука исходит из того, что поведение насекомых, в частности муравьев, в значительной степени определяется инстинктами, т. е. является врожденным. Казалось бы, что антропоморфные представления, которые на протяжении многих столетий являлись основанием прямого сопоставления муравья с человеком, были окончательно развенчаны. Но дальше мы увидим, что они живы и до сих пор.

Эволюция муравейника

Теория Дарвина — за и против

Если раньше основные баталии в дискуссии о природе поведения муравьев разворачивались вокруг вопроса «инстинкт или разум», то в XX веке центр тяжести все больше смещается в сторону проблематики эволюции муравьев. Сегодня нет единого мнения о происхождении и развитии этих удивительных насекомых. Одни ученые фокусируют свое внимание на формировании физических особенностей отдельных особей. Другие, делая акцент на коллективной природе муравьев, основное внимание уделяют их эволюции как единой живой системы. Столкновение разных точек зрения на эволюцию муравьев разворачивается на фоне значительно более широкой дискуссии по проблеме возникновения и эволюции жизни на нашей планете.

Что мы знаем о теории эволюции? Боюсь, только то, что ее автором является Чарльз Дарвин, который убедил весь мир в том,

² Lubbock J. *Ants, bees, and wasps. A record of observations on the habits of the social* [From: *The International Scientific Series*, vol. XLII, p. 323]. New York, 1882.

³ Васманн Э. *Итоги сравнительной психологии*. СПб. : Типография Императорского Университета, 1906.

⁴ Кипятков В. *Мир общественных насекомых*. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1991.

что человек произошел от обезьяны. Хотя эволюционные идеи появились уже в далекой древности, но только во второй половине XIX века, после опубликования его концепции, эти идеи оказались в центре внимания всего научного мира. Дарвин исходил из того, что поведение животных предопределяется не столько разумом, сколько инстинктами. Главную роль он отводил не врожденным инстинктам, которые передаются по наследству в неизменном виде, а приобретенным навыкам, которые формируются в процессе приспособления к изменениям окружающей среды. Именно эти приобретенные формы поведения, в соответствии с его теорией, определяют эволюцию данного вида. С этим трудно не согласиться, если речь идет об эволюции внутри того или иного вида. Но Дарвин утверждал, что существует межвидовая эволюция, или трансформация одного вида в другой. Это положение стало краеугольным камнем его учения, согласно которому эволюция жизни на Земле идет от простейших, одноклеточных организмов к рыбам, от рыб к земноводным и пресмыкающимся, от них к млекопитающим, от приматов к человеку. Это же положение стало главным объектом критики его учения.

С самого начала теория Дарвина приобрела как своих сторонников, так и непримиримых оппонентов. В поддержку Дарвина начинают выступать многие ученые. Наиболее ортодоксальными его последователями и защитниками были президент Лондонского королевского общества, зоолог Томас Гексли, который за свои яркие полемические выступления получил прозвище «Бульдог Дарвина», и немецкий зоолог и философ Эрнст Геккель, который вывел так называемый «биогенетический закон», согласно которому каждое живое существо в своем индивидуальном развитии повторяет все стадии, пройденные его предками или его видом в процессе эволюции. Это учение сегодня опровергнуто. Сам Геккель признал, что часть его рисунков, описывающих эти стадии, была сфальсифицирована.⁵

⁵ Известный немецкий эмбриолог Э. Блехшмидт пришел к выводу, что т. н. биогенетический закон стал катастрофической ошибкой в истории естествознания. Он показал, что человеческий эмбрион не становится человеком, проходя стадии, где он подобен рыбе или какому-то другому животному. На каждой стадии внутриутробного развития он всегда остается человеком, т. е. уже является таковым с момента его зачатия.

С критикой идей Дарвина выступили такие заслуженные ученые, как основатель и директор Британского музея естественной истории Ричард Оуэн, всемирно известные физики Джеймс Максвелл, Майкл Фарадей и Уильям Кельвин. Также не принял теорию Дарвина знаменитый астроном и математик Джон Гершель. Интересно то, что именно он, по признанию самого Дарвина, был одним из тех ученых, труды которых оказали на него наибольшее влияние. Поэтому Дарвин был очень разочарован, когда узнал, что Джон Гершель назвал его теорию «законом шиворот-навыворот». Противником дарвинизма был также и французский микробиолог и химик Луи Пастер, которого часто называют величайшим ученым XIX века. Он опровергал теорию самозарождения жизни, полагая, что жизнь не может возникнуть из ничего, т. е. из неживой материи — жизнь может произойти только от жизни.

Понятно, что в первых рядах оппонентов дарвинизма выступали и деятели церкви, которые разворачивали свою критику, исходя прежде всего из религиозных оснований. Для них эта критика являлась частью общего фронта в их борьбе с материалистической наукой. Но были религиозные мыслители, которые имели иную точку зрения на эволюцию не потому, что они выступали против науки, а потому что они были истинными учеными. К ним относится Грегор Иоган Мендель — монах и аббат Августинского монастыря, который был также биологом и ботаником, сыгравшим огромную роль в развитии представления о наследственности. Открытые им в процессе многолетних экспериментов с растениями законы наследования стали первым шагом к современной генетике. Важнейшим результатом его работы является закон постоянства видов. В противовес Дарвину Мендель показал, что, несмотря на возможные изменения внутри отдельного вида живых существ, основные характеристики вида остаются неизменными, что делает невозможным превращение одного вида в другой.

Триумфальное шествие материалистического мировоззрения обеспечило учению Дарвина статус философского основания всех областей естественно-научного знания. Тем не менее противостояние апологетов и противников дарвинизма в наши дни не только продолжается, но все больше обостряется. Первые настаивают на неопровержимой истинности этого учения, вторые утверждают, что с момента выхода в свет книги Дар-

вина «Происхождение видов» не обнаружено ни одного факта, подтверждающего его гипотезу. Директор Палеонтологического института РАН академик А. Розанов убежден, что «антропологам предстоит непростая работа по пересмотру всех основ теории происхождения видов, которая впрочем и так давно трещит по всем швам».⁶ Против теории эволюции выступали академик В. Вернадский, нобелевские лауреаты Альберт Эйнштейн, Ричард Смолли⁷, Эрнст Чейн, Артур Комптон⁸. Последний писал: «Чем больше мы узнаем о нашем мире, тем меньшей становится вероятность того, что он произошел в результате случайных процессов, поэтому сегодня немного в действительности ученых, которые готовы защищать атеистическую точку зрения».

Однако Комптон несколько поторопился со своим заключением — и в наши дни есть немало ученых, выступающих в защиту теории эволюции, а 38 нобелевских лауреатов подписали письмо, в котором они призывают утвердить дарвиновскую теорию эволюции в качестве единственного научного и образовательного стандарта. Столкновение диаметрально противоположных точек зрения всемирно известных ученых на проблему эволюции говорит о том, что учение Дарвина уже не воспринимается как единственно верное. Появляются новые гипотезы. Наиболее приемлемой для меня является концепция, согласно которой эволюция выступает как необходимый механизм развития отдельных видов живых существ, но не как переход одного вида в другой.

В зависимости от отношения к учению Дарвина наука о муравьях (мирмекология) разделилась на два лагеря. Сторонники теории эволюции исходят из того, что древние муравьи были полностью самостоятельными особями. В процессе эволюции они взаимодействовали друг с другом, образуя все более сложные формы кооперации. Отсюда, по их мнению, следует, что такая сложная узкоспециализированная форма, как муравейник, является продуктом эволюции муравья и возникает на доволь-

но позднем ее этапе. Коротко суть этого подхода можно свести к формуле «муравей создает муравейник». Другая группа ученых полагает, что муравей изначально является особым коллективным насекомым и никогда не существовал вне муравейника. Этот подход может быть выражен формулой «муравейник делает муравья». Точка в этой дискуссии еще не поставлена. Представители первого подхода и в наше время являются носителями идеологии мейнстрима современной биологии вообще и науки о муравьях в частности. Но если раньше их перевес был подавляющим, то в последнее время все больше голосов раздается в пользу сторонников второго подхода, которые настаивают на том, что муравей изначально был коллективным насекомым. Как отмечает один из ведущих российских мирмекологов А. Захаров, муравья ни в одном опыте, ни в одном теоретическом построении практически невозможно оторвать от семьи, рассматривать вне ее. Основной средой для индивида является муравейник, который, с его точки зрения, выступает как единое целое и изначально проявляется как целостная система.⁹ Это положение и принято мной за основу всех последующих рассуждений.

Экзотические гипотезы

Чем дальше я продвигаюсь в изучении муравьев, тем больше убеждаюсь, что дарвиновская теория не в состоянии объяснить феномен происхождения и эволюции этих удивительных насекомых. Когда мы задаемся вопросом, что было раньше — муравей или муравейник, мы имеем дело с проблемой «курицы и яйца». Попробуйте задать себе этот вопрос, и вы убедитесь, что ответ на него отнюдь не очевиден.

Среди разных точек зрения на эволюцию муравьев существуют весьма экзотические гипотезы. Они не только опять наделяют этих насекомых интеллектуальными способностями, но и ставят знак равенства между муравейником и цивилизацией. Одни из них исходят из того, что муравьи эволюционируют в обратном направлении, другими словами, деградируют от высоко развитых форм коллективного бытия, присущих разумным существам, к механическому взаимодействию организмов, подобных

⁶ Симонов В. Внеземной след в истории человечества. М. : ЭНАС, 2009.

⁷ Smoley R. Creation Scientists Applaud PA Judge's Ruling. ID Press Release. December 20, 2005.

⁸ Compton A. The Freedom of Man. The Terry Lectures. New Haven : Yale University Press, 1935.

⁹ Захаров А. Муравей, семья, колония. М. : Наука, 1978.

биороботам. Эти гипотезы заслуживают внимания, хотя бы потому, что сегодня теория обратной эволюции, или инволюции, допускающая происхождение обезьяны от человека, рассматривается как вполне конкурентоспособная, наряду с креационизмом, теорией эволюции и панспермизмом.¹⁰ Другие концепции, напротив, воспринимают муравьев как сообщество разумных существ, ничем не уступающее, а может быть, даже превосходящее человеческую цивилизацию.

Притягательность дарвинизма столь велика, что им были очарованы не только его сторонники, но, в отдельных случаях, даже такие его непримиримые оппоненты, как Петр Успенский — ученик и соратник известного мистика Г. Гурджиева. Возможно, сам Успенский этого и не осознавал. Будучи убежденным критиком дарвиновского понимания эволюции, он писал: «...появление новых видов, их формирование и переход из низших форм в высшие никогда не наблюдались (...) как они появляются — мы не знаем и не следует обманываться на этот счет».¹¹ В этой же книге Успенский излагает свое представление о развитии муравьиного сообщества. Он допускает, что муравьи и пчелы некогда были разумными существами. По его мнению, эти насекомые явились из Великой Лаборатории и были посланы на Землю с привилегией в возможности развития, но впоследствии они отказались от своей привилегии и перестали эволюционировать. После этого природе пришлось принять собственные меры. Насекомые были полностью изолированы и оказалось необходимым начать новый эксперимент.

Подобную гипотезу мы находим и у католического священника, ученого и философа Пьера Тейяра де Шардена, который, в отличие от Успенского, был приверженцем теории Дарвина. В своей работе «Феномен человека»¹² он рассматривает развитие жизни на Земле как эволюцию сознания и, в полном соответствии с Дарвином, допускает, что на определенном этапе разум животного пе-

реходит в рефлексивное сознание человека. Не отрицая, что эволюция видов предопределяется изменениями, происходящими в среде их обитания, он тем не менее считал, что эволюция всего живого имеет не случайный характер и предопределяется целями Высшего Разума. В «Феномене человека» отчетливо проступает симбиоз двух, казалось бы, непримиримых начал. С одной стороны, искренняя вера в сознательное творение всего сущего, с другой — такая же искренняя вера в науку, одним из непоколебимых устоев которой для Шардена выступает теория эволюции.¹³

Шарден прямо не говорил о цивилизации муравьев, но задавался вопросом о возможности существования таковой. «Поневеле задумаешься, глядя на этот живущий вокруг нас мир (мир муравьев — А. Я.), столь чудесно устроенный и в то же время столь ужасно далекий. Конкуренты? Может быть наследники? Не правильно ли будет сказать: зашедшая в тупик и патетически борющаяся масса?» Говоря о муравьином сообществе как о конкурентах или наследниках, он тем самым сопоставляет его с цивилизацией людей. Он полагает, что линия развития этого сообщества не подчиняется генеральной линии эволюции всего живого, а идет в обратном направлении, деградирует. Мысль Шардена о том, что высокоразумное существо может деградировать настолько, что превратится в неразумное насекомое, вполне укладывается в логику теории эволюции. Но это же утверждение в устах Успенского явно противоречит его критике учения Дарвина. Как мы видим, в этом случае и непримиримый критик дарвинизма Успенский, и апологет этого учения Шарден по сути соглашались с одним из главных положений дарвинизма — тезисом о возможности трансформации одного вида в другой. Рассуждая о путях эволюции муравьев, они оба исходили из того, что Творец может допускать ошибки. Мне представляется, что

¹⁰ Панспермизм предполагает занесение жизни на поверхность Земли из Космоса либо в виде спор микроорганизмов, либо путем намеренного заселения планеты разумными пришельцами из других миров.

¹¹ Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. М. : Фаир-Пресс, 1999.

¹² Тейяр де Шарден П. Феномен человека [Сборник очерков и эссе]. М. : АСТ, 2002.

¹³ Интересно в этой связи мнение Л. Троцкого, практика и теоретика марксизма, одного из организаторов Октябрьской революции 1917 г. В своих воспоминаниях он писал: «Дарвин был для меня могущественным привратником у входа в храм вселенной... Но более всего я поразился, когда прочел ... что он сохранил веру в Бога. Я не мог себе представить, как вера в Бога уживается в одной голове с теорией происхождения видов путём естественного и полового отбора» (Eastman M., Trotsky M. Portrait of his Youth. New York, 1925). Как мы видим, у Тейяра де Шардена такой проблемы не было.

ближе к истине был Эйнштейн, которому принадлежит мысль о том, что «Бог не играет в кости», т. е. Высший Разум творит мир рационально, сообразуясь с определенными целями, и при этом никогда не ошибается. Допуская обратное, мы тем самым отвергаем понятие Бога как предельного совершенства. Я не отрицаю возможность регресса и деградации видов, но происходит это не потому, что была допущена ошибка при их создании, а потому, что они выполнили предназначенную им миссию в общем плане развития жизни и, в конечном итоге, в плане развития мироздания и самого Бога.

Ошибается не Высший Разум, а оба мыслителя, выдвигая гипотезы муравейника как эволюционного тупика и деградирующей цивилизации. Любые тупиковые формы вырождаются и вымирают, но муравьи, судя по их распространению и жизненной активности, явно не собираются этого делать. Они не только весьма далеки от вымирания, но занимают важное место в общем балансе жизни на нашей планете и захватывают все большее жизненное пространство. Может быть, это происходит потому, что они не знают о том, что зашли в эволюционный тупик? Их весьма агрессивная жизненная активность не допускает мысль о возможной деградации или инволюции данного вида. Муравьи не зашли в тупик, а продолжают свое восхождение как вид, но программа их эволюции принципиально отлична от программы эволюции человека. Если в человеческом обществе все более узкая специализация ведет к распаду его целостности, то в муравьином сообществе специализация является необходимым условием формирования все более устойчивых и жизнеспособных его форм.¹⁴

Еще одну экзотическую гипотезу, которая, в отличие от концепций Успенского и Шардена, пронизана верой в светлое

¹⁴ Степень специализации и формы организации коллективной жизни у муравьев различных видов существенно отличаются. Известны примитивные виды с десятком неспециализированных рабочих и миллионные семьи с узкоспециализированными группами особей и сложной организацией (См.: Захаров А. Муравей, семья, колония. М., 1978, с. 76). Можно предположить, что разные виды муравьев, так же как разные цивилизации человека, находятся на разных ступенях своей эволюции. Это говорит о том, что эволюция муравьев продолжается и весьма далека от своего завершения, не говоря уже о каком-либо «эволюционном тупике».

будущее муравьев, мы находим у современного французского писателя Бернара Вербера. Его трилогия, самое объемное литературное произведение о муравьях, стала бестселлером уже на исходе XX столетия.¹⁵ Контакт с иными цивилизациями у Вербера происходит не в глубинах космоса и не с инопланетянами, посетившими нашу планету, но с существами, которые живут рядом с нами и к которым мы настолько привыкли, что вообще перестали обращать на них внимание. Речь идет о муравьях, которых он наделяет не только абстрактным мышлением, но такими качествами как дружеская привязанность, любовь, и даже вера в высшие идеалы. Он изображает муравьиное сообщество как цивилизацию с такими ее атрибутами, как культура и религия.

Я полагаю, что Вебер с его неудержимым оптимизмом также заблуждается. Муравьи никогда не были существами, наделенными высоким интеллектом, которые на каком-то этапе своего развития превратились в неразумных насекомых. Они также не являются культурным сообществом, способным прийти к социальным формам, подобным человеческой цивилизации. В контексте моего рассуждения важно не столько подчеркнуть ошибочность экзотических гипотез, сколько отметить, что все три мыслителя, сосредотачивают внимание не на процессе постепенных изменений, происходящих в организме отдельных муравьев, а на эволюции сообщества насекомых как единого организма.

Кто управляет муравейником?

Каким образом координируется жизнь муравейника и кто есть тот таинственный координатор, который способен им управлять? Сегодня эти вопросы все больше занимают не только ученых, но и всех тех, кого так или иначе волнует жизнь этих замечательных насекомых. Подойти к пониманию жизни муравьиного сообщества мы сможем только ответив на вопрос, что такое муравейник? Так же как проблема эволюции жизни на нашей планете, этот вопрос расколол ученый мир на два противоборствующих лагеря. Одни, соглашаясь с тем, что муравейник — это

¹⁵ Вербер Б. Муравьи. М.: РИПОЛ классик, 2007–2008. (Сочинение объединяет три книги: «Муравьи», «День муравья» и «Революция муравьев»).

единая живая система, считают, что он не является целостным организмом. Другие защищают точку зрения, согласно которой муравейник представляет собой суперорганизм, т. е. может рассматриваться как единое живое существо.

Муравейник — семья или единый организм?

С древних времен люди восхищались не столько удивительными способностями отдельных муравьев, сколько организацией их коллективной жизни, очень похожей на устройство нашего общества. Римский философ-платоник Цельс писал: «Если люди думают, что они отличаются от животных тем, что живут в городах, издают законы и ставят над собой власть верховную, то это напрасно, потому что пчелы и муравьи делают то же. У пчел есть свой царь, и они следуют за ним и повинуются ему. У них есть свои войны, победы и истребления побежденных, у них есть города и предместья, определенное время для работы, наказания ленивых и злых, они прогоняют и наказывают трутней... Если бы кто-нибудь мог взглянуть с неба вниз на землю, какую разницу заметил бы он между работами людей, с одной стороны, пчел и муравьев — с другой?» Мы уже знаем, что муравьи не являются разумными существами, подобными человеку. Также известно, что само это сообщество не является городом или государством, и что вообще нельзя отождествлять его ни с одной из коллективных форм, присущих человеческому обществу. Тем не менее довольно часто такие слова как «семья», «община», «общество» и даже «цивилизация» применяются для характеристики жизнедеятельности муравьев.

Интересна в этой связи точка зрения специалиста по социальной организации муравьев А. Захарова. Рассматривая муравейник как целостную систему, он описывает его как «семью», «сообщество» или «общество», т. е. использует понятия, которые, как правило, применяются для характеристики отношений в человеческом обществе.¹⁶ Этот ряд можно продолжить такими понятиями как «государство», «народ», «цивилизация». Давайте попробуем поразмышлять о том, корректно ли применение такого

рода понятий по отношению к муравейнику. Для этого сопоставим семью человека и муравейник. Сразу оговорюсь, что для меня одной из главных функций семьи является рождение и воспитание детей. Поэтому я рассматриваю семью исключительно как объединение индивидов противоположных полов.

Говоря о семье в человеческом обществе, мы имеем ввиду следующие вещи:

- семья людей это союз двух или более индивидов, основанный на их обоюдном желании;
- семья предполагает наличие контракта или договоренности, закрепляющих разделение функций и обязанностей внутри нее, но люди могут жить и вне семьи;
- люди способны к размножению не только в семье, но и вне ее; для размножения достаточно взаимодействия двух разнополых особей.

Совершенно другую картину представляет собой муравейник:

- муравейник не предполагает какого-либо свободного изъяснения воли отдельных особей проживать совместно; муравья никто не спрашивает о его желании вступить в отношения с другими особями;
- муравейник является основной жизненной формой, вне которой ни сохранение отдельной особи, ни ее размножение невозможно; отдельный муравей может быть перенесен из одного муравейника в другой и жить там, но существование единичной особи вне муравейника вообще немыслимо;
- наличие и желания двух муравьев недостаточно для рождения третьей особи; размножение является функцией, которую обеспечивает весь муравейник в целом.

Данное сравнение ясно говорит о том, что те содержания, которые вкладываются в термин «семья», совершенно не подходят для описания жизни муравьев. То же можно сказать и о всех других терминах (город, община, цивилизация и т. п.), которые употребляются для характеристики социально-экономических отношений в человеческом обществе. Их использование в области биологии является отголоском антропоморфизма и не столько проясняет, сколько затемняет истинную природу муравейника.

¹⁶ Захаров А. Муравей, семья, колония. М., 1978, с. 4, 6, 76.

Мне представляется, что такие термины, как единая живая система или целостный живой организм позволяют более адекватно описать природу муравьиного сообщества.

Кто больше всех знает о муравьях? Вопрос риторический — конечно же, специалисты-мирмекологи. Они могут рассказать практически все об анатомии муравьев, но мало что знают об истинной природе муравейника. Им известно, что муравей в течение своей жизни способен изменить свою рабочую специальность, но они не могут объяснить, кто или что заставляет его это делать. Они знают все или почти все о процессах, протекающих в муравейнике, но весьма мало знают о том, что представляет собой муравейник как единое целое, и практически ничего не знают о том, чем задается и каким образом удерживается эта целостность. Они признают, что муравья невозможно помыслить в отрыве от муравейника, что муравейник является единой системой, но отказываются понимать муравейник как единый живой организм. Тем не менее в статьях, написанных не энтомологами, муравейник все чаще описывается как *единое живое существо* или как *суперорганизм*. В них утверждается, что такое понимание муравьиного сообщества является общепринятым и научно доказанным. На мой взгляд, здесь желаемое выдается за действительное. А. Захаров, акцентируя внимание на том, что муравейник представляет собой единое целое,¹⁷ в то же время резко критикует сторонников теории «сверхорганизма», рассматривающих «отдельных муравьев как некое подобие клеток».¹⁸ Не нашел я понимания муравейника как единого организма и в книге другого известного мирмеколога В. Кипяткова «Поведение общественных насекомых». Оба автора признают, что муравейник является единой живой системой, но избегают применять для его описания такое понятие как «живой организм». Почему же мирмекологи отказываются работать с этим традиционным для биологии понятием?

Давайте посмотрим, что стоит за понятием организм. Напомним, что большинство определений организма делают акцент на

¹⁷ Там же: с. 2, 3, 4, 7, 68, 75.

¹⁸ Там же: с. 76.

его целостности, способности к самостоятельному существованию и способности к размножению. Логично допустить, что, если муравей является организмом, он должен обладать теми качествами, которые присутствуют в этих определениях. Но так ли это на самом деле? Оказывается, что ответ на этот вопрос отнюдь не однозначен. Безусловно, муравей имеет физическое тело, мозг и внутренние органы. Можно сказать, что он целостен, как и любая тварь, обладающая физической или телесной формой, отделяющей ее от других существ и от внешней среды. Однако муравей не может существовать сам по себе. Муравей способен выполнять только одну или несколько функций в рамках очень сложной системы, которой является муравейник. Не лучше обстоит дело и с такой важнейшей характеристикой организма, как способность к размножению. Отметим, что определение организма как физической целостности, способной к размножению, в полной мере относится только к живым формам, размножающимся вегетативным путем, или одноклеточным, которые воспроизводятся простым делением. Как только речь заходит о половом размножении, здесь уже требуются минимум две особи, мужская и женская. Следовательно, по отношению к процессу размножения отдельная особь уже не может рассматриваться как целостный организм. Неслучайно мужчина и женщина, создавшие семью, называют друг друга своей второй половиной. Несколько иначе обстоит дело у муравьев. Хотя муравьиная матка отвечает за размножение, но выполнение этой функции обеспечивается усилиями всего муравейника. «Кишащий улей или термитник, — писал Тейяр де Шарден, — это единая живая машина».¹⁹ Совершенно очевидно, что муравей не может ни выживать, ни размножаться самостоятельно, без кооперации и взаимодействия с другими своими собратьями, вне той сложнейшей живой целостности, которую мы называем муравейником. Он частичен и сам по себе рассматриваться как целостная система не может. Тем не менее традиционная биология признает за единичной особью право называться живым организмом и отказывает в этом праве муравейнику, который, как мы видим, действительно является единой

¹⁹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека [Сборник очерков и эссе]. М., 2002, с. 266.

живой системой и соответствует общепринятому определению организма.

Следует также отметить, что понятие организм распространяется и на так называемые колониальные организмы, состоящие из множества клеток, каждая из которых во многих случаях сохраняет способность к размножению. К таким организмам относят не только совокупности одноклеточных, но и таких многоклеточных животных, как коралловые полипы, губки и другие. Почему сообщество или колонию полипов мы можем рассматривать как единый организм, а сообщество муравьев, которое обладает всеми признаками единого живого целого, не можем? Думаю, происходит это только потому, что ряд ученых, в том числе и ведущие специалисты в области мирмекологии, все еще находятся в плену представления об организме как отдельной живой особи. Как отмечает М. Берестенко, «Я-центричное» биологическое сознание трактует организм как некоторую физическую целостность, нечто нерасчлененное (по образу и подобию своего «Я», своего любимого индивидуума, что в переводе с латыни — «неделимый»). По его мнению, «всем известный муравьишка — подтачивает всю стройность современной биологии. Перед ним она стоит в растерянности: организм это или орган? Вроде бы организм — с лапками, с глазиками, с усиками. Между тем главным свойством организма — способностью к продолжению рода обладает только муравейник в целом, а отнюдь не отдельный муравей».²⁰

Признание муравейника не только единой живой системой, но и целостным организмом означало бы революционный переворот всей биологической науки. Ведь если муравейник есть организм, это значит, что он является самостоятельным живым существом. Но если это так, то у него должны быть собственные системы, отвечающие за его координацию как единого целого. Такое признание заставило бы пересмотреть не только отношение единичной особи и муравьиного сообщества, но и представление об эволюции этого и всех других видов коллективных насекомых.

²⁰ Берестенко М. К. Отвяжись плохая жизнь, привяжись хорошая! М. : Книжный мир, 2006.

Кто в муравейнике главный?

То, что муравей — живой организм, знают все, но если я спрашивал, является ли муравейник живым организмом, ответ, как правило, был отрицательным. Тогда я задавал следующий вопрос: знаете ли вы, что не только муравей строит свой муравейник, но и муравейник создает муравья? Меня просили пояснить, что я имею в виду. Я рассказывал об экспериментах, в которых ученые разрушали муравейник, оставляя только одну матку с небольшим количеством муравьев. Через некоторое время муравейник возрождался с тем же набором разнотипных муравьев и в том же пропорциональном отношении между ними, которое было в прежнем муравейнике. Но и после этого мои оппоненты не сдавали своих позиций. Я приводил еще один эксперимент, в котором из муравейника была изъята одна из жизненно важных рабочих групп. Через относительно короткий промежуток времени эта группа восстанавливалась, что позволяло вернуться к нормальному функционированию муравейника. Но это же регенерация! — восклицали мои оппоненты. Действительно, с муравейником происходит нечто подобное тому, что случается с некоторыми рептилиями, когда они утрачивают хвост или конечность. Получается, что муравейник ведет себя как целостное живое существо. Каким же образом происходит эта регенерация?

Известно, что в муравьином сообществе есть особая группа, которая принципиально отличается от всех других. Это — трутни, по нашим представлениям лодыри и тунеядцы. Однако в наше время отношение к трутням существенно изменилось. Их все чаще называют «резервом регенерации» (А. Захаров, В. Кипятков) или «информационным резервом» (В. Луговской). Описывая роль и активность трутней, ученые отмечают, что они в случае необходимости замещают то или иное звено в отлаженной кооперативной системе. Интересен в этой связи эксперимент, проведенный в Стэнфордском университете известным физиком, лауреатом Нобелевской премии И. Пригожиным, который занимался проблемами самоорганизации и коллективной деятельности. В этом эксперименте муравьиную семью разделили на две части: в одну вошли только «ленивые» муравьи, а в другую —

«работники». Через некоторое время выяснилось, что набор рабочих групп новой семьи повторяет состав исходной семьи. Оказалось, что в семье «ленивых» муравьев только каждый пятый остался «ленивым», а остальные активно включились в трудовую деятельность. В семье же «работников» та же пятая часть стала «ленивыми», а остальные остались «работниками».²¹

Само по себе восстановление утраченных частей муравейника вопросов не вызывает, но каким образом координируется этот процесс, кто дает команду к регенерации, кто определяет объем резерва, необходимого для ее осуществления? Раньше считалось, что на вершине муравьиной иерархии находится царица, или матка, которая управляет жизнью всего муравейника. Оказалось, это не совсем так или совсем не так. Есть все основания полагать, что матка отнюдь не является главой муравейника. По сути она представляет собой инкубатор — хотя и важный, но все же только один из органов муравейника, отвечающий за размножение. Как отмечает Захаров, «хозяевами положения в общине являются все-таки рабочие муравьи. Чем больше в муравейнике самок, тем непочтительнее отношение к ним рабочих. Рабочие муравьи переселяют самок из одной части гнезда в другую, передают на обмен в другие гнезда, убивают тех, чья плодовитость стала слишком низкой». По его мнению, весь процесс воспроизводства муравейника контролируется рабочими муравьями. Кипятков также считает, что все решает рабочее большинство и процесс организован по принципу плебисцита — всеобщего равного голосования. Царица тоже подчиняется большинству, как это и должно быть при конституционной монархии! Ну прямо образец демократического устройства! В принципе, процесс или его внешняя форма описан верно. Тем не менее на мой взгляд, здесь очевиден явный налет антропоморфизма. Конечно же, рабочие муравьи не способны проявлять почтительное или непочтительное отношение к кому бы то ни было, как и не могут голосовать или осмысленно принимать решения по тем или иным вопросам жизни

сообщества. Думать подобным образом — все равно что приписывать разумное поведение и способность мыслить таким частям организма, как рука, нога, печень или гипофиз. Сегодня доподлинно известно, что таких муравьев, интеллектуальные способности которых позволяют управлять такой сложной системой, как муравейник, просто не существует в природе. Для того, чтобы представить мыслительные способности муравья, достаточно сравнить его мозг с мозгом человека. Экспериментально доказано, что мозг человека насчитывает около 86 млрд нейронов. Мозг муравья — всего 500 тысяч нервных клеток. Это говорит о том, что информационная емкость мозга муравья явно недостаточна, чтобы мыслить масштабами всего муравьиного сообщества. Но если не матка и не рабочий муравей, тогда кто же главный в муравейнике, кто координирует его функционирование и кто управляет его развитием?

А. Захаров отмечает, что, говоря о муравьях, мы всегда подразумеваем муравейник. Он считает, что постоянная и необходимая связь всех особей в единой системе осуществляется по двум каналам — пищевому и сигнальному. Это обеспечивает достаточный уровень координации поведения муравьев, подчиняя его общим задачам. Безусловно, такие каналы существуют, но эти каналы являются только средством передачи информации и управляющих воздействий. Указания на них еще недостаточно для того, чтобы объяснить, каким образом муравейник удерживается как целостная живая система. В. Кипятков полагает, что коллективное поведение общественных насекомых формируется путем суммирования действий множества индивидуумов. При этом отдельные особи могут действовать неправильно, вхолостую или даже во вред коллективу. Но поскольку большинство прилагает усилия в определенном направлении, при усреднении возникает целесообразный результат. В этом, по мнению Кипяткова, и заключается феномен коллективного поведения общественных насекомых. Вроде бы все звучит правдоподобно, но за счет чего получается эта целесообразность, по-прежнему остается непонятным. Каким образом разнонаправленные действия множества насекомых всегда завершаются созданием гнезда, в котором все подчинено строгой технологии жизни муравьиного сообщества? Рассматривая такой важный процесс, как строительство

²¹ Фролов Ю. Как изучают жизнь муравьев. Наука и жизнь : науч.-попул. журнал, 2007, № 3, с. 72–73.

гнезда, Кипятков приходит к выводу о том, что чертежи гнезда находятся в голове каждого муравья-строителя. Исходя из этого, он утверждает, что «в колонии общественных насекомых нет какого-либо управляющего центра, механизма, регламентирующего деятельность каждого ее члена». Но так ли это очевидно, что проект всего муравейника находится в голове каждого его строителя?

Этого не может быть как минимум по двум причинам. Во-первых, как уже говорилось, емкость мозга отдельной особи явно мала, чтобы удерживать столь большой объем информации. Надо также учитывать, что недостаточно иметь в голове проект такого сложного объекта, как муравейник. Для эффективного взаимодействия столь значительного количества рабочих необходим еще и проект строительных работ. Во-вторых, этого не может быть, потому что нарушаются принципы целесообразности и экономичности ресурсов, которые мы наблюдаем во всем, что существует в природе. Нет муравьев, способных в одиночку построить гнездо. Такая задача под силу только всему муравьиному коллективу. Соответственно, нет никакой необходимости удерживать и хранить такой непомерно большой объем информации в голове отдельного насекомого. Но муравейники все-таки существуют! Значит где-то есть проект или информация об их устройстве. Вопрос только где?

На мой взгляд, вывод Кипяткова о том, что в колонии общественных насекомых нет какого-либо управляющего центра, никак не вытекает из наблюдений самого автора и других мирмекологов. Напротив, он полностью им противоречит — нелогично утверждать, что интеллектуальные способности отдельной особи крайне ограничены, и в то же время настаивать на том, что она способна не только удерживать огромный объем информации, но и оперировать им. Обнадешивает то, что, как отмечает сам Кипятков, окончательного ответа на этот вопрос пока нет — на этом заманчивом, но нелегком пути сделаны только первые шаги.

Центр управления: внутри или вовне?

В наше время представление о муравейнике как о суперорганизме получает все большее признание. Но и среди его сторон-

ников нет полного согласия.²² Одни мыслители убеждены в том, что коллективные формы жизни не координируются единым центром управления. Они исходят из того, что в биологических системах каждый элемент в отдельности получает химические сигналы о том, что надо и чего не надо делать. Совокупность этих сигналов и создает систему принятия решений. В соответствии с этой концепцией муравейник является супермозгом, представляющим собой сеть, связывающую множество особей (информационных ячеек), но не имеющую обособленного центра управления. Речь идет о так называемом «распределенном мозге». Их оппоненты полагают, что центр, к которому стекается вся информация и который отвечает за поддержание целостности всей системы, обязательно существует.

Проблема координации коллективного поведения муравьев находится сегодня в центре внимания не только специалистов-энтомологов, изучающих жизнь социальных насекомых, но и всех, кого интересуют суперорганизмы, к которым можно отнести и муравейник, и цивилизацию человека. В отличие от мирмекологов, закованных в латы традиционных биологических понятий, основное содержание которых было заложено еще в XVIII–XIX веках, они оказались намного свободнее в своем понимании природы муравейника. Отказавшись от традиционной доминанты органического в природе живого, они исходят из того, что кроме энергетического обмена, одним из главных признаков организма является способность принимать, передавать и обрабатывать разнообразную информацию.²³ Речь идет уже не просто о расширении понятия организм, но о его радикальной трансформации, которая предопределила появление совершенно нового, выходящего за пределы предмета биологии, подхода к изучению живых существ, в частности муравьиного сообщества.

Мы уже упоминали популярную трилогию о муравьях Бернара Вербера, содержание которой строится на параллелях между

²² Впервые термин «суперорганизм» был предложен еще в 1910 г. крупнейшим американским мирмекологом У. Уиллером для обозначения организмов, состоящих из множества особей и работающих вместе как функциональное или социальное единство.

²³ Степанов А. Н. Информатика: Учебник для вузов [Изд. 6-е]. СПб.: Питер, 2015.

муравьиным сообществом и цивилизацией людей. Автор не только убежден в том, что эти крошечные насекомые имеют высоко развитый интеллект и свою культуру, но оценивает возможности развития их цивилизации выше, чем потенциал цивилизации человека. Архаичные представления о разумности муравьев у Вербера переплетаются с современным пониманием муравьиного сообщества как единого живого организма. Муравейник в его описании предстает в том же виде, как он виделся нашим предкам тысячи лет назад, как иерархизированная структура, на вершине которой находится царица-матка, которая управляет всей жизнью муравьиного царства. В то же время он утверждает, что эти насекомые обладают коллективным мышлением. Они «не только обмениваются информацией, они подключают один мозг непосредственно к другому. Через усики гормоны передаются от одного мозга к другому так, что они составляют единое целое, и тогда происходит полное, абсолютное, совершенное взаимопонимание».²⁴

Герои книги, группа студентов, увлеченных идеями демократической реформации современного общества, наивно полагают, что принцип распределенного мозга поможет разрешить все проблемы, прежде всего снять противоречие между ценностью индивидуализма, столь дорогого для всех либералов и демократов, и интересами общества как единого целого. Они считают, что нашли образец, которому общество должно следовать в своем развитии. Это идея единого живого организма, позаимствованная ими у муравьев. Поэтому свою революцию молодые реформаторы называют революцией муравьев. По сути, трилогия Б. Вербера является попыткой переосмысления анархической концепции создания гармоничного общества. В качестве оптимального варианта предлагается такой тип социального устройства, который отрицает любую иерархию и централизацию управления. В то же время становится ясным, что без центра, координирующего активность множества ячеек, провести и защитить революцию невозможно. Как решение этой задачи предлагается создание так

²⁴ Вербер Б. Революция муравьев. М.: ГЕЛЕОС: РИПОЛ классик, 2007, с. 641–642.

называемого «демократического компьютера», техническое обеспечение которого — постановку задач, разработку алгоритмов и программ — должна обеспечить инициативная группа, или штаб революции. По мере осознания ответственности за свои деяния, герои повествования приходят к пониманию того, что создать новое общество без такого центра в принципе невозможно.

В том, что муравейник представляет собой единый живой организм, убежден и профессор из Иерусалима В. Луговской. Так же, как и герои «Революции муравьев» Вербера, он исходит из того, что муравейник является «супермозгом», связывающим множество особей (отдельных информационных ячеек) в единую систему. Он считает, что для того, чтобы эти сегменты могли работать как единый мозг, надо не только соединить их линиями связи, но и включить в систему особую программу — «надзиратель».²⁵ Такая программа должна охватывать все аспекты жизнедеятельности муравейника, т. е. содержать в себе максимально полную модель его функционирования и развития как единого организма. Помните тот эксперимент, в котором из муравейника изымалась одна из жизненно важных рабочих групп? В относительно короткое время муравейник восстанавливался в прежнем виде. О чем это говорит? Безусловно, о том, что должна существовать некоторая информационная матрица или особая программа, отвечающая за поддержание целостности муравейника. Но где такая программа может размещаться и что или кто может быть ее носителем? Как мы уже говорили, она не может находиться ни в мозгу отдельной особи, ни быть распределенной по всем муравьям, каждый из которых является элементом системы супермозга. Отсюда следует вывод о том, что единый центр управления, необходимый для выживания муравейника как единого живого организма, должен иметь обособленное существование.

Возражения против присутствия в муравейнике единого центра управления объясняются тем, что сегодня наука с помощью имеющихся у нее средств его не находит, а значит, его нет и быть не может. С этой логикой трудно согласиться, учитывая

²⁵ Луговской В. «Распределенный мозг» муравьиной семьи. Наука и жизнь : науч.-попул. журнал, 2007, № 3, с. 66–74.

то, что современная наука признает существование целого ряда явлений (биополе, телепатия, гены и многие другие), которые она еще не так давно категорически отрицала и природу которых она все еще до конца объяснить не может. Я разделяю мнение В. Луговского, о том, что программа «надзиратель» и каналы передачи управляющих сигналов в муравейнике до сих пор не найдены не потому, что их нет в природе, а потому что аппаратура, которой располагают сегодня ученые, несовершенна и не позволяет этого сделать. Но даже если мы установим, каким образом передается информация в системе распределенного мозга, вопрос, где находится программа «надзиратель», все равно остается открытым. Можно предположить, что центральный узел или управляющая матрица существуют за счет еще неизвестных науке видов энергии. Конечно, на сегодняшний день присутствие в муравейнике управляющего центра является только гипотезой. Однако, с моей точки зрения, сегодня нет другой гипотезы, которая могла бы конкурировать с концепцией программы «надзиратель», предложенной профессором из Иерусалима.

В прежние времена люди ничего не знали об информационных системах и теории управления, они просто верили в бытие некоторых духовных сущностей, которые управляют разными видами животных. Мы встречаемся с ними в древних преданиях, мифах и сказках. Они выступают в облике повелителей или царей волков, обезьян, орлов, мышей, змей, муравьев и т. п. Эта вера давала понятное объяснение коллективного поведения животных. Наших пращуров не удивляло то, что некая могущественная сила заставляет огромные массы животных в определенные моменты их жизни вести себя подобно единым живым организмам. Это относилось практически ко всем видам животных, млекопитающим, птицам и рыбам, рептилиям и насекомым. Что или кто, кроме подобных духовных сущностей, мог бы принудить лососей, несмотря на невероятные препятствия, прорываться против течения в те водоемы, в которых они когда-то появились на свет, чтобы дать жизнь новому поколению и, отдав свой священный долг природе, погибнуть? Еще более удивительным и до сих пор необъясненным представляется жизненный путь европейского угря. В его жизненном цикле поражает буквально все, но самое удивительное это то, что в отличие от лососей, которые

всегда возвращаются в разные водоемы, откуда они произошли, угри нерестятся только в одном единственном месте на планете, в Саргасовом море, которое находится в Западном полушарии, у берегов Северной Америки. Угри преодолевают огромные расстояния и устремляются в это море, туда, где они были рождены, чтобы на глубине более 1000 метров дать жизнь новому поколению и закончить свою собственную. За время своего пути они изменяются физически, приобретая качества, необходимые для глубоководных организмов. Загадка миграции угрей до сих пор до конца не разгадана — нам все еще не известно, какая сила составляет неисчислимое количество этих рыб, находящихся в разных, весьма отдаленных друг от друга точках земного шара, подчиняться общему для данного вида закону жизни.

Если у лососей и угрей коллективные формы поведения наблюдаются только на определенных этапах их жизненных циклов, то у общественных насекомых коллективность пронизывает все их бытие. Это говорит о том, что программы, предопределяющие коллективное поведение разных видов живых организмов, существенно отличаются друг от друга. Несомненно, то, что во всех этих случаях присутствует некоторое единое управляющее начало. И не столь важно, как мы называем это начало — управляющая матрица, мыслеформа или программа «надзиратель», — главное, что мы признаем сам факт его существования. Мы уже не можем делать вид, что его нет, только на том основании, что такое понимание не вписывается в рамки сложившейся материалистической картины мира.

Если еще недавно по историческим меркам муравей воспринимался как самостоятельное существо, способное, подобно человеку, принимать решения и действовать в соответствии с ними, а муравейник выступал как сообщество свободных индивидов, то сегодня муравейник рассматривается как самодостаточная живая система, вне которой отдельная особь существовать вообще не может. При этом на первый план выходит проблема координации и управления жизнедеятельностью этой системы. Как мы уже знаем, ученый мир не пришел к согласию. До сих пор нет окончательного ответа на вопросы о том, есть ли у муравейника единый центр управления, и, если таковой имеется, то где он может находиться: внутри его физического тела или вне его.

Рассмотрев различные концепции муравейника, в качестве своей рабочей гипотезы я принял следующие положения:

- муравейник является единой живой системой — супер-организмом;
- муравейник не возникает на определенном этапе эволюции муравья, а изначально является единым коллективным существом;
- муравейник не имеет внутренних механизмов развития и поэтому не претерпевает значительных изменений не только в пределах своего жизненного цикла, но остается практически неизменным с древнейших времен и до наших дней;
- вся жизнь муравейника контролируется и регулируется единым центром управления, который может существовать на энергетических уровнях, неизвестных современной науке.

Правы ли были наши далекие предки, которые уподобляли муравейник обществу людей? Можно ли говорить о том, что муравейник и цивилизация человека подобны друг другу, или между ними существуют принципиальные отличия? Если такие отличия есть, то в чем они заключается? Здесь мы подошли к главному вопросу этой книги: что такое цивилизация? Возможно, взгляд на цивилизацию человека через призму муравейника поможет нам в этом разобраться.

Глава II

ЦИВИЛИЗАЦИЯ — ДУХ ИЛИ МАТЕРИЯ?

Формирование понятия

Европа XVIII–XIX веков

Совсем не так давно по историческим меркам Европа не имела понятия о таких вещах, как картофель, томаты или шоколад. Сегодня мы не можем представить нашу жизнь без всех этих продуктов. Нам также трудно допустить, что еще совсем недавно, примерно те же двести лет назад, наши предки прекрасно обходились без такого слова, как «цивилизация». Но если теперь мы очень хорошо знаем, что такое картофель, томаты или шоколад, то о том, что такое цивилизация, мы до сих пор имеем весьма смутное представление.

Это слово появилось относительно недавно. В его современном смысле оно употребляется начиная только со второй половины восемнадцатого столетия. Именно тогда цивилизацию стали понимать как определенный уровень культуры, образованности и воспитания и, соответственно, как этап эволюции, следующий за дикостью и варварством. Одно из первых употреблений этого слова мы находим у маркиза Мирабо. В своем труде «Друг людей, или Трактат о народе», опубликованном в 1756 году, он писал, что если спросить у большинства, в чем состоит цивилизация, то ответили бы: цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдать правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития. По его мнению, цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели.

В этом же трактате он определял религию как, без сомнения, первую и наиболее полезную сдерживающую силу человечества — главную движущую силу цивилизации. Мирабо был первым и последним представителем эпохи Просвещения, кто настаивал на приоритете духовной природы цивилизации. Важно подчеркнуть, что идея формообразующей роли религии по отношению к цивилизации явно опережала свое время. Она не могла быть воспринята просто потому, что самого слова «цивилизация» еще не было в обиходе и, конечно же, не было и проблемы теоретического обоснования этого понятия.

Мы знаем, что в эту эпоху церковь утрачивает тотальный контроль над умами, новое научно-ориентированное мировоззрение стремится вытеснить все, что было связано с религией, за пределы своей картины мира. Практически все известные деятели того времени выступали с резкой критикой церкви. Неприимным врагом церкви был и Вольтер, лозунгом которого стал призыв «раздавить гадину». Несмотря на это, он оставался религиозным человеком и даже критиковал атеизм. Известно, что незадолго до своей смерти Вольтер вступил в парижскую масонскую ложу. Первую критику религии с позиций атеизма мы находим у Вольтера. Призывая «воздвигнуть несокрушимую стену, отделяющую мир химер от мира действительности, религию от очевидности и истины» и сосредоточить внимание на материальной основе жизни человека (прежде всего на земледелии и торговле), он выражал общее умонастроение эпохи. Как отмечает швейцарский историк культуры Ж. Старобинский, если у Мирабо определяющим фактором цивилизации выступает религия, то у других мыслителей этой эпохи такими факторами являются совершенствование и просвещение.¹ Это говорит о том, что в эпоху Просвещения формируется понимание цивилизации, которое не только придает религии второстепенное значение, но вообще выводит духовный план существования цивилизации за пределы обсуждения данной темы. Противоборство этих двух подходов является осью моего последующего рассмотрения эволюции понятия цивилизации.

¹ Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Философы-просветители, видя варварство в современном им феодальном строе, проводили границу между старым и новым по своему времени. В принципе, ничего нового в этом не было. Древние египтяне и эллины тоже противопоставляли свое культурное пространство — Ойкумену — всему остальному некультурному миру, гуманисты эпохи Возрождения делали то же самое, относясь к Готике как к эпохе варварства. В отличие от них, мыслители XVIII столетия, окрыленные новым материалистическим мировоззрением, свою задачу видели не просто в утверждении культурного превосходства, но в научном обосновании своего мироощущения и своих идей. Уже у Мирабо мы находим представление о цивилизации как о самостоятельном этапе и особом состоянии процесса эволюции человеческого разума. При этом сам процесс понимался как прогрессивный, как переход от более низкого к более высокому состоянию бытия человека. Само слово «цивилизация» возникает в новоевропейской истории одновременно со словом «прогресс» в его нынешнем понимании. С тех пор эти термины находятся в теснейшей связи друг с другом.² Первая теория прогресса как единого процесса изменений к лучшему принадлежит маркизу Кондорсе, одному из идейных вдохновителей Французской революции. Его теория прогрессивного развития общества закрепляет представление о *дикости, варварстве и цивилизации* как о трех главных этапах истории человечества. Важно подчеркнуть, что цивилизация здесь выступает как *высший и завершающий этап*. Эта модель стала господствующей в философии и науке второй половины XVIII века.

Тем не менее не все разделяли точку зрения, согласно которой цивилизация предстает как высшая форма эволюции человеческого общества. Жан-Жак Руссо связывал цивилизацию с возникновением государства, общества и законов, «которые наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили лов-

² Там же: с. 114.

кую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету». Такое видение, безусловно, не осталось без внимания в марксистском понимании цивилизации. Ф. Энгельс считал, что в отличие от формаций, которые характеризуются определенным способом производства, цивилизация является ступенью общественного развития, на которой происходит смена господства природы над людьми господством людей над людьми.³ Он выделяет «три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации — рабовладельческую, феодальную и капиталистическую, — и подчеркивает, что основой цивилизации является разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы. Последняя эпоха является фазой умирания цивилизации. Отсюда и выражение «загнивающий капитализм». Исходя из этого, Энгельс приходит к заключению о том, что господство людей над людьми выступает главным источником социальных противоречий и, соответственно, главным препятствием прогресса в период цивилизации. Преодоление этого противоречия он видит в переходе к коммунизму, следующей ступени общественного развития, на которой не будет эксплуатации человека человеком. Таким образом, в марксистском учении к трем этапам эволюции человеческого общества добавляется еще одна ступень, и схема приобретает следующий вид: *дикость–варварство–цивилизация–коммунизм*. Как мы видим, в отличие от модели XVIII века, здесь цивилизация выступает уже не как завершающая эпоха истории человечества, но как *промежуточная ступень* между варварством и коммунизмом.

В своем стремлении обосновать коммунизм как светлое будущее человечества, как конечную цель его эволюции, марксизм, по сути, следует за христианским мифом о царстве Божьем как конце истории, времени окончательного торжества добра над злом. Но в отличие от этого мифа, повествующего о духовной эволюции человека, отцы-основатели научного коммунизма сосредоточили внимание исключительно на материальном ее аспекте.

³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Т. 3 [Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х т.]. М.: Политиздат, 1986.

Нельзя не признать тот огромный вклад, который марксистское учение внесло в развитие представлений о социально-экономических отношениях. Положительным моментом является то, что в соответствии с этой теорией жизненный цикл цивилизации подчиняется совершенно определенным законам. Она возникает, достигает пика своего развития и умирает. В то же время марксистское понимание цивилизации, исключив духовный план ее существования, является частичным и не позволяет анализировать ее как сложное многоплановое целое.

Важным аспектом формирования представлений о цивилизации в XIX веке, наряду с пониманием ее как определенного этапа и состояния процесса эволюции общества, является *сопоставление цивилизации и культуры*. Человечество должно было пройти очень долгий путь, прежде чем оно обратило внимание на само себя. Именно поэтому интерес к тому, что есть цивилизация и что есть культура, актуализируется на довольно позднем этапе развития, только в конце XVIII столетия. В эту эпоху набирающее силу научное мировоззрение вступает в открытое противоборство с церковью и религиозным сознанием вообще. Новая материалистическая картина мира включает в себя только то, что воспринимается нашими органами чувств, то, что можно физически ощутить или зафиксировать с помощью точных измерений. Мир духа и все, что к нему относится, объявляется вымыслом церковников, потусторонним или метафизическим, тем, что находится за пределами реальной действительности или мира физического. Понятно, что общие тенденции и коллизии философского мышления этой эпохи не могли не отразиться на процессе формирования таких понятий, как «цивилизация» и «культура». Прокрустово ложе естественно-научного подхода вместе с религией полностью отсекает духовный план существования цивилизации. Культура также стала рассматриваться главным образом как материальная сущность, как уровень воспитания и просвещения человеческого рода, как *совокупность всего созданного человеком*. Это приводит к упрощению обоих понятий и объясняет, почему европейская философская мысль XIX столетия так и не смогла отличить культуру от цивилизации. Смешение этих понятий продолжается и в наши дни. Если мы обратимся к современным словарям, то увидим, что, как правило, в них

присутствует определение цивилизации как синонима культуры или как ступени развития культуры.⁴ Так, французский историк Фернан Бродель определяет цивилизацию как «культурный ареал», «собрание культурных характеристик», американский политолог С. Хантингтон — как широчайшую культурную общность. Он также указывает на то, что культура является общей темой практически каждого определения цивилизации. отождествление этих понятий и сегодня препятствует пониманию истинной сущности «культуры» и «цивилизации».

Россия, XIX век

В России слова «культура» и «цивилизация» появляются несколько позже, чем в Европе, примерно с середины 30-х годов XIX века. Мы не находим слово «культура» у Пушкина, хотя он неоднократно употреблял слово «цивилизация», когда речь шла о просвещении или образованности.⁵ Тем не менее именно в России появляется работа, дающая первое теоретическое обоснование понятия «культура».⁶ Еще в 1836 году ее автор, Данило Велланский — профессор Императорской Санкт-Петербургской медицинской академии, — несмотря на свою принадлежность к сфере научного знания, выводит рассмотрение культуры за пределы сугубо материалистического ее понимания. Полагая, что культура принадлежит как к миру духа, так и к миру материи, Велланский писал: «Природа, возделанная духом человеческим, есть Культура, соответствующая Натуре так, как понятие сообразно вещи. Предмет Культуры составляют идеальные вещи, а предмет Натуры суть реальные понятия ... Обе, по их содержанию, находятся параллельными». Велланский понимал культуру как отражение Мирового Духа, которое может иметь и телесное воплощение, и воплощение идеальное — в отвлеченных понятиях.

⁴ World English Dictionary, Collins English Dictionary. Complete & Unabridged 10th Edition 2009; БСЭ; словари: Т. Ф. Ефремовой, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и другие.

⁵ Сугай Л. Термины «культура», «цивилизация» и «просвещение» в России XIX — начала XX века. Труды ГАСК. Выпуск II. Мир культуры. М.: ГАСК, 2000, с. 39–53.

⁶ Велланский Д. М. Основные начертания общей и частной физиологии или физики органического мира. СПб., 1856.

Получается, что уже в первой половине XIX века в России существовала концепция, которая, на мой взгляд, не только превосходит общепринятое понимание «культуры», но и представления многих современных профессионалов-культурологов. Теория культуры Велланского не оказала непосредственного влияния на философскую мысль его времени. Так же как и Мирабо, академик Велланский опубликовал свои мысли в условиях, когда слова «культура» и «цивилизация» не только не были знакомы обывателям, но практически не употреблялись и наиболее просвещенной частью общества. Оба мыслителя исходили из того, что цивилизация и культура имеют двойную природу — духовную и материальную. Понятие культуры, разработанное Д. Велланским, как и представление Мирабо о цивилизации, оказалось не только невостребованным, но даже незамеченным современниками.

Только во второй половине XX столетия представление Велланского о культуре находит свое подтверждение в трудах О. Генисаретского.⁷ Он предложил концепцию общественной системы как отношения культурной и социальной ее подсистем. Согласно этой концепции, все, что существует в нашей жизни (в социальной подсистеме), любые вещи, технологии, отношения между людьми, производится и происходит в соответствии с принятыми в данном обществе нормами. Эти нормы, которые фиксируются определенным образом, в виде традиций, канонов и образцов, передаются от поколения к поколению и являются элементами культуры. В концепциях Велланского и Генисаретского культура не есть дух — она является результатом творческой работы духа, и этот результат сам по себе есть вещь вполне материальная. Однако важно обратить внимание на то, что у Генисаретского единицами или элементами культуры выступает не то, что создается человеком в его практической деятельности, а «идеальные вещи», «культурные значения» или нормы, по которым эта деятельность осуществляется. Например, отдельно взятый стол сам по себе не принадлежит культуре, разве что он находится в музее и выступает как образец или культурная ценность.

⁷ Генисаретский О. И. Опыт методологического конструирования общественных систем [В сб.: «Моделирование социальных процессов»]. М.: Наука, 1970, с. 48–63.

Элементом культуры является представление о столе как о предмете, у которого есть горизонтальная поверхность, на которой можно писать, чертить, принимать пищу и еще много чего делать. Даже если в один прекрасный день исчезнут все столы, мы все равно сможем воссоздать стол, так как у нас есть соответствующая культурная норма. По этим нормам воспроизводится абсолютно все, что присутствует в жизни общества. Они закрепляются и передаются в процессах обучения и воспитания, главной функцией которых является прикрепление человека к определенной культуре. Таким образом, культура представляет собой совокупность норм, которые обеспечивают воспроизводство жизнедеятельности конкретного общества в целом.

Вернемся в XIX век. Во второй его половине философская мысль в России переживает небывалый расцвет. На первый взгляд может показаться, что речь идет об отдельных всплесках или гениальных озарениях, как это было с концепцией культуры Д. Велланского. Но уже через два десятилетия после его смерти появляется труд Н. Я. Данилевского, в котором он сравнивал культуры и нации с биологическими видами.⁸ Данилевский выделял десять цивилизаций или, как он их называл, культурно-исторических типов, в каждом из которых он видел высшее и окончательное выражение социального единства. Согласно его теории, представление о мировой истории как о едином прогрессивном процессе является заблуждением. Каждая цивилизация, подобно живым организмам, в своем развитии проходит обязательные стадии: юности, зрелости и старости. Его концепция предполагает четыре категории историко-культурной активности цивилизации: религиозную, культурную, политическую и экономическую. Судя по тому, что религиозную деятельность он ставил на первое место, ведущую роль он отводил духовному фактору существования цивилизаций. Я не знаю был ли Данилевский знаком с работой Велланского, но полагаю, что он исходил из того же понимания природы общества, согласно которому культуру и процесс его исторической эволюции следует рассматривать в двух плоскостях — духовной и материальной.

⁸ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Этот же подход к цивилизации мы находим у К. Леонтьева, который, по мнению Л. Толстого, стоял выше всех русских философов. Применяя биологический подход к истории, Леонтьев выступает как последователь Н. Данилевского. Известный русский философ В. Соловьев характеризовал метод работы К. Леонтьева как «медицинский, биологический подход врача патологоанатома». Леонтьев утверждает, что цивилизация имеет свой жизненный цикл, состоящий из трех последовательных периодов: первоначальной простоты (подобно организму в зачаточном и незрелом, младенческом периоде), затем положительного расчленения (подобно развитому цветущему возрасту организма) и, наконец, упрощения или вторичной простоты (дряхлость, умирание и разложение организма). Признавая важное значение государства и экономики, он отводил религии ведущую роль в обеспечении единства и целостности цивилизации. Он писал: «есть политик, который сильнее всех государственных людей — это Бог». Такое понимание роли религии стало главным основанием его критики идеи славянской цивилизации, отстаиваемой Данилевским. Основное возражение Леонтьева заключалось в том, что такой цивилизации нет и не будет, потому что у славян нет единой объединяющей их религии. В своем понимании формообразующей роли религии по отношению к цивилизации он был более последовательным, чем Данилевский. Несмотря на имеющиеся расхождения по славянскому вопросу, в их представлениях о цивилизации было намного больше общего, чем различий. Нельзя сказать, что оба мыслителя совершенно четко различали понятия культуры и цивилизации. Но в более поздних работах Леонтьев перестает употреблять слова «культура» и «цивилизация» как синонимы. Различая их как часть и целое, он рассматривал культуру как одну из составляющих цивилизации наряду с религией и государственностью.⁹

Известно, что Данилевский не был знаком с теорией Леонтьева и оба они, скорее всего, не подозревали о теории культуры Велланского, тем не менее создается впечатление, что в своем подходе к понятию цивилизации они опирались именно на эту

⁹ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского [В сб.: Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство]. М.: Республика, 1996, с. 473–474.

теорию. По Велланскому, *творческий дух хотя и порождает культуру, но не является частью ее природы*. Иначе обстоит дело с цивилизацией. Она, подобно человеку, как, впрочем, и всем другим живым существам, *наряду с материальной имеет и природу духовную*. Именно такое представление о двойной природе цивилизации было заложено Данилевским и Леонтьевым. Оно позволило рассматривать цивилизацию как живой организм и применить по отношению к ней так называемый биологический подход. Данилевский и Леонтьев предложили свои концепции за полвека до того, как мир познакомился с «Закатом Европы» О. Шпенглера. Поэтому они по праву являются отцами-основателями цивилизационного подхода не только в русской, но и в мировой науке. Можно с уверенностью сказать, что уже в XIX веке в русской науке были созданы теоретические основания для различения «культуры» и «цивилизации» как принципиально разных понятий.

Как эпоха Просвещения не готова была принять представление Мирабо о том, что религия является формообразующим фактором цивилизации, так и XIX век еще не был готов к восприятию идей Велланского, Данилевского и Леонтьева. Это время, в силу своей приверженности идеалам научно-технического прогресса, оказалось более восприимчивым к идеям Руссо и Энгельса.

Цивилизация враждебна культуре, XX век

Так что же такое культура и что такое цивилизация? Имеют ли эти слова общее для них содержание или за ними скрываются принципиально разные вещи? Эти вопросы уже в начале XX века привлекают все большее внимание литераторов, художников, философов. Актуальность их была очевидной для Л. Толстого, который считал, что «цивилизация» и «культура» являются понятиями неясными, неопределенными, под прикрытием которых весьма удобно употреблять еще менее понятные слова, легко подставляемые под сомнительные теории. Надо отдать должное гению Толстого как мыслителя. Судя по его более поздним высказываниям, ему удалось разглядеть то, чего не смогли увидеть и понять не только писатели и поэты, но и философы, и не только его времени, но и последующих поколений. Не считая цивилизацию исключительно негативным явлением, он писал: «Меня сравнивают с Руссо. Я многим обязан Руссо и люблю его, но есть

большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую. То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это, или дурно».¹⁰

Понятия «культура» и «цивилизация» в то время витали в воздухе. А. Блок в духе современных ему представлений не различал их как две разные сущности. Он писал: «Цивилизация это — культура, пережившая творческую молодость».¹¹ Поэт-символист А. Белый в своей статье «Кризис культуры» отмечал, что «вопрос о том, что такое культура, есть вопрос наших дней». Вместе с тем он также понимал цивилизацию как поздний этап развития культуры.¹² На необходимости различения культуры и цивилизации как разных понятий настаивал философ-мистик и художник Н. Рерих. В отличие от Велланского, он рассматривал культуру не как результат творческой деятельности духа, но как сам этот дух. Он видел в ней исключительно доброе, возвышенное начало: «Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений».¹³ Относя культуру к сфере духа и, более того, отождествляя ее с Богом, в понятие цивилизации он включал только материальные аспекты жизнедеятельности человека (технологии, индустрию, науку, экономику и т. п.). Цивилизация у него предстает как антагонист культуры — чем больше цивилизации, тем меньше культуры. Такое понимание обязательно вело к противопоставлению этих понятий в духе традиционной христианской оппозиции града небесного и града земного как двух противоположных полюсов — духа и материи. В отличие от Толстого, который пришел к пониманию того, что культуру и цивилизацию нельзя трактовать однозначно как добро или зло, большинство представителей русской интеллигенции относилось к ним как к враждебным друг другу началам.

¹⁰ Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 20-ти т. Том 20. Дневники. 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1960. с. 11.

¹¹ Статья А. Блока «Крушение гуманизма» (См.: Блок А. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955).

¹² Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.

¹³ Статья Н. Рериха «Культура — почитание Света» (См.: Рерих Н. К. Твердыня Пламенная. Рига: Виеда, 1991).

Возвышенное, я бы сказал, почти религиозное отношение к культуре было присуще не только деятелям искусства, писателям, художникам и поэтам, но и профессиональным философам, таким как Павел Флоренский¹⁴ и Семен Франк. Подобный взгляд на культуру и цивилизацию мы находим и у Николая Бердяева. По его мнению, «культура благородного происхождения, она родилась из культа, истоки ее — сакральны, основы — религиозны». Культура у него всегда бескорыстна в своих достижениях, цивилизация же, напротив, заинтересована. Воля к «жизни», к ее организации, воля к могуществу, господство экономизма, стремление к наслаждению и утилитарным ценностям — все это Бердяев называет цивилизаторской тенденцией. Он считал, что в любой культуре «заложены начала, которые ведут ее к цивилизации» и исходил из того, что цивилизация является завершающим этапом развития культуры. Так же, как Н. Рерих, он писал о том, что развитие цивилизации обязательно приводит к деградации, угасанию культуры.¹⁵ Будучи в эмиграции, Бердяев активно обсуждал эти вопросы с другим русским мыслителем — Дмитрием Мережковским, — который придерживался иной точки зрения. Понимая культуру как «творчество ценностей», охватывающих все стороны жизни конкретного общества, он был уверен в том, что культура и цивилизация существовали всегда и в идеале должны находиться в органическом единстве. Позднее это положение будет принято и Бердяевым. Он согласился с Мережковским, что культура и цивилизация представляют собой две взаимосвязанные, но не сводимые друг к другу сущности.¹⁶

Цивилизационный подход

Как мы уже говорили, теоретические основания цивилизационного подхода к истории были заложены русскими философами

¹⁴ Флоренский П. Христианство и культура. Журнал Московской Патриархии, 1983, № 4, с. 53–57.

¹⁵ Бердяев Н. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.

¹⁶ Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-Press, 1939.

еще в XIX веке. Но, наверное, не все с этим согласны или просто об этом не знают. Нередко можно встретить утверждение, согласно которому этот подход появляется только в 20–30-е годы XX века. Его начало связывается с именами О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби. Хотя оба они пытались найти ответ на общий вопрос что есть цивилизация, я полагаю, речь в их объемных трактатах идет о совершенно разных вещах. Рассуждали ли они вообще о цивилизации? Если нет, тогда о чем же они писали? Если да, были ли их мысли о цивилизации оригинальными по сравнению с уже известными концепциями? Попробуем в этом разобраться.

Каждый, кто попытается найти ответы на эти вопросы, обнаружит массу критической литературы. Сразу оговорюсь, что в мою задачу не входит разбор всей этой критики и, тем более, доказательство или опровержение тех или иных точек зрения. Мне важно определиться в своем отношении к представлениям о цивилизации этих, безусловно, выдающихся мыслителей. Поэтому, не претендуя на всеобъемлющий анализ, я сосредоточиваю внимание на следующих вопросах:

- Что каждый из авторов понимал под цивилизацией?
- Как соотносятся в их концепциях цивилизация и культура?
- Какое место они отводят религии?

Отвечив на эти вопросы, мы сможем действительно подойти к пониманию того, о чем идет речь в работах Шпенглера и Тойнби.

Освальд Шпенглер. Закат Европы

Книга О. Шпенглера «Закат Европы», выйдя в свет в 1918 году привлекла к себе небывалое внимание.¹⁷ Кто такой О. Шпенглер? Не ученый и не философ. Он был обычным учителем гимназии и был так беден, что у него не хватало денег не только на книги, но даже на еду и одежду. Но вскоре он стал одним из самых читаемых и обсуждаемых авторов в Европе. Почему же его книга стала сенсацией, тогда как концепции Данилевского и Леонтьева, появившиеся на полвека ранее, были известны только ограни-

¹⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск: Попурри, 2009.

ченному кругу интеллектуальной элиты? Можно сказать, что со своей книгой он попадает в нужное время и нужное место. Как писал Ф. Степун: «Нет сомнения, что, если бы книга Шпенглера появилась до потрясений мировой войны и революции, она не имела бы в Европе и, прежде всего, в самой Германии и половины того шумного успеха, который очевидно выпал ей на долю. Ученые отнеслись бы к ней скептически, как к работе талантливого дилетанта, широкие же круги интеллигенции никак не приняли бы пророчества о смерти».¹⁸

Как мы знаем, в истории нет сослагательного наклонения. Сегодня «Закат Европы» — общепризнанный шедевр, классика цивилизационного подхода к истории. Были ли представления Шпенглера оригинальными по сравнению с уже существующими концепциями? На этот вопрос уже давно дан ответ — нет, не были.¹⁹ Мы уже говорили, что тенденции перерождения культуры в цивилизацию, за полвека до него отмечались как западными, так и русскими мыслителями. Практически все его основные идеи мы находим в трудах Н. Данилевского и К. Леонтьева. Это и представление о цивилизациях как о локальных не связанных между собой культурах, и биологический подход, предполагающий отношение к ним как к живым организмам, и вытекающее отсюда понимание бытия цивилизации как замкнутого в себе жизненного цикла, состоящего из трех основных фаз — детства и юности, зрелого возраста, старости и смерти. Тем не менее обойти Шпенглера никак невозможно. Вот уже долгое время, когда упоминается его имя, как бы само собой разумеется, что дальше разговор пойдет об истории цивилизаций. При этом забывается, что сам он говорит не о цивилизации, а о культуре. В этом легко убедиться — достаточно просто внимательно прочитать вступительную часть «Заката Европы», где автор совершенно четко обозначает задачу своего трактата. Он пишет: «Чтобы уяснить себе, в каких формах протекает угасание западной культуры, необходимо сначала исследовать, что такое *культу-*

ра ...».²⁰ Дальше Шпенглер вводит свое определение культуры как живого организма: «Культуры суть организмы. История культуры — их биография ... История китайской или античной культуры (...) представляет собой полную аналогию с историей отдельного человека, животного, дерева или цветка». Он настаивает на том, что вся его книга представляет собой исследование истории культуры, но не линейной истории единой культуры, а сравнительный анализ историй разных локальных культур.

Конечно, Шпенглер рассуждает и о цивилизации. Проблема противопоставления культуры и цивилизации как двух антагонистических начал — главная идея «Заката Европы». Но что при этом понимается под цивилизацией? По его глубокому убеждению, у каждой культуры есть свое особое предназначение, своя цель. «Когда цель достигнута ... тогда культура вдруг застывает, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются — она становится цивилизацией». По его мнению, цивилизация есть завершение. «Она следует за культурой, как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как окончание за развитием (...) Она неотвратимый конец; к ней приходят с глубокой внутренней необходимостью все культуры».²¹ Здесь он полностью пребывает в общем русле представлений, характерных для его эпохи, согласно которым культура умирает в цивилизации. «Культура — это могущественная ось творчества созревающей души — рождение мифа, как выражения нового богочувствования ... Цивилизация — неизбежная форма каждой изжившей культуры. Отсюда его пророчество о смерти европейской культуры».²²

Интересно, что исследователи творчества Шпенглера и его критики как бы не замечают, что он говорит о культуре. Они спокойно жонглируют словами, без тени сомнения замещая слово «культура» словом «цивилизация». В этом случае получается, что цивилизация также является целостным организмом, что явно входит в противоречие с концепцией Шпенглера. Почему они это

¹⁸ Степун Ф. А. Освальд Шпенглер и Закат Европы [В сб.: «Освальд Шпенглер и Закат Европы»]. М. : Берг, 1922, с. 7–35.

¹⁹ Там же: с. 18.

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск : Попурри, 2009, с. 6.

²¹ Там же: с. 162.

²² Степун Ф. А. Освальд Шпенглер и Закат Европы [В сб.: «Освальд Шпенглер и Закат Европы»]. М. : Берг, 1922, с. 12.

делают? Есть только одно объяснение — они сами не различают цивилизацию и культуру как два разных понятия, хотя и связанных между собой, но не сводимых друг к другу. Следует отметить, что Шпенглер не был особенно озабочен строгостью своих логических построений. Более того, как писал Степун, его книга дышит полным презрением ко всем вопросам современной научной философии, вопросам методологии и теории знания. Это давало основания критикам Шпенглера относиться к нему как «романтику иллюзионисту», «интуитивисту мистику» и «иррационалисту». Думаю, что такая характеристика его метода работы вполне справедлива. Но при этом Шпенглер совершенно ясно обозначил культуру как объект своего исследования, и так же недвусмысленно задал свое понимание отношения культуры и цивилизации. Для него культура является целостным живым организмом, тогда как цивилизация, будучи частичной по отношению к ней, представляет собой то, во что перерождается культура на завершающей фазе ее жизненного цикла.

Шпенглер считал, что у каждой культуры, как и у любого живого существа, есть душа. «Культура зарождается в тот момент, когда из первобытного душевного состояния вечно-детского человечества пробуждается и выделяется великая душа ... Культура умирает после того, как эта душа осуществит полную сумму своих возможностей ... и таким образом превратится в первичную душевную стихию». Сама по себе его вера в существование души говорит о том, что он не был апологетом материалистического мировоззрения. В то же время он был человеком нерелигиозным. «У него как будто бы атрофировано религиозное чувство, — писал Бердяев. — Он не только сам не религиозен, но и не понимал религиозной жизни человечества». По его мнению, в этом заключалась трагедия Шпенглера.²³ Этот момент подчеркивался и другими критиками, в частности Я. Бушпаном, который не побоялся использовать по отношению к автору «Заката Европы» такую характеристику как «религиозный идиотизм».²⁴ Я не уверен, что

сам Шпенглер осознавал свою нерелигиозность как личную трагедию, но он точно недооценивал роль религии в жизни общества и культуры.

Шпенглер отрицал, что Творец, создавая человека, исходил из определенной логики, предполагающей наличие у человечества общей цели. Для него «человечество» и «история человечества» есть пустые слова. Он полагал, что «у человечества нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей». Великие культуры в его картине мира появляются стихийно на поверхности безбрежного потока, истекающего из темного прошлого и теряющегося в таком же темном и вневременном будущем. «Они возникают внезапно, — писал он, — распространяются в великолепных линиях, вновь выравниваются и пропадают, и зеркало пучины опять лежит перед нами одинокое и дремлющее». По Шпенглеру, время и история текут внутри каждой великой культуры, но между собой эти культуры и их истории никак не связаны. Как отмечает Н. Фрай, у Шпенглера всякая культура это монада без окон, которая не может испытывать влияние другой культуры.²⁵ Модель истории, которую он предлагает, можно представить в виде пучка независимых друг от друга параллельных линий — историй отдельных культур. Такое видение противоречит иудео-христианскому пониманию, предполагающему, что история человечества осуществляется в соответствии с замыслом Творца и движется от момента сотворения человека до конца света или Страшного суда. Надо отметить, что концепция Шпенглера противостояла устоявшемуся подходу, фокусирующемуся главным образом на истории Западного мира как осевой линии развития человечества, в то время как истории других культур оттеснялись на периферию. Он предлагал уделять внимание всем великим культурам как равным по своей ценности для исторической науки. Хотя в самом этом призыве также не было ничего принципиально нового, я вижу в этом, безусловно, позитивный момент. Негативным было то, что рассматривая культуры в полной

²³ Бердяев Н. Предсмертные мысли Фауста [В сб.: «Освальд Шпенглер и Закат Европы»]. М. : Берг, 1922, с. 55–72.

²⁴ Бушпан Я. Непреодоленный рационализм [В сб.: «Освальд Шпенглер и Закат Европы»]. М. : Берг, 1922, с. 73–95.

²⁵ Фрай Н. «Закат Европы» Освальда Шпенглера. Электронный ресурс: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/fray_zak.php.

изоляции друг от друга, Шпенглер отрицал прорастание греко-римской культуры в христианскую, а также закрывал глаза на иудейские корни христианства. В том, что он просмотрел роль христианства в европейской культуре, Бердяев видел «духовное уродство, почти что чудовищность» его книги. Эту точку зрения поддерживали и другие критики. В частности, Бушпан писал, что безрелигиозность Шпенглера проявляется также и в том, что он не понимает роли иудаистической культуры с ее национальным и в то же время универсальным монотеизмом и всемирностью Бога-покровителя.²⁶

Растворившись в безбрежном море исторических фактов каждой из культур и сфокусировав свое внимание на выявлении аналогий между ними, Шпенглер не заметил их взаимопроникновения и взаимовлияния. Он также не видел генетической связи между ними, отрицал, что каждая новая культура зарождается и вызревает в недрах предшествующей ей старой. Шпенглер рассматривал религию как один из компонентов культуры, но не признавал за ней роли одного из главных, а может быть, и главного социального института, ответственного за сохранение целостности общества и единства культуры. И в этом я вижу серьезный недостаток его концепции.

Арнольд Дж. Тойнби. Постижение истории

Если Шпенглер до выхода в свет «Заката Европы» был никому не известным учителем гимназии, А. Дж. Тойнби, начиная работу над своей концепцией цивилизации, уже был уважаемым британским историком, профессором Лондонской школы экономики и Лондонского университета. С 1925 по 1955 гг. он занимал должность научного руководителя Королевского института международных отношений. Различия в социальном и профессиональном статусе, несомненно, наложили свой отпечаток на характер их творчества, способ мышления и литературную манеру. Шпенглер выступает как свободный художник, который отвергает любые ограничения. Пафос его изложения погружает нас

в мистическую атмосферу древней мифологии и музыки Р. Вагнера. Он сознательно отрицает научный подход с его необходимостью следования определенным логическим схемам и правилам понятийной работы. В отличие от него, Тойнби демонстрирует свою приверженность академической науке, оперирует научной терминологией, уделяет большое внимание определению объекта исследования, выделяет его характеристики и разрабатывает сложные классификации. Несмотря на, казалось бы, научный подход, его построения не всегда последовательны, а в ряде случаев выходят за рамки всякой логики. Не погружаясь в методологические детали, я сосредоточусь на некоторых внутренних противоречиях его концепции цивилизации, изложенной в многотомном труде «Постижение истории».²⁷

Если Шпенглер писал о «культурах», то Тойнби в первых своих книгах рассуждал об обществах. Для него «общество, а не государство есть тот социальный атом, на котором следует фиксировать свое внимание историку». Однако дальше он все чаще употребляет слово «цивилизация». Признавая важную роль Шпенглера в формировании представлений о цивилизации, он отвергал его исходное положение о том, что цивилизация является живым организмом, который проходит стадии детства, юности, зрелости и старения. Он считал, что цивилизации не являются организмами, с какой бы стороны их не рассматривали. В то же время в их описаниях Тойнби постоянно использует биологическую терминологию. Цивилизации у него могут быть живыми и мертвыми. Он пишет о мутациях примитивных обществ в цивилизации. Ссылаясь на Вольнея, который полагал, что общины, подобно людям, обладают ограниченным сроком жизни, Тойнби утверждает, «что истинно в жизни людей, то истинно в жизни обществ». Все это говорит о том, что критикуя биологический подход Шпенглера, сам Тойнби не может обойтись без сопоставления цивилизации и живого организма.

В противоположность Шпенглеру, который рассматривал культуры как замкнутые в себе организмы, Тойнби считал, что

²⁶ Бушпан Я. Непреодоленный рационализм [В сб.: «Освальд Шпенглер и Закат Европы»]. М.: Берг, 1922, с. 73–95.

²⁷ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: АЙРИС-пресс, 2002.

необходимо учитывать непрерывность не только между последовательными периодами и фазами в истории одного и того же общества, но особо выделять непрерывность как связь во времени самих обществ. Поясняя эту мысль, он опять прибегает к сравнению с живым организмом. Связь между одним обществом и другим, по его мнению, напоминает отношения между родителем и ребенком. Во-первых, ребенок физически наследует от родителя определенные свойства; во-вторых, обретая самостоятельность, он еще долгое время не может жить без попечения родителей. Отношения между двумя конкретными обществами различных эпох он метафорически называет «сыновне-отеческими». Природу этих отношений и процесс зарождения нового общества он объясняет в своей концепции «церковь как куколка», в которой церковь выступает как зародыш будущей цивилизации. Здесь он употребляет такие слова как «зачатие», «беременность», «появление на свет». Церковь у него играет роль яйца, личинки и куколки, которая, по его словам, зарождает новую цивилизацию. Высказав эту замечательную мысль, Тойнби как бы испугался собственной смелости. Уже через несколько страниц, в разделе «Неадекватность концепции куколки» он ставит под вопрос свое умозаключение о том, что переход от одной цивилизации к другой возможен только таким путем. Тойнби утверждает, что если церковь в роли куколки — явление вполне нормальное при переходе цивилизаций второго поколения к третьему, то оно никогда не обнаруживается при переходе цивилизаций первого поколения во второе.²⁸ Ясного объяснения, почему этот механизм не работает при переходе от первого поколения ко второму, он не дает. Тем не менее он делает вывод о том, что «церковь-куполка, очевидно, не является жизненной необходимостью цивилизации» и признается в том, что здесь он зашел в тупик. На мой взгляд, никакого тупика здесь нет. Просто Тойнби запутался в собственных построениях. Я бы сказал, что здесь имеет место феномен «горя от ума».

²⁸ Под цивилизацией первого поколения Тойнби понимает самые первые цивилизации в истории человечества. Второе поколение это цивилизации, которые возникли на базе культур цивилизаций первого поколения.

Само понятие «церковь-куполка» предполагает, что это еще не церковь, а только зародыш будущей церкви. Это духовное движение, которое несет принципиально новую картину мира, и в силу этого всегда находится в конфликте с существующей официальной религией. Вот почему ее апостолы и апологеты всегда подвергаются жестоким гонениям. «Куклолка» превращается в церковь только тогда, когда приобретает статус официальной религии и трансформируется в духовное ядро новой цивилизации. Поэтому концепция «церковь-куполка» является, безусловно, жизнеспособной, так как представляет собой механизм возникновения всех новых цивилизаций. В следующих главах я собираюсь подтвердить действенность этой концепции на материале древнеегипетской и иудейской цивилизаций.

Тойнби был человеком религиозным, что во многом определяло его отношение к истории. Он считал, что принятие христианства является началом всех событий не только английской истории, но и всей Западной цивилизации. В этом он противостоял Шпенглеру, который, как мы уже говорили, явно принижал роль религии в становлении и формировании культуры. Подчеркивая значение религии как одного из основных факторов развития цивилизации, Тойнби продолжает линию, намеченную Мирабо, Данилевским и Леонтьевым. Понятно, что сторонники приоритета экономической составляющей развития общества критиковали его за преувеличение роли религии. Но, с другой стороны, Тойнби был представителем академической науки, что также наложило отпечаток на его стиль и логику мышления. В отличие от мистика Шпенглера с его явным неприятием теории Дарвина, Тойнби был убежденным сторонником теории эволюции. Поэтому в своих построениях он исходил из того, что цивилизации первого поколения возникли эволюционным путем, но только некоторые из них находят в «сыновне-отеческих» отношениях с последующими цивилизациями. Понятно, что в этой схеме церковь-куполка уже не может рассматриваться как механизм порождения цивилизаций первого поколения, и, соответственно, не является обязательным условием возникновения цивилизаций.

Тойнби ищет другие объяснения появления новых цивилизаций, которые бы укладывались в привычные рамки научно-материалистической картины мира. Одним из важнейших оснований его классификации цивилизаций выступает «степень

удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло», или территориальный критерий. Если этот критерий еще можно было как-то применить по отношению к древним цивилизациям, то во времена Тойнби он уже выглядел явным анахронизмом, а тем более в наше время, в эпоху глобализации, когда цивилизации все больше взаимопроникают друг в друга. Сегодня уже практически невозможно обозначить устойчивые границы христианской, мусульманской и других цивилизаций.²⁹ Кроме религиозного и территориального, Тойнби выделяет этнический, культурный и другие критерии. Этим обуславливается эклектичность его классификации и неоправданно большое число входящих в нее цивилизаций. По всей вероятности, это было очевидно и ему самому — первоначально он выделил 21 цивилизацию, но затем сократил их количество до восьми.

Отказав религии в роли главного формообразующего фактора цивилизации, Тойнби так и не сумел выделить какой-либо иной фактор, который мог бы претендовать на эту роль. Именно этим объясняются очевидные, на мой взгляд, ошибки в его трактовке истории. Прежде всего это относится к его характеристике древнеегипетской цивилизации как мертвого общества, не оказавшего никакого влияния на другие цивилизации, к его видению иудаизма как части сирийской цивилизации, и также к упрощенному пониманию происхождения христианской цивилизации. В соответствии с классификацией Тойнби, древнеегипетская цивилизация, которая была «прежде, нежели был Авраам» и просуществовала шесть тысяч лет, относится к т. н. реликтовым или мертвым обществам. По его теории это означает, что она является цивилизацией первого поколения, и «в своей истории не имеет ни отеческого, ни сыновнего родства». Другими словами, до Древнего Египта на нашей планете не было ни-

²⁹ Понимая, что в современном мире территориальный критерий все больше утрачивает свое значение, Тойнби писал: «умопостигаемые поля исторического исследования (цивилизации – А. Я.), границы которых были приблизительно установлены с учетом исторического контекста данной страны, представляют собой к настоящему времени общества с более широкой протяженностью как в пространстве, так и во времени, чем национальные государства, города-государства или любые другие политические союзы» (См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории, М., 2002, с. 45).

каких других цивилизаций, а единственное, что осталось после него, это пирамиды и экспонаты, пылящиеся на музейных полках. Удивляет, что историк и философ такого высокого уровня не понимал и не ощущал воздействия этой великой культуры на всю историю человечества. Достаточно вспомнить, что такие столпы античного и западного общества как Пифагор и Платон, оказавшие огромное воздействие на все последующее развитие европейской мысли, провели долгие годы в обучении у египетских жрецов и были посвящены в тайны египетских мистерий, а также о том влиянии, которое египетские культы Исиды и Осириса оказали на культуру Древнего Рима. Не будем забывать, что Моисей, который вывел евреев из рабства, был египетским жрецом высшего ранга, и его знания не могли не отразиться на иудейском обществе. Не будем забывать и о том, что в свою очередь это общество породило Христа, без учения которого не было бы ни современной цивилизации Запада, ни цивилизации Ислама, во всяком случае в том виде, в котором мы их знаем.

Игнорирование этих фактов обусловило серьезные искажения истории, которые мы находим в труде Тойнби. Египетские пирамиды, так же, как города и пирамиды ацтеков и майя, это не просто мертвые камни, напоминающие нам о величии общества, их создавшего, это — постоянный вызов современному человечеству, пытающемуся познать собственное предназначение в этом мире. Лучшие его умы уже много веков бьются над секретами древних цивилизаций, и это есть свидетельство того, насколько глубоко их культуры проросли в нашу, свидетельство связи времен, которая никогда не прерывается, пока существует человечество. В установлении, а не в отрицании этой непрерывности и заключается, на мой взгляд, предназначение и смысл исторической науки.

Больше всего досталось евреям, которым Тойнби вообще отказал в существовании собственной цивилизации. Иудейское общество он рассматривает как часть придуманного им сирийского общества, которое выступает как отеческое по отношению к цивилизации ислама (иранскому и арабскому обществу). Это привело к весьма парадоксальным утверждениям. Так, например, отмечая, что Мухаммед был вдохновлен иудаизмом, что само по себе не вызывает сомнений, Тойнби выводит иудаизм как чисто сирийскую религию, что не имеет под собой никаких исторических оснований. Что же собой представляет это таин-

ственное сирийское общество? Согласно Тойнби, история этого общества охватывает эпоху в три тысячи лет, начиная с Ассирии и до возникновения ислама (XXIV до н. э. — VII века н. э.). С моей точки зрения, в рамках этого периода нет единой религии, единой культуры, нет единых принципов государственности и вообще никаких серьезных оснований для объединения всего этого культурного многообразия в единое общество или цивилизацию. Объединяющим началом в этом случае у Тойнби выступает только общая территория. Но такие цивилизации Запада, как минойская и эллинская существовали на общей для них территории, и вне всяких сомнений, между ними существовала некоторая культурная связь, но почему-то Тойнби не объединяет их в единую цивилизацию.³⁰

Нельзя отрицать взаимовлияние соседних обществ друг на друга, но не надо забывать и то, что евреи были выведены Моисеем из Египта. Да, они пришли туда с Аравийского полуострова, но за время египетского плена, который длился 400 лет, они, безусловно, подверглись влиянию египетской культуры. Кроме того, за сорок лет пребывания в пустыне Моисею удалось сформировать новый народ, объединенный верой в единого Бога. Напомним, что другие народы, жившие в те давние времена на этой территории, были язычниками. Также известно, что с тех времен евреи так и остались монотеистами, тогда как многие другие народы отказались от политеизма только под давлением ислама. Как известно, учение ислама также не отрицало положения Торы (Ветхого Завета). Возникает вопрос, кто на кого оказал большее влияние — сирийское общество на иудеев, или все было как раз наоборот?

Отношение к Древнему Египту как к мертвому обществу и отрицание существования иудейской цивилизации привело

³⁰ Критику оснований, на которых Тойнби строит свою классификацию цивилизаций, мы находим и у Л. Гумилева: «Не менее произвольной выглядит и географическая классификация цивилизации по регионам. У Тойнби в одну цивилизацию зачислены Византийская и Турецкая империи только потому, что они располагались на одной территории (...) В «сирийскую цивилизацию» попали Иудейское царство, Ахеменидская империя и Арабский халифат, а Шумер и Вавилон разделены на материнскую и дочернюю. Очевидно, критерием классификации был произвол автора» (См.: Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001, с. 367).

Тойнби к еще одному, я бы сказал, фундаментальному заблуждению. Согласно его теории, генетическая линия Западной цивилизации является прямым продолжением эллинской цивилизации. С этим трудно не согласиться. То, что культура Западного мира связана множеством нитей с греко-римской культурой, сомнений ни у кого не вызывает. Но не надо забывать, что важнейшим фактором, обусловившим возникновение западного общества, по утверждению самого Тойнби, является христианская религия. Эта религия никоим образом не вытекала из эллинского многобожия, а наоборот, относилась к нему крайне враждебно. Тойнби были известны связи Древней Греции и Рима с Египтом и то воздействие, которое эти общества и культуры на протяжении многих веков оказывали друг на друга. Он также знал об иудейских корнях христианства. Но при всем этом он почему-то делает вид, что всего этого как бы не было. Совершенно очевидно, что Западная, т. е. христианская цивилизация зародилась и сформировалась на пересечении двух генетических линий, одна из которых связывает ее с античным миром, а другая восходит через иудаизм к цивилизации Древнего Египта. Отношение к истории зарождения и формирования цивилизации Запада как однолинейному процессу искажает не только историю Запада, но и всю картину мировой истории в целом.

Тойнби выделяет три главные составляющие цивилизации — политику, культуру и экономику, отмечая при этом, что «выделенные нами три элемента в жизни общества имеют отнюдь не равное значение. Культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ним экономический и, тем более, политический планы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации».³¹ С этим трудно не согласиться. В то же время культура слишком широка и многообразна, она объемлет все стороны жизни общества. В ней есть то, что отделяет одну культуру от другой, и есть то общее, что объединяет разные культуры. Говоря о цивилизации, мы прежде всего фокусируем внимание на том содержании культуры, которое обуславливает ее своеобразие или идентичность, т. е. на том,

³¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории, М.: Айрис Пресс, 2002, с. 367.

что позволяет отличить одну цивилизацию от всех остальных. И это содержание предопределяется в первую очередь религией, которая задает наиболее общую для данной цивилизации картину мира и систему базовых ценностей. Я согласен с Тойнби в том, что культуру можно сравнить с кровью цивилизации, но душой культуры и, соответственно, душой цивилизации является религия. Именно поэтому названия цивилизаций совпадают с господствующими в них религиями: христианская, мусульманская (исламская), иудейская и т. п. Что будет с человеком, если у него изъять душу? Вопрос риторический — он перестанет быть человеком. То же самое произойдет с цивилизацией — если она лишится своей господствующей религии, она утратит свою идентичность и прекратит свое существование.

Сэмюэль П. Хантингтон. Столкновение цивилизаций

Я не знаю был ли профессор Гарвардского университета С. Хантингтон религиозным человеком, а если был, то в какой степени, но то, что он был рационалистом, в хорошем смысле этого слова, и обладал ясным пониманием логики исторического процесса, не вызывает сомнений. Однако именно в его книге «Столкновение цивилизаций» роль религии как центрального, формообразующего начала, обеспечивающего идентичность цивилизации, обозначена предельно ясно, как аксиома, подвергать сомнению которую не имеет никакого смысла.

Хантингтон не затрагивает вопросы происхождения и природы цивилизаций. Он обсуждает тему цивилизации в геополитическом контексте. Актуальность такого рассмотрения он объясняет тем, что в наше время наиболее серьезную угрозу миру во всем мире представляют не войны между отдельными государствами, а конфликты между цивилизациями. Полагая, что цивилизации являются высшими культурными целостностями, он так же, как Шпенглер и Тойнби, отрицает идею всемирной, универсальной цивилизации, охватывающей все человечество. Он соглашается с ними и в том, что «общество (цивилизация — А. Я.), а не государство есть тот социальный атом, на котором следует фокусировать свое внимание историку». В отличие от своих предшественников, Хантингтон не размышляет над проблемой различения культуры и цивилизации — он сразу раз-

водит их как разные сущности и разные понятия. Культура для него — это совокупность ценностей, законов, традиций, имеющих первостепенное значение, сумма норм, предопределяющих все стороны жизни данного общества, как материальных, так и духовных. Но культура — это лишь поле, которое становится цивилизацией только в том случае, если появляется мощная интеграционная сила, позволяющая провести жесткую границу между данным обществом и всем остальным миром. Это может быть принадлежность к определенной нации, этносу, общности экономики и т. п. Но главной силой, которая мотивирует и мобилизует людей, наиболее важным фактором, определяющим цивилизацию, он считает религию. Даже язык как наиболее сильный фактор определения людей одной культуры уступает религии.³²

Хантингтон не критикует и не поддерживает концепцию Шпенглера, согласно которой цивилизация является живым организмом. Тем не менее он, как и Тойнби, для характеристики цивилизации использует биологические термины, такие как «жизнь», «смерть», «эволюция»; цивилизации у него сливаются и делятся. Он также соглашается с тем, что жизненные циклы различных цивилизаций подчиняются определенным общим закономерностям: «цивилизация в своей эволюции проходит времена беспорядков и конфликтов, затем создания единого государства и наконец упадка и распада».³³

Хантингтон выделяет восемь современных цивилизаций: китайскую, японскую, индуистскую, исламскую и западную, а также православную, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизацию. Здесь, с моей точки зрения, он непоследователен, поскольку отходит от своего же постулата, согласно которому религии являются основаниями, на которых покоятся великие цивилизации. Разве существуют такие единые религии, как китайская, западная и тем более латиноамериканская или африканская? Если нет, тогда как можно утверждать, что в нашем мире существуют одноименные цивилизации? В то же

³² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003, с. 47, 58–59, 89, 140, 186, 408–409.

³³ Там же: с. 50–51.

время так же, как и Тойнби, он не относит иудейскую цивилизацию к великим, хотя иудаизм, безусловно, является одной из великих мировых религий. Признание иудаизма великой религией и факта существования иудейской цивилизации было бы наилучшим подтверждением его теории, в соответствии с которой идентичность цивилизации задается в первую очередь религиозным, т. е. духовным фактором. Как мы помним, Леонтьев критиковал идею славянской цивилизации Данилевского, исходя из того, что такой цивилизации нет и не будет, потому что у славян нет единой объединяющей их религии. Если Хантингтон допускает классификацию цивилизаций по территориальному признаку, тогда он должен признать ошибочность своего постулата о том, что религия является центральной характеристикой цивилизации.

Несмотря на упомянутые противоречия, Хантингтон сумел построить убедительную концепцию цивилизации, действенность которой он продемонстрировал на весьма обширном материале современной геополитики. Его понимание вполне укладывается в рамки рационалистической науки. В то же время он избегает критики «иррациональных», не поддающихся строго научному объяснению аспектов теорий его предшественников. Хантингтон допускает, что цивилизация представляет собой сущность, бытие которой не исчерпывается ее материальными структурами и, в отличие от любых других форм бытия человеческого общества, не определяется исключительно волей человека. Именно эта мысль прослеживается в следующем его высказывании: «Политические лидеры могут творить историю, но не могут избежать истории».

Книга Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» стала заключительным аккордом эволюции представлений о цивилизации в XX столетии. Можно сказать, что автор не добавил ничего нового к тому, что уже заключалось в концепциях его предшественников. Он не анализировал и не подвергал критике их концепции — он просто взял из них все то, что соответствовало его видению. Свое понятие цивилизации он как бы строит из деталей уже существующего конструктора. Тем не менее его модель представляется мне наиболее завершенной и логически непротиворечивой. У Хантингтона цивилизация это уже не только теоретический конструкт, но действенная модель, эффектив-

ность которой он подтверждает в своем анализе геополитической ситуации в современном мире.

Философы-мистики.

Петр Успенский, Мэнли Палмер Холл, Даниил Андреев

Есть еще ряд мыслителей, творчество которых так же охватывает проблемы понимания природы человека, общества и цивилизации, но на труды которых в академических кругах ссылаться не принято. Некоторые из них называют себя посвященными и утверждают, что получают информацию непосредственно из высших сфер или мирового информационного поля. Все они убеждены в том, что объективная реальность не замыкается рамками естественно-научной картины мира, что за ее пределами существует иная, более широкая, действительность — мир духа, который не менее реален, чем мир материальный. Их понимание природы бытия и методы познания характеризуются как мистические или метафизические и поэтому не признаются официальной наукой.

Вспомним, что еще не так давно по историческим меркам те, кто утверждал, что Земля имеет форму шара, те, кто осмеливался отстаивать точку зрения, согласно которой наша планета вращается вокруг Солнца, подвергались гонениям. Еще в середине прошлого века в Советском Союзе генетика и кибернетика считались лженауками. Всего несколько десятилетий назад современные достижения геномной инженерии, нанотехнологии и, конечно же, интернет, как и многое из того, без чего сегодня невозможно представить нашу повседневную жизнь, обретали черты реальности только на страницах фантастических романов. До сих пор ведутся бурные дискуссии о существовании биополя, телепатии, парапсихологии и т. п. Можно привести массу примеров, когда то, что еще вчера казалось совершенно невозможным и критиковалось как абсолютная ересь, сегодня получает научное объяснение и становится общепринятым. Я считаю, что любые представления, в том числе и о цивилизации, не следует отвергать только на том основании, что они не согласуются с современными научными подходами к природе бытия. Поэтому наш анализ эволюции представлений о цивилизации был бы неполным без упоминания мыслителей-мистиков.

Одним из таких мыслителей является Петр Успенский, ученик и сподвижник известного философа-мистика Георгия Гурджиева. Как все мистики, он исходит из того, что все в этом мире пронизано Божественным духом и все, начиная от Вселенной и заканчивая самой малой тварью, является проявлением жизни. В своей книге «Новая модель Вселенной»³⁴ он рассматривает человечество как живой организм. Расы, народы, нации выступают у него как «меньшие организмы». Все они, по Успенскому, являются естественными сущностями, наподобие разных видов животных. Цивилизация, по его мнению, является организованностью искусственного типа — как и культура, она создается людьми и поэтому как организм рассматриваться не может. Успенский считал, что цивилизация и варварство являются двумя противоположными принципами внутри культуры. При этом цивилизация предстает как добро, созидание и прогресс, а варварство, соответственно, как зло и разрушение. Столкновение этих принципов обеспечивает развитие культуры и общества. В то же время он противопоставляет варварство культуре в целом. Получается, что, с одной стороны, варварство есть принцип внутри культуры, т. е. ее часть, а с другой — выступает как целое, противостоящее культуре как другому целому. Разобраться в этих хитросплетениях довольно сложно, если вообще возможно. При этом, как и многие мыслители его времени, он не различал культуру и цивилизацию, для него эти слова были синонимами. Тем не менее он явно предпочитал слово «цивилизация» слову «культура».

В поисках ответа на вопрос о происхождении цивилизаций он обращается к модной в его время концепции «инволюции», согласно которой они возникают на базе варварских обществ, которые в свое время были высокоразвитыми цивилизациями, но затем в силу ряда обстоятельств деградировали (инволюционировали) до состояния варваров. То, что новые цивилизации берут начало в недрах уже существующих, подтверждается всем ходом истории человечества и новейшими исследованиями в этой области. Мы также знаем, что на поздней стадии своей жизни известные нам цивилизации никак нельзя характеризовать как варварские или примитивные сообщества. Достаточно

³⁴ Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. М. : ФАИР-пресс, 1999.

вспомнить Древний Египет во времена Птолемея и Древний Рим в первые столетия нашей эры. Да, они были разрушены под воздействием внутренних и внешних сил, но даже в момент своей гибели это были высокоразвитые общества, культура которых стала базой для формирования новых цивилизаций. С моей точки зрения, теория «инволюции» не позволяет объяснить механизм возникновения цивилизаций. Возможно, она приложима к отдельным биологическим объектам, но совершенно не работает, когда мы пытаемся с ее помощью доказать, что муравейник когда-то был сообществом мыслящих индивидов, или что современные дикари когда-то были высокоразвитой цивилизацией.

Ни одна цивилизация, утверждает Успенский, не начинается сама по себе. Они всегда появляются как результат искусственного взращивания, всегда приходят извне и существуют только за счет посторонней помощи. Кто же тот садовник, благодаря которому рождаются и расцветают цивилизации? Автор дает на это четкий ответ — цивилизации порождаются эзотерическим кругом, т. е. личностями — носителями тайного знания, которые этот круг образуют. К эзотерическому кругу, по его мнению, относятся такие исторические персонажи, как Моисей, Гаутама Будда, Иисус Христос, Пифагор, Сократ, Платон и др. На мой взгляд, совершенно очевидно, что их нельзя поставить на один уровень. Мы знаем, что Моисей, Будда и Христос принесли в мир великие религии, ставшие исходными точками новых цивилизаций. Мы также знаем, что Пифагор, Сократ и Платон, хотя и внесли огромный вклад в развитие уже существующих цивилизаций, не породили новых. Все они были посвященными в тайное знание, но только первые три были действительно мессиями, предопределившими радикальные изменения в судьбе всего человечества. Только они были проводниками того, что мы называем Откровением, в реалии земной жизни. Сам Успенский писал, что никакие усилия по созданию интеллектуальными методами новой религии (и, соответственно, цивилизации — А. Я.) ни к чему не привели и привести не могут.

Как философ-окультист, Успенский допускает наличие определенного плана в работе того, что называется природой, тем самым подразумевая существование внешних сил — особого рода ума, или интеллекта, работающего над этим планом и постоянно следящего за его выполнением. Эти силы он называет Великой Лабораторией. Именно оттуда, извне, приходит Откровение, тот Дух

и то Знание, которое инспирирует великих мессий и порождает цивилизации. В своих рассуждениях он восходит к самому началу человечества, к первым людям Адаму и Еве, когда еще не было эзотерического круга, который мог оказать им помощь, направить их первые шаги. Человеку приходилось получать помощь от создавших его сил. Эти силы вынуждено играли ту роль, которую впоследствии исполнял эзотерический круг. Не следует это понимать так, что Великая Лаборатория или Высший Разум, возложив на него заботу о будущем нашего мира, успокоились и занялись какими-то другими делами. Они всегда действуют как единое целое.

С моей точки зрения, Успенский не ввел четкого различия культуры и цивилизации. Границы этих понятий у него весьма размыты и поэтому они легко смешиваются и перетекают друг в друга. Несмотря на это, я принимаю его общую схему возникновения цивилизации, которая проступает за не всегда ясными логическими построениями автора. Так же как Шпенглер, он считал, что цивилизации, как и все живое во Вселенной, рождаются, взрослеют, достигают пика своего развития, дряхлеют и умирают. Успенский рассматривает два сценария образования цивилизаций. Первый — зарождение новых цивилизаций в недрах уже существующих, и второй — появление первой цивилизации в самом начале истории человечества. Любая цивилизация, утверждает он, появляется благодаря внешнему импульсу, который исходит от Высшего Разума — Великой Лаборатории. Этот импульс передается через Великих посвященных — мессий, которые активизируют деятельность эзотерического круга и создают новую религию, вокруг которой формируется ядро будущей цивилизации. Здесь мы видим принципиальное расхождение с Тойнби, который утверждал, что первые цивилизации появляются в процессе эволюции примитивных сообществ.

Сходное с Успенским представление о природе человечества в целом и составляющих его сообществ мы находим у американского философа-мистика Мэнли Палмера Холла. Как и Успенский он считает, что, в отличие от расы и нации, которые являются живыми коллективными сущностями, цивилизация есть форма культуры.³⁵ В его трудах слова «культура» и «цивилизация»

так же употребляется как синонимы и противопоставляются варварству. Согласно Холлу, эволюция жизни на Земле проходит стадии: минералов, растений, животных и человека. Первые три представляют собой коллективные формы жизни, нечто подобное суперорганизмам, управляемым общим разумом. Человечество же состоит из индивидуальных сущностей. Но уже на следующей странице он пишет: «Законы перевоплощения и кармы применимы не только к жизни индивидов, но и к судьбе цивилизации, частью которой они являются. Нации и расы, как отдельные люди, рождаются, проходят предначертанный им судьбой путь и в конце концов исчезают». В этой фразе присутствуют несколько мыслей. Во-первых, здесь утверждается, что хотя человечество и состоит из отдельных людей, оно в то же время является коллективной сущностью. Во-вторых, оно подчиняется общим законам, которые приложимы к любому живому организму. Дальше он высказывает еще одну, на мой взгляд очень важную мысль, согласно которой индивидуальное развитие освобождает человека, делает его личностью, но в отношении общества действуют правила стада.³⁶ Другими словами, он не видит никакого противоречия в том, что человечество состоит из индивидуальных сущностей, и в месте с тем само является коллективной сущностью. Эти положения, сформулированные Холлом, можно рассматривать как философское основание отношения к человечеству в целом, а также к таким его формам, как раса, нация и цивилизация. Для него все они выступают как целостные живые сущности.

Наиболее детальное, по сравнению с другими философиями-мистиками, представление о цивилизации принадлежит Даниилу Андрееву. Его главным трудом является «Роза мира».³⁷ В этой книге выстраивается программа будущего, в котором должно исчезнуть все то, что сегодня разделяет народы, нации, культуры и цивилизации. Главную причину многочисленных противоречий Андреев видит в существовании многих противоборствующих религий. «Роза мира» по сути есть попытка создать

³⁵ Холл Мэнли П. Перевоспложение. М. : СФЕРА, 2001, с. 122.

³⁶ Там же: с. 123.

³⁷ Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М. : Прометей, 1999.

новую картину мира, новую религию, которая способна стать духовной основой единой культуры и единой всемирной цивилизации.

Даниила Андреева можно сопоставить с такими мыслителями, как Данте и Эмануэль Сведенборг. Все они утверждали, что лично побывали в потусторонних мирах, своими глазами видели, как они устроены и что в них происходит, и все они оставили нам детальные описания этих миров. Хотя они верили в абсолютность добра и зла, сотворенные ими картины весьма различны. В «Божественной комедии» Данте в поэтической форме выразил свое отношение к нравам современного ему общества. Везде, в раю, в чистилище и в аду, он сталкивался с людьми, как давно ушедшими, так и с теми, кого знал в земной жизни, и лично мог убедиться, что все они получили справедливое воздаяние за свои дела. Книга Сведенборга больше всего напоминает трактат ученого натуралиста, составленный им во время путешествий в экзотические земли. Со скрупулезностью энтомолога, изучающего и классифицирующего насекомых, он описывает жизнь обитателей потустороннего мира. При всем различии в их трактатах есть нечто общее. Это прежде всего сам подход к объекту описания. Я бы сравнил его с описанием дома, в котором главное внимание уделяется не самому дому, а бытовым подробностям жизни и взаимоотношениям его обитателей. В отличие от Данте и Сведенборга, Даниил Андреев — мистик новой формации. Главное внимание он уделяет устройству самого дома — он строит модель Универсума со всеми входящими в него мирами. Он уже не просто наблюдатель, который делится впечатлениями об иных мирах, но работает как ученый-теоретик — сначала вводит ряд понятий, затем на их основе создает свою модель мира, и уже после этого демонстрирует, как она работает на конкретном историческом материале.

В отличие от многих мыслителей его времени, Андреев исходит из того, что культура и цивилизация являются принципиально разными сущностями. Культуру он понимает «как общий объем творчества человечества». Для него она не есть сам творческий дух, как это было у Н. Рериха, а является результатом творческой деятельности человека, одухотворенного Божественным духом. Такое его понимание близко к Мережковскому и позднему Бердяеву. Полагая, что культур много, и что каждая

из них не исчерпывается своей сферой, замкнутой нашим трехмерным пространством, он пишет, что те, кто культуру созидали здесь (в мире материальном), продолжают свое творчество и в посмертии, они образуют содружество душ, небесную страну или град, надстроенную над каждым из сверхнародов мира.³⁸ Отличительной чертой литературного творчества Андреева является сотворение новых слов, ранее никому неизвестных. Однако это не просто слова для обозначения уже известного содержания, а специально разработанные понятия. Для объяснения своего понимания «цивилизации» Андреев вводит три основных понятия: «сверхнарод», «метакультура» и «трансмиф». Сверхнарод — это совокупность наций, объединенных общей, совместно создаваемой культурой. Под метакультурой он понимает отдельный сверхнарод, взятый вместе с иными его иноматериальными слоями как восходящего, так и нисходящего рядов. «Трансмифы» — это мифы великих международных религий, вера в истинность которых объединяет людей в единое сообщество; трансмиф — это то, что принято называть картиной мира, сумма представлений свернарада «о трансфизическом космосе, об участии в нем данной культуры и каждого входящего в эту культуру «я».³⁹ Таким образом, цивилизация (в терминологии Андреева «метакультурная сфера») включает в себя три уровня: мир материальный — сверхнарод, — и два иномерных мира. Один — обиталище просветленных душ, небесная страна метакультуры, другой — антиполюс этой страны, средоточие демонических сил. Граница метакультурной сферы или целостность этой системы обеспечивается у него существованием трансмифа, стягивающего данное сообщество к центру и удерживающего его от распада.

Как уже говорилось, преодоление всех современных противоречий между народами он видит в образовании единой мировой религии, которая станет основой единой общечеловеческой цивилизации. Надо сказать, что и другие мистики, в частности М. П. Холл, связывали будущее человечества с возникновением новой всемирной цивилизации. Такое видение исходит из представления о том, что добро и зло являются сущностями,

³⁸ Там же: с. 40–41.

³⁹ Там же: с. 105–106.

которые ведут извечную борьбу, в которой одна из них может одержать окончательную победу и, конечно же, победившей стороной будет добро. С моей точки зрения, здесь они повторяют утопические концепции христианской доктрины о возможности царства небесного на Земле и такую же марксистскую утопию о коммунистическом будущем как эре всеобщего счастья и благоденствия. Д. Андреев предвидел эпоху глобализации, времени, когда всемирность, перестав быть абстрактной идеей, станет, по его мнению, всеобщей потребностью. В то же время он осознал, что единая цивилизация несет в себе и самую страшную угрозу из всех, когда-либо нависавших над человечеством — возможность возникновения всемирной диктатуры. Сегодня уже ясно, что его опасения не были беспочвенными.

Линии эволюции понятия цивилизация

С момента своего возникновения, около двух с половиной столетий назад, понятие «цивилизация» претерпело радикальную трансформацию и стало одной из важнейших категорий современной геополитики. Сначала цивилизация рассматривалась как период в развитии общества, как высшая ступень прогрессивной эволюции человечества, следующая за дикостью и варварством. В то время формируется представление о цивилизации как о более высоком уровне культуры. Главными ее ценностями выступают хорошее воспитание, образование, высокая мораль и правила хорошего тона. Цивилизация отождествляется с культурой, и такое понимание окончательно не изжито и в наши дни. До сих пор слова «цивилизация» и «культура» довольно часто используются как синонимы.

Во второй половине XIX века отношение к цивилизации изменяется радикальным образом. Она все больше связывается с материальным планом существования общества и искусственно отрывается от его культурного бытия. Цивилизация выступает как завершающий этап эволюции культуры. Создается иллюзия, что цивилизация может обойтись без культуры, а культура без цивилизации.

Параллельно с этим появляется иное видение, согласно которому оба эти плана (материальный и культурный) находятся в постоянном взаимодействии и являются необходимыми со-

ставляющими бытия человеческого общества. Культура осознается как часть цивилизации и перестает противопоставляться ей как враждебное, антагонистическое начало.

Сложность понятия цивилизации в его современном виде заключается в том, что оно содержит практически все смыслы, которые когда-либо к нему относили. Когда я попытался обобщить материал и выявить закономерный характер процесса изменений представлений о цивилизации, оказалось, что проследить эту эволюцию как единую линию последовательно сменяющих друг друга состояний невозможно. Поэтому я выделяю несколько основных линий, которые, то отталкиваясь, то соприкасаясь в каких-то точках, связывают концепции современных философов с теми, кто сотни лет назад впервые задумался над тем, что есть цивилизация.

Линия 1. Цивилизация: Добро или Зло?

На начальном этапе цивилизация выступала исключительно как добро и прогресс (вторая пол. XVIII века). Она рассматривалась как будущее человечества, как цель, к достижению которой следует стремиться. Но в том же веке, наряду с этим, безусловно, светлым и возвышенным образом, появляется и другая трактовка цивилизации как эпохи, когда формирование государства приводит к уничтожению естественной свободы и все большему угнетению человека. Такое видение достигает своего апогея во второй половине XIX столетия. Цивилизация утрачивает ореол добродетели, прогресса и приобретает ореол духовного регресса, морального разложения и зла. Это привело к противопоставлению цивилизации и культуры как внешних и враждебных друг другу начал. Истинная культура выступает как исключительно позитивное, доброе начало. За цивилизацией закрепляется образ мирового зла, она все еще рассматривается как культура, но со знаком минус — какая-то неправильная культура. Как мы видим, в пределах всего одного столетия, от Мирабо до Маркса, отношение к цивилизации изменяется на прямо противоположное.

В первой половине XX столетия отчетливо проявляется иное понимание, в рамках которого культура и цивилизация перестают противопоставляться как враждебные, антагонистические начала, как добро и зло; культура осознается как необходимая часть цивилизации. Цивилизация предстает как «социальный

атом», как главная форма организации человеческого общества. Цивилизация уже не старость культуры, не завершающий этап ее жизненного цикла, а как раз наоборот — культура есть субстанциональная основа цивилизации, ее кровь. В цивилизации, так же, как в человеке и в обществе, всегда присутствуют доброе и злое начала, которые находятся в вечном противоборстве. Такое понимание полностью исключает саму возможность видения цивилизации как внешнего зла, угрожающего существованию культуры. Борьба между добром и злом помещается вовнутрь цивилизации как естественный механизм ее развития.

Линия 2. Цивилизация как живой организм

Отдельной линией я выделяю эволюцию представлений о цивилизации как о живом организме. Отношение к ней как к одухотворенной сущности, впервые появилось в работах Н. Данилевского и К. Леонтьева. Идея так называемого «биологического подхода» перетекает в XX столетие — она ясно заявляется в книге «Закат Европы» О. Шпенглера. Критику «биологического подхода» мы находим у А. Тойнби. Он согласен с Данилевским, Леонтьевым и Шпенглером в том, что цивилизация есть целостная форма бытия человеческого общества, но категорически отказывается рассматривать цивилизацию как живой организм. С. Хантингтон не критикует и не поддерживает биологический подход к цивилизации, он вообще не затрагивает этот вопрос. Вместе с тем он так же, как и Тойнби, для характеристики цивилизации использует биологические термины.

В эту же линию встраиваются все философы-мистики со своей концепцией одухотворенного космоса и, соответственно, всего того, что в нем пребывает, включая социальные формы бытия человека. Здесь речь идет не о биологическом организме, обособленность которого в пространстве задается границами физического тела, но о духовном принципе объединения в единое целое множества индивидуальных сущностей.

Линия 3. Цивилизация: Дух или материя?

Дискуссия о роли религии идет на протяжении всей истории формирования представлений о цивилизации. Уже в XVIII веке появилось понимание того, что должна быть некоторая сила,

которая удерживает цивилизацию как единый социальный организм. Мысль о том, что такой силой является религия, впервые высказал Мирабо. Однако в условиях, когда материализм стал господствующим мировоззрением новоевропейской науки и философии, эта идея была обречена. Фокусируясь исключительно на материальном плане бытия, Просветители вообще выводят религию из круга проблем, обсуждаемых научным сообществом. В XIX столетии отношение к цивилизации отцов научного коммунизма тоже не предполагало какого-либо упоминания религии. И в наше время совсем не все видят в религии важнейший механизм формирования и существования цивилизации. Тем не менее взгляды Мирабо получают свое развитие в XIX столетии в трудах русских философов К. Данилевского и Н. Леонтьева, согласно которым цивилизации следует рассматривать в двух планах: материальном и духовном. Леонтьев, так же как и Мирабо, полагал, что религия играет ведущую роль в обеспечении единства и целостности цивилизации.

В XX веке продолжение линии Мирабо — Данилевский — Леонтьев прослеживается у А. Тойнби. Он выделяет религию в числе основных факторов, позволяющих отделить одну цивилизацию от другой, но отказывается окончательно признавать в ней главное формообразующее начало. Следующий в этой линии С. Хантингтон, который безоговорочно закрепляет за религией первостепенное значение. Принимая мысль Тойнби о том, что культура есть кровь цивилизации, он полагает, что ее душой является религия. Хантингтон признает важность рассмотрения материальной стороны цивилизации (экономического и политического ее аспектов), но главную роль в обеспечении идентичности цивилизации, он закрепляет все-таки за духовным фактором — за религией. Он полагает, что религия в современном мире самая главная сила, которая мотивирует и мобилизует людей. Подобное понимание цивилизации доминирует и в наше время, что, в частности, проявляется у Р. Осборна. Несмотря на то, что он не дает ясного теоретического представления о том, что есть цивилизация, он акцентирует внимание на принципиально важных моментах. Первое это то, что вопреки учению Маркса, экономический прогресс не является единственным условием развития цивилизации. Более того, этот прогресс может быть предпосылкой ее деградации. И второе, что особенно

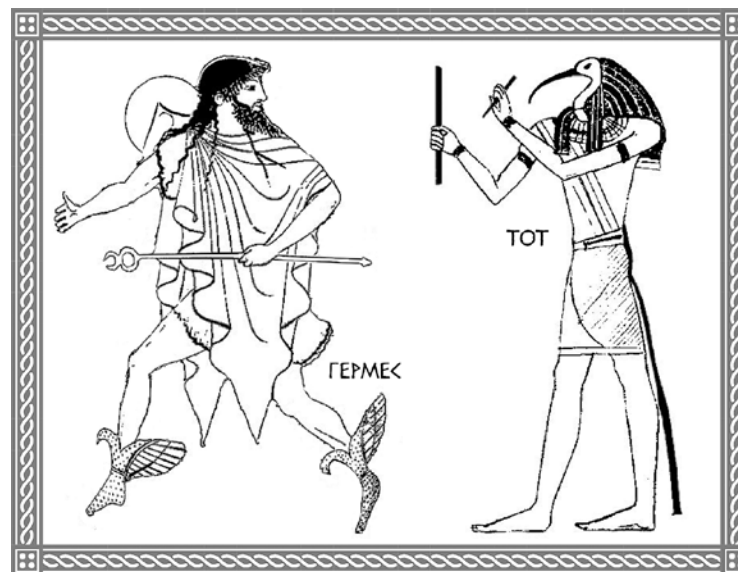
важно, цивилизация не есть некий набор культурных образцов и их творцов. Она скорее всего напрямую связана с духом, их направляющим, и обществом, которое позволило ему проявить себя таким образом.⁴¹

Понятно, что аналогичный подход к осознанию природы цивилизации мы находим у многих философов-мистиков. Они даже не заостряют на этом внимание, потому что безусловный приоритет духовного фактора в обеспечении целостности цивилизации для них есть вещь сама собой разумеющаяся. В их понимании духовный план это сфера Высших сил (Высший разум, Великая лаборатория и т. п.), надстроенная над сферой материального бытия общества, в которую входят не только производственная деятельность и экономика, но и культура. Такой подход к объяснению природы цивилизации, на мой взгляд, является наиболее полным.

* * *

На протяжении столетий выдающиеся мыслители, пытались объяснить, что такое цивилизация, фокусируя свое внимание на отдельных ее аспектах. Кому-то удавалось прозреть на мгновение, кому-то чуть больше, но только к концу XX столетия появляется возможность составить более или менее комплексную картину. Можно выделить самые разные аспекты понятия «цивилизация» и проследить другие линии в его эволюции, но я считаю, что главное движение мысли проходило и проходит именно в выделенных здесь направлениях. Цивилизация есть настолько сложное понятие и настолько многогранная сущность, что и сегодня мы все еще находимся в начале очень непростого пути, который предстоит пройти, чтобы проникнуть в ее великую тайну.

⁴¹ Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М. : АСТ, 2008, с. 6–7.

Глава III ЖИВОЙ КОСМОС

Нет ничего во всем Эоне (в вечности), что не было бы живым. Ибо не было мертвой вещи в Космосе, нет и теперь и не будет впредь.

Corpus Hermeticum, XII

Есть еще одно философское направление, которое, на мой взгляд, имеет отношение к нашей теме. Речь идет о герметическом учении. Здесь мы не найдем рассуждений о цивилизации и даже самого этого слова. Герметизм возник за тысячелетия до того, как европейские мыслители стали рассуждать о том, что есть цивилизация. Это учение не встраивается напрямую в историю эволюции данного понятия в новоевропейской культуре. Тем не менее устройство мироздания, которое я почерпнул из текстов философов-герметиков, оказало важное влияние на

формирование моего понимания цивилизации, и мой анализ без отнесения к нему был бы неполным. Именно поэтому я выделяю герметизм в отдельную главу.

В начале работы над этой книгой я был убежден, что самостоятельно пришел к идее цивилизации как живого организма, но по мере ознакомления с материалом я обнаружил, что это представление зародилось в глубокой древности. Безусловно, люди, жившие в стародавние времена, не употребляли слово «цивилизация» — они размышляли о своем мире — ойкумене, — за пределами которого был иной мир, населенный чужими, отличными от них людьми-варварами. Однако их видение вполне можно соотнести с нашими представлениями о цивилизации. Характерной его особенностью было одушевление всего сущего, от самых малых тварей и до всей Вселенной. Подобное отношение было и к человеческим сообществам, племенам, родам, народам и государствам. Такое видение, в котором все мироздание предстает как единое живое существо, является основой всех магических учений. До определенного времени христианская церковь вполне лояльно относилась к этому мировоззрению, но уже в позднем Возрождении (XVI век) ситуация принципиально меняется. С этого времени церковь начинает преследовать магию, как учение, искажающее официальную религиозную доктрину. Несколько позднее, со второй половины XVII столетия, к этим гонениям подключаются и представители науки, заклеймившие магию как ненаучное, т. е. ложное знание. Несмотря на все это, картина мира, изображающая Универсум как живой одухотворенный механизм, не исчезла совсем. Ее воздействие ощущается в мировоззрении выдающихся личностей эпохи Ренессанса, оно отчетливо проявляется в русской философии XIX века, ее отсветы мы находим в концепции биосферы и ноосферы Вернадского. Как мы видим, представление об одушевленном или живом космосе сформировалось задолго до эпохи ренессансных магов, о чем свидетельствуют дошедшие до нас тексты герметического учения.

Маги или ученые?

Большинство из нас считают, что основная баталия между истинным и ложным пониманием устройства мироздания всегда разворачивалась в русле противостояния науки и религии. Эта

мысль с детства закладывается в наше неокрепшее сознание. При этом акцент делается на том, что религия не есть знание, а есть вера в то, чего на самом деле не существует, т. к. не подтверждается ничем, кроме авторитета Священного писания и недостоверных случаев мистического озарения. Наука, в противовес религии, преподносится как система знаний, всегда базирующаяся на анализе опыта, эксперименте и точных измерениях того, что существует в материальном мире или объективной реальности. Общепринятым является видение прогрессивного развития человечества, согласно которому наука всегда одерживает победу над религией. В то же время история науки и история религии говорят о том, что это противостояние было намного сложнее, что в нем были задействованы и другие силы. Что же это за таинственные силы? Почему мы ничего или почти ничего о них не знаем? Кем они были представлены на арене истории?

Всем нам известны имена таких великих личностей, как Джордано Бруно, Галилео Галилей, Николай Коперник, Исаак Ньютон, которых мы почитаем как великих ученых, чьи открытия стали основой всей сферы научной деятельности. Мы привыкли считать, что они были непримиримыми борцами с религией. Но, несмотря на свое весьма критическое отношение к ортодоксальной церковной доктрине, они отнюдь не всегда выступали как убежденные атеисты и как апологеты естественно-научного подхода к познанию мира. Известно, что все они были приверженцами герметического учения. И, конечно же, разделяли важнейшее его положение, о том, что Бог и его творение — Вселенная представляют собой единое целое — поскольку все сущее в Боге, то нет ничего, что существовало бы помимо него, так же как и он не существует вне чего-либо.¹

В отличие от перечисленных выше, имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм известно далеко не всем. Мы знаем его больше под именем Парацельс, как одного из отцов современной медицины и фармакологии. Он одним из первых начал лечить с помощью химических препаратов. Ему принадле-

¹ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М. : Алетея, 2000, с. 14, 106, 223.

жит мысль о том, что яд может быть лекарством, а лекарство может быть ядом. В 1534 году он помог остановить вспышку чумы, прибегнув к мерам, которые напоминали вакцинацию. Будучи великим врачом, он в то же время был знаменитым оккультистом, последователем герметической доктрины, исходящей из того, что и человек и природа являются проявлениями единого Бога. Он называл себя магом и полагал, что силы, составляющие микрокосм человека, тождественны силам, составляющим макрокосм мира. Понимая медицину как одну из форм алхимической магии, Парацельс писал: «Как врач напитывает свойствами трав больного человека, так и маг наделяет человека привлеченными им небесными силами».² Оппонируя медицинским светилам своего времени, он утверждал, что «Изумрудная скрижаль», один из основных источников герметической мудрости, содержит больше искусства и опыта в философии, алхимии и магии, чем они все вместе взятые. После того, как Парацельс публично сжег книги известных авторитетов, его изгнали из Базеля, где он занимал должность городского лекаря. Аналогичная судьба постигла его в Цюрихе. Открыто заявляя и пропагандируя свои взгляды, Парацельс вступил в конфронтацию с католической церковью, которая внесла его сочинения в список запрещенных книг. Только благодаря тому, что его деятельность протекала в протестантских странах, ему удалось избежать смерти от руки инквизиции. Тем не менее человек с такой уникальной способностью наживать себе врагов, которой обладал Парацельс, не мог умереть своей смертью. Есть предположение, что к его кончине имели отношение медицинские авторитеты, которых он шокировал и раздражал на протяжении всей своей жизни. Жизнь и смерть Парацельса говорят о том, что его приверженность принципам герметического учения в равной степени была неприемлема как для церкви, так и для становящегося рационалистического мировоззрения.

Со школьных лет в моей памяти запечатлелся образ молодого человека, кротко взиравшего с портрета, висевшего на стене в кабинете физики. Со слов учителей мы знали, что это Джор-

² Бейджент М., Ричард Ли. Эликсир и камень : традиции магии и алхимии. М. : ЭКСМО, 2004, с. 169.

дано Бруно, великий астроном, который был сожжен на костре инквизиции. С тех пор этот человек стал для меня олицетворением истинного ученого, принявшего мученическую смерть, но не поступившего своими научными убеждениями. Дж. Бруно, так же как и Н. Коперник, был убежден в том, что Земля вращается вокруг Солнца, но он пошел значительно дальше, утверждая, что Вселенная бесконечна и населена бесчисленными мирами. Уже работая над этой книгой, я узнал, что основанием его концепции был отнюдь не научный подход, базирующийся на точных измерениях и расчетах. Опорой его убежденности была герметическая философия, провозгласившая всеохватывающее единство мироздания. В отличие от Парацельса, в деятельности которого магия сочеталась с аналитическим подходом к изучению природы и экспериментом, Дж. Бруно никогда не занимался наукой и открыто называл себя магом. В то же время у него было много общего с Парацельсом. Он был не менее амбициозен, обладал таким же мятежным духом и талантом наживать себе врагов. Его смелость иногда граничила с безрассудством. Он также пребывал в постоянном конфликте с авторитетами своего времени, долго не задерживался на одном месте и также умер не своей смертью. По словам М. Бейджента, это был самый шумный и самый необузданный из магов эпохи Возрождения. Английский историк Фрэнсис Амелия Йетс пишет об этом человеке как о герметическом маге самого радикального типа, который считал своей главной миссией утверждение новой религии, основанной на принципах герметизма. Бруно был настолько наивен, что надеялся склонить Римского папу к реформе католической церкви. Он считал, что заря лучшего дня наконец-то занялась и что ее свет распространится и на Италию.³ Чем все это закончилось, мы знаем. Отвечая на вопрос, за что казнили Дж. Бруно, А. Лосев писал, что роковую ошибку в его судьбе сыграло то, что он отождествлял Бога и мир, что вело к фактическому отрицанию Творца как надмировой, абсолютной личности и, как следствие, к антихристианству, антицерковности.⁴ Можно сказать, что его

³ Frances Amelia Yates. Giordano Bruno and the Hermetic Tradition. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1964.

⁴ Лосев А. Эстетика Возрождения. М. : Мысль, 1998.

казнили за то, за что не успели сжечь Парацельса — за приверженность к герметическому учению, за его убежденность в том, что нет ничего, что может существовать вне Бога, за его веру в то, что Бог объединяет в себе Творца и его Творение (Вселенную).

Еще большим откровением для меня стало то, что Исаак Ньютон, который почитается как один из отцов-основателей науки Нового времени⁵, также придерживался герметических убеждений. Он верил в существование Высшего разума, уделял большое внимание занятиям богословием и алхимией. По мнению М. Бейджента, образ Ньютона как апологета исключительно рационалистического подхода к познанию мира стал общепринятым только после его смерти. Сам Ньютон возмущался бы подобным определением и с жаром бы отверг его. Стало известным, что его последователям и ученикам удалось замолчать все аспекты его деятельности, которые не соответствовали новой научной респектабельности. После смерти Ньютона все его ненаучные труды были помечены «не для печати» и хранились в тайне. Эти работы стали доступны широкой публике лишь два столетия спустя, когда они были выставлены на аукционе «Сотбис» в 1936 году. Бейджент ссылается на лорда Джона М. Кейнса⁶, согласно которому Ньютон, в глубине души эзотерик и оккультист, был не первым представителем эры разума, а последним из магов.⁷ Я считаю, что отнести Исаака Ньютона к какому-либо одному из этих полюсов было бы принижением его гения. Его величие как философа и ученого было именно в том, что он осознавал необходимость обоих подходов и рассматривал их как взаимодополняющие пути познания мира. Научный, рационалистический метод должен применяться по отношению к изучению природы. Герметическая философия должна оставаться методом познания, который позволяет проникнуть в тайну мирового порядка и всеобщей взаи-

мосвязи всего сущего как в материальном мире, так и за его пределами. Мне представляется весьма драматичным то, что с уходом Ньютона ушло и его понимание Универсума как единой системы, объединяющей в себе мир материальный и мир Божественный. Его наследие было ограничено непроницаемыми рамками материалистической картины мира, которая стала впоследствии официальным основанием нового естественно-научного подхода.

Как мы видим, мировоззрение Парацельса, Бруно и Ньютона, впрочем, как и ряда других великих личностей эпохи становления науки Нового времени, не вписывается в упрощенную картину борьбы между наукой и религией. Их взгляды были слишком научны для религии и слишком религиозны для науки. Очевидно, что их деятельность нельзя однозначно отнести к какой-либо одной из этих сфер. Всех их объединяло то, что они разделяли основные положения герметического учения.

Историю взаимоотношений герметизма, официальной церкви и науки в Европе, начиная с эпохи Возрождения и до нашего времени, можно сравнить с процессом раскручивания спирали. На первом витке (XV — середина XVI века) герметизм получает все большее распространение и становится альтернативой христианской доктрине. На втором (середина XVI — середина XVII века) церковь, осознав в полной мере угрозу своей власти со стороны герметизма, ведет активную борьбу с ним как с еретическим учением. Камнем преткновения, как мы уже говорили, было базовое положение герметизма о всеобъемлющем единстве Творца и Творения. В это время Бого-центричная картина мира, которая предопределяла все стороны жизни человечества на протяжении многих столетий, подвергается сомнению. Гуманистическое сознание, присущее этой эпохе, помещает в центр мироздания человека, постепенно вытесняя Бога на периферию. Следствием этого становится резкое повышение интереса к изучению реального мира. Это, естественно, вызывало негативную реакцию церкви и заставляло ее вести борьбу не только с многочисленными ересями и наиболее популярным и в силу этого наиболее опасным для нее герметизмом, но и с материалистическими взглядами на природу бытия. На третьем витке происходит институализация или обособление науки как самостоятельной сферы деятельности (XVII век), для которой материальный мир

⁵ Первая научная официальная организация (Лондонское Королевское Общество) была основана в Англии в 1660 году Р. Бойлем, Р. Гуком, И. Ньютоном и др.

⁶ Джон Мейнард Кейнс считается одним из основателей макроэкономики как самостоятельной науки. Возникшее под влиянием его идей экономическое течение получило название «кейнсианство».

⁷ Бейджент М., Ли Р. Эликсир и камень : традиции магии и алхимии. М., 2004, с. 249–250.

выступает уже как единственная реальность. Естественное-научное сознание отрицает не только представления догматического христианства, разделяющие Творца и его Творение, но и целостный образ мира как некоторого живого единства, присущий герметизму. Начиная с этого времени, наука активно выступает против этого учения, несмотря на то, что своим появлением она во многом ему обязана. Так получилось, что в своем неприятии герметизма наука объединяется с церковью. В этой борьбе за торжество рационалистического подхода ученые мужи не заметили, как с грязной водой выплеснули и ребенка — представление о единстве мироздания. В наше время спираль раскручивается в обратную сторону — постепенно приходит осознание всеобъемлющего единства мира, в котором все со всем взаимосвязано.

Как уже говорилось, герметическая философия во многом предопределила становление и формирование науки Нового времени. Но если наука ограничила себя непроницаемыми рамками материального мира, герметизм рассматривает его только как часть значительно более широкой действительности. Все более очевидным становится, что связь человека с космосом, проявление Вселенной в каждой мельчайшей ее частице — идеи, к которым современная наука подходит все ближе, уже тысячи лет назад составляли основу герметической философии. Этим во многом объясняется новая волна интереса к этому учению. Я убежден в том, что современная наука подошла к тому рубежу, за которым она будет вынуждена признать истинность герметического понимания природы мироздания.

Что есть герметизм?

Впервые слово «герметизм» привлекло мое внимание, когда мне попала книга Мэнли П. Холла «Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии». Тогда я очень мало знал о масонах и не имел вообще никакого представления о герметизме и розенкрейцерах. Приобрел я эту книгу только потому, что само название притягивало меня своей таинственностью. Прошло не меньше десяти лет, пока я стал интересоваться ее содержанием, но особое внимание к герметизму появилось только в процессе работы над этой книгой. Читая тексты, напи-

санные тысячи лет назад, я испытывал состояние дежавю. Мне казалось, что я не только давно знаком с ними, но и не раз беседовал с их авторами. Возможно, острое ощущение приобщенности к этой мудрости возникало оттого, что в своей прежней жизни я принадлежал к одной из школ этого религиозно-философского направления. До сих пор нет единого мнения о времени создания основных герметических текстов. Многие деятели Возрождения, будучи приверженцами герметической мудрости, были убеждены в том, что это учение возникло еще до Моисея и, конечно же, задолго до христианской веры. Но в 1614 году произошло событие, которое буквально взорвало устоявшиеся представления. Швейцарский филолог Исаак де Казобон, пришел к выводу, что герметические труды, приписываемые Гермесу Трисмегисту, не были работами древнеегипетского жреца, а фактически были написаны уже во времена христианской эпохи. Эту точку зрения разделяют и многие историки нашего времени. Френсис Йетс полагает, что сочинения, которые вдохновляли ренессансного мага и которым приписывают седую древность, на самом деле были написаны во II–III веках нашей эры.⁸ Соглашаются с этим и известный русский историк культуры А. Лосев, и французский историк античной философии и религии Андре-Жан Фестюжьер. Но есть и другая точка зрения, согласно которой герметизм является более древним учением, сложившимся еще в Древнем Египте. Дж. Бруно полагал, что магическая египетская религия космоса — не только самая древняя, но и единственно истинная религия, которую заслонили и исказили как иудаизм, так и христианство. С ним были согласны Э. Шюре, Дж. Р. С. Мид и Д. Странден.⁹ Их понимание истоков этого учения мне представляются более убедительным. Те, кто настаивает на том, что герметизм возник в рамках неоплатонического учения, забывают, что один из главных его

⁸ Там же: Frances Amelia Yates. Giordano Bruno and the Hermetic Tradition. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1964.

⁹ Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М. : Пиллигрим-Пресс, 2004; Мид Дж. Р. С. Третье величайшее Гермес. М. : Алтейя, 2000; Странден Д. Герметизм, его происхождение и основные учения. Сокровенная философия египтян. СПб. : Издание А. И. Воронцов, 1914.

принципов — принцип аналогии, является повторением центрального положения платоновской философии о единстве мироздания, которое, в свою очередь, опирается на тайное знание египетских посвященных. Платон жил на 700 лет раньше и был убежден в том, что существуют мир вечных идей и мир вещей, и каждой идее соответствует конкретная вещь как реализация идеи в материальном мире. Сходство герметической картины мира с представлениями Платона и жрецов Древнего Египта не вызывает сомнения. Почему же тогда мы должны отрицать древнеегипетские корни герметического учения?

Именно в герметизме я нашел мысли близкие моему пониманию мироустройства. Меня можно упрекнуть в том, что сначала я построил свою концепцию цивилизации, а затем уже стал подгонять под нее философскую базу. Но это не так. Свой подход к познанию мира я изложил в моей первой книге¹⁰ до моего знакомства с основными положениями этого учения и задолго до того, как я утвердился в мысли написать книгу о цивилизации. По мере погружения в глубины герметической философии я все более убеждался, что ее основные положения во многом совпадают с моим пониманием устройства мира. Речь идет, прежде всего, о принципе единства мироздания, о том, что мир Божественный и мир материальный являются проявлениями одного целостного мира. Особое внимание этому учению я уделяю также и потому, что оно предполагает одухотворение всего мироздания, каждой его частицы, каждой мельчайшей сущности в нем пребывающей, распространяет понятия жизнь и живое существо на всю Вселенную, на весь Универсум, позволяет относиться к формам общественного бытия, в том числе и цивилизациям, как к живым одухотворенным сущностям. Если раньше я полагал, что такое представление является порождением моего собственного сознания, то теперь я знаю, к какой философской традиции могу его отнести, и меня несколько не смущает, что своими корнями оно уходит в глубину древность.

¹⁰ Яровой А. О Боге и о себе. Тайна универсума внутри меня. Харьков : Фолио, 2010.

Герметизм — монотеизм или язычество?

Источник всего сущего — Бог;
Он и Ум и Природа, даже
больше того — Материя, Мудрость,
что познает все окружающее.

Corpus Hermeticum, III

В истории религии существует традиционное разделение на язычество или многобожие и монотеизм — поклонение единому Богу. Не могу согласиться с мнением А. Лосева о том, что герметизм был переходной стадией от язычества к христианству.¹¹ Такая точка зрения объясняется его убежденностью в том, что герметизм является неоплатоническим учением (I–III века нашей эры). Я же исхожу из того, что это учение, будучи значительно старше неоплатонизма, а возможно, и самого платонизма, своими корнями уходит в Древний Египет. Сам Платон долгие годы находился в обучении у египетских жрецов и, конечно же, не избежал египетского влияния.¹² Я полагаю, что герметизм не был переходной ступенью к христианству. Обе эти религии восходят к египетскому монотеизму, но не находятся на одной линии исторической эволюции человеческой культуры, а представляют собой два ее самостоятельных направления.

Вот, что мы можем прочесть в одном из текстов, входящих в Corpus Hermeticum:

Свят Бог, Отец всего сущего.

Свят Ты, о Бог, чья воля совершается твоими силами.

Свят Ты, о Бог, восхотевший быть познанным тем, что принадлежит Ему.

Свят Ты, создавший бытие словом своим (логосом).

Свят Ты, чей образ являет природа.

Свят Ты, не сотворенный Природою.

¹¹ Лосев А. История античной эстетики. Т. 8. Итоги тысячелетнего развития. Книга 2. М. : Искусство, 1994.

¹² Согласно Э. Шюре, Платон провел в Египте около десяти лет, где прошел через посвящение Исида, но не достиг высшей ступени, на которой человек становится адептом и получает прямое видение божественной истины.

*Свят Ты и сильнее всякой мощи.
Свят Ты и превыше всякого величия.
Свят Ты и превыше всякой хвалы.¹³*

Мне трудно представить, что прочтя эти строки из «Пойман-дра, пастыря мужей», кто-нибудь сможет усомниться в монотеистической природе герметической религии. Тем не менее это происходило и происходит в наше время. Церковь преследовала герметизм как языческую ересь, некоторые философы как недостаточно убедительный монотеизм, наука — за попытку выйти за пределы сакральной и неприкасаемой для нее модели материального мира. Вот отрывок из другого трактата: «Ибо, воистину, первый из сущего, вечный и стоящий за всеми рождениями есть Бог — Создатель Вселенной. Вторым является, «по его образу, Космос, порожденный им, поддерживаемый и питаемый им, созданный бессмертным, поскольку его Господин, живущий вечно, вечно свободен от смерти».¹⁴ Обращение к Единому Творцу мы находим практически во всех герметических трактатах. Безусловно, в разных текстах мы встречаем и противоречивые высказывания, но разве мы не находим противоречий в священных писаниях других религий, в том числе христианства? Однако это не дает нам оснований отрицать их монотеистическую природу.

Одним из основных аргументов критики герметического монотеизма является признание этим учением существования множества богов. Действительно, об этом идет речь во многих текстах этой школы, входящих и не входящих в Герметический Корпус, в частности в «Египетских мистериях» Ямвлиха, но в этом же труде автор отделяет второстепенных или сотворенных богов от «единого порождающего бога, истинного блага», являющегося «великим изначальным источником всего и основанием первых существующих мыслимых идей». Согласно герметическому учению, только Главный Бог вечен, все другие боги — смертны.¹⁵ Здесь у меня возникает вопрос, в чем принципиальное отличие

герметического монотеизма от всех других монотеистических религий? Как известно, и христианство признает не только Бога Творца, но и другие духовные сущности, которые находятся на разных ступенях Божественной иерархии. Это ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и др. Также признается существование темных сил во главе с Князем Тьмы — Сатаной. Кроме того, как мы знаем, христианство с большим почтением относится к многочисленным святым. В соответствии со Священным писанием, все духовные силы, в том числе и Сатана — Люцифер, были созданы Богом. А кто такие святые? Они являются духовными сущностями, порожденными сознанием людей. При этом считается, что святые это люди, спасенные для вечной жизни с Богом. Герметизм же утверждает, что только Бог обладает бессмертием. Краеугольным камнем герметизма является положение о том, что мир материальный не существует без Бога, также как и Бог не существует без него. Роль всех сотворенных богов заключается в том, чтобы обеспечивать связь и взаимодействие духовного и материального планов Универсума. И в этом смысле все они, на мой взгляд, представляют собой вечный механизм, отвечающий за целостность мироздания. Но отдельные духовные сущности, в него входящие, не обладают прерогативой вечной жизни. Если рассуждать с этих позиций, герметизм, настаивающий на том, что все, кроме Главного Бога, смертно, содержит в себе не меньше монотеизма, чем все другие признанные монотеистические религии, допускающие существование и других бессмертных духовных сущностей.

Единство творца и творения

Все есть Одно, а Одно есть во всем.

Corpus Hermeticum, IX

Работая над книгой «О Боге и о себе», я знал, что мое понимание природы бытия расходилось не только с ортодоксальным материалистическим мировоззрением, но и с известными мне религиозными доктринами, утверждающими независимость Вселенной от Бога, Творения от его Творца. Отправной точкой моих исканий было ощущение разумности мироздания, убежденность в его целесообразности и всеобщей взаимосвязи всего со всем. Я писал о том, что все сущее в мире подчиняет-

¹³ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 21.

¹⁴ Там же: с. 95.

¹⁵ Там же: с. 61–62. (Так же см.: Явлич. О египетских мистериях. М.: АО ХГС, 1995, с. 205).

ся единому замыслу, что все пребывает во всем, что в каждой клетке, в каждом атоме отражена Вселенная, о том, что Творение и его Творец есть единое целое. Тогда мне было еще неизвестно, что близкое к моему видению является основой герметической философии. Познакомившись с этим учением, я был поражен, насколько мои собственные представления совпадают с мыслями древних мудрецов, которые учили, что Бог не только вмещает в себя все вещи, но «Он сам является всеми ими. Он не получает их извне, но испускает их сам ... Поскольку все сущее в Боге, то нет ничего, что существовало бы без него, так же как и Он не существует вне чего-либо».¹⁶

На первый взгляд, в этой мысли все понятно, но оказывается, все не так просто. Именно такое понимание взаимоотношения Творца и Творения отличает герметизм от других монотеистических религий. Практически все эти религии, разводя Творца и Творение, как две принципиально разные реальности, утверждают, что материальный мир, Вселенная, пребывает не в Боге, но вне его. Исходя из того, что этот мир не может существовать без своего Творца, они полагают, что Творец вполне может обойтись и без него. Другими словами, существование Вселенной для Бога необходимостью не является. При этом материальному миру приписывается злое начало, которое противопоставляется всеблагому Божественному миру. Такое понимание предполагает возможность ошибки Творца при создании Вселенной, а также возможность отдаления Его от своего Творения, что, несомненно, становится источником дуалистического мировоззрения. Как отмечает итальянский историк А. Донини, «Дуалистичны были культы спасения, дуалистично различение материи и духа. Глубоко дуалистическим было христианство, которое отводит демоническим силам самостоятельное существование, плохо совместимое с монотеистической теологией».¹⁷

¹⁶ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 102.

¹⁷ Донини А. У истоков христианства: от зарождения до Юстинианства [Изд. 2-е]. М.: Политиздат, 1989, с. 34. Представление о дуалистической сущности христианства мы находим также и в других источниках, в частности, в книге Бейджент М., Ли Р. Эликсир и камень: традиции магии и алхимии. М., 2004, с. 37.

Крайним выражением христианского дуализма является деизм, допускающий практически полное забвение Творцом своего Творения.¹⁸

Совершенно противоположный подход мы находим в герметизме. Как уже говорилось, это учение исходит из того, что Бог и Вселенная пребывают в неразрывном, всеохватывающем единстве. Вселенная и есть Бог, но она не равна ему, а является одним из планов его существования — планом физическим, материальным или планом проявленным. Так, в трактате «Определения Асклепия царю Амону» изложено представление о Боге как о Создателе, Владыке и Вместилище Вселенной, «который будучи Всем есть Один, и, будучи Одним, есть Все; ибо Полнота всех вещей есть Одна и есть в Одном, и этот последний Один не является двумя разными «Одними», а есть Одно Единое». Трудно представить себе более емкое выражение идеи системного подхода к пониманию Универсума. Обращаясь к разуму человечества, герметизм пытается предотвратить раздробление единой картины мира и растаскивание ее на мелкие, не связанные друг с другом части: «Ибо если кто-то пытается отделить, то, что кажется Всем и Единым, ... от Одного, то обнаружит, что значение слова «Все» он берет от идеи множественности, а не от идеи Полноты — что недопустимо, ибо если он отделит Все от Одного, то разрушит Все. Ибо все вещи должны быть Одним — если они действительно являются Единым, с тем, чтобы полнота никогда не смогла разрушиться».¹⁹

Представление о мироздании как о единстве Творца и Творения является основой герметизма. Сейчас я понимаю, что именно за приверженность таким идеям, а отнюдь не за свои научные труды, Джордано Бруно был приговорен инквизицией к сожжению на костре. Несмотря на то, что в 1889 г. в Риме был открыт

¹⁸ Деизм (от лат. *Deus* — бог) — религиозно-философское движение с ярко выраженной дуалистической направленностью. Деисты полагают, что Бог после сотворения мира не вмешивается в течение событий. В то же время деизм рассматривается как переходная ступень к атеизму. Начиная с последней части XVIII ст., деизм использовал науку, чтобы оправдать свою позицию. Поэтому среди известных деистов мы находим имена таких борцов с религией как Вольтер и Жан-Жак Руссо и таких ученых как Жан Батист Ламарк и Жан Лерон Д'Аламбер.

¹⁹ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 196.

памятник Дж. Бруно на той самой площади Цветов, на которой он был сожжен, католическая церковь до сих пор считает его страшным своим врагом.

Безусловно, авторы герметических трактатов осознавали невозможность широкого распространения своего учения. Они понимали, что нельзя осчастливить человечество, передав ему истинное знание, по той простой причине, что оно просто не могло его принять. Общество той эпохи было абсолютно не готово к его восприятию. Ясное понимание этого мы находим в трактате, в котором содержится их пророчество будущего Египта, который почитался ими как святыня всего мира. Здесь говорится о том, что придет время, когда весь священный культ окажется напрасным и превратится в ничто, и благочестивые культы будут не просто забыты, но окажутся под запретом, «Земля не будет больше удерживаться вместе, люди начнут презирать и перестанут любить этот космос как целое, ... многочисленное целое, собранное в единство всего, которое должно быть почитаемо, восхваляемо и любимо — по крайней мере теми, у кого есть глаза, чтобы видеть». Это страшное время автор этих строк называет старостью Мира. Но дальше он дает луч надежды, говоря о том, что это еще не конец света. Настанет время, когда «Бог вернет Космос в его древнюю форму, так, что сам Мир окажется достойным поклонения и восхищения».²⁰ Писавший эти строки исключал возможность понимания герметического учения в современном ему мире, но он верил, а может быть, и знал, что в будущем человечество обязательно достигнет уровня развития, позволяющего осознать свое предназначение в единой системе Универсума. Они знали, что это будущее наступит очень скоро. Осознавая, что в те времена будет уже другое общество, другая цивилизация, эти мыслители считали своим священным долгом сохранить и донести свое видение до той отдаленной эпохи, когда оно сможет быть адекватно воспринято и поставлено на службу человечеству.

Возможно, мы уже живем в эпоху, когда, если еще не духовно, то интеллектуально, общество созрело для восприятия идеи

²⁰ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 253, 254.

системного единства мира. Хотя еще и не в полной мере, но свет герметического учения, указывающий людям истинный путь к познанию мира, начинает пробиваться сквозь препоны искаженных религиозных доктрин и барьеры естественно-научного понимания устройства мироздания. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, возросший интерес к этому учению и, с другой — стремление самой науки, которой уже тесно в рамках материалистического мировоззрения, к познанию мира как единого целого, где все со всем взаимосвязано, где материальный мир не оторван от мира духовного, где материя и дух являются проявлениями высшего всеобъемлющего единства.

Центральное положение о единстве мироздания, единстве творца и Творения раскрывается в основных принципах герметической философии. Всего их семь, но я остановлюсь только на двух из них — принципе ментализма и принципе аналогии, поскольку их понимание является ключом ко всей герметической мудрости и принципиально важно для моей концепции цивилизации.

Все есть мысль, все есть живое

Все есть мысль.
Кибалион²¹

Одним из основополагающих принципов герметического учения является принцип ментализма. Главная истина, которую он до нас доносит: Бог, его мысль и его дух есть во всем, что существует, и во всем, что вообще может существовать. Энергия Божественного Духа или энергия мысли Божьей выступает здесь как первооснова, как единая первоматерия, пронизывающая все, что присутствует в мире. Утверждая, что каждая мельчайшая частица несет в себе частицу Божественного Духа — всемирной энергии, — этот принцип раскрывает сущность герметического монотеизма.

²¹ Кибалион — подборка основных Герметических принципов, переходящих от Учителя к Ученику. Точное значение и содержание термина «кибалион» было потеряно много веков назад (The Kybalion. A Study of the Hermetic Philosophy of ancient Egypt and Greece. Chicago: The Yogi Publication Society, 1908).

Такое представление подводит нас к мысли о том, что мир в целом и каждая сотворенная Высшим разумом вещь в отдельности, все есть живое. В трактате «О мысли и чувстве» отмечается, что Бог есть живое начало всего сущего и поэтому «нет таких вещей, которым не была бы дана жизнь, но лишь взяв их в себя, Он делает их живыми; Он одновременно Место Жизни и ее Создатель. Такой подход позволяет распространить понятия «жизнь» и «живое существо» не только на весь материальный мир — Вселенную, но и на весь Универсум, который здесь понимается как единство материального и духовного миров. Как сказано в одном из герметических трактатов: «Космос движется в самой Жизни Вечности и Космическое Пространство есть в самой Нескончаемости Жизни». Эту максиму мы находим и в других местах, в частности в трактате «О всеобщем Уме»: нет ничего такого, которое не было бы живым, ибо не было мертвой вещи в Космосе, нет и теперь и не будет впредь. Концепция живого Космоса представлена и у Ямвлиха. «Следует иметь в виду, — писал он, — что мироздание является единым живым существом. Его части разнятся по своему местоположению, но вследствие единой природы стремятся друг к другу. Всеобщее соединяющее начало и основание для смешения по самой природе влекут части к соединению между собой».²² Как мы видим, положение о том, что все есть живое, непосредственно вытекает из главного тезиса ментализма. Поэтому в принципе ментализма я вижу логическую связку двух взаимно определяющих идей «Все есть мысль» и «Все есть живое».²³

Принято считать, что герметизм относится к сфере тайных знаний и тайных наук, таких как алхимия и магия. Сущностью этих наук является привлечение духовных сил для преобразования материи, трансформации одних веществ в другие, живого в неживое и обратно.²⁴ Несомненно то, что герметизм в целом и принцип ментализма в частности выступают как философское основание магии. В сжатом виде суть его можно выразить

²² Ямвлих. О египетских мистериях. М., 1995, с. 161.

²³ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 82, 101, 102, 112, 153, 261.

²⁴ Frances Amelia Yates. Giordano Bruno and the Hermetic Tradition. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1964, ch. III, p. 5.

в следующей логической последовательности. Если все одухотворено Божественным духом и все есть живое, тогда к живому можно отнести не только биологические организмы, животных и человека, но и все, что сотворено Богом, в том числе стихии и вообще любые природные образования. Если все сущее имеет единую духовную или энергетическую природу, то отличие между разными сущностями заключается только в степени одухотворенности или количестве духовной энергии. Как указывается в ряде герметических трактатов, материя есть энергия Бога. В трактате «О всеобщем Уме» Гермес наставляет своего ученика Тата: «И о чем бы ты не говорил, то ли о Материи, то ли о Теле, то ли о Сущности, знай, что все они также являются энергиями Бога; и что материальность — это энергия Материи, что телесность — это энергия Тела, что Сущность — это утверждение энергии сущности; и что Бог — это Все».²⁵ Если допустить, что это так и есть, то получается, что при наличии особых знаний одни сущности можно трансформировать в другие, изменяя частоту вибрации духовной энергии. Искренняя убежденность в этом придавала средневековым алхимикам уверенность в безграничных возможностях трансформации материи и, как следствие, их интерес к изучению материального мира. Но, как уже отмечалось, я весьма далек от сферы магической деятельности. В ментализме я нахожу подтверждение своих представлений об устройстве всех вещей в мире, в том числе философское основание представления о цивилизации как об особой форме живой материи, целостность которой определяется не физическими ее параметрами, но ее духовной сущностью.

Принцип ментализма, утверждающий единство всего со всем и существование общей первоосновы, живой энергии Духа — мысли Божьей, — является квинтэссенцией извечных попыток человеческого разума объяснить гармонию Космоса. По сути своей он созвучен идеологии системности мироздания, которая все больше проявляет себя как философское основание и универсальный метод современной науки. Эйнштейн писал: «Я верю в Бога Спинозы, который проявляет себя в гармонии сущего, но

²⁵ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 108, 133, 134.

не в Бога, который интересуется судьбами и поступками человеческих существ».

Как вверху, так и внизу; как внизу, так и вверху

Другим положением герметической философии, важным для моего рассуждения о цивилизации, является принцип аналогии. В нем закрепляется истина, гласящая, что то, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху, что Вселенная как мир пространства и времени есть отображение мира Божественного — мира Духа, мира вечности. «Разве ты не знаешь, что Египет есть отражение неба?», — вопрошает Гермес своего ученика Асклепия.²⁶ Как правило, это сопоставление воспринимается как метафора, передающая понимание Египта как центра и святыни всего мира. В культуре Древнего Египта такое понимание было выражением глубокой веры в то, что все сущее в мире физическом есть подобие другой, более высокой действительности — мира духовного. Общим началом, объединяющим эти миры, верхний и нижний, является Божественный Дух как особый вид жизнетворящей энергии. Подобно крови в теле человека, эта энергия пронизывает и наполняет все сущее, как в мире божественном, бестелесном, так и в материальном космосе — мире проявленном, в мире, в котором мы живем. Глубоко прочувствовал тайну единства обоих миров, мира Бога и мира человека, Дмитрий Мережковский. В своей книге «Тайна трех. Египет — Вавилон» он писал: «Не только Бог человеку, но и человек Богу помогает воскреснуть. Человек и Бог взаимно дополнительны. Между ними происходит постоянный обмен воскрешающей силы, как бы непрерывный ток между двумя электрическими полюсами. Одним и тем же воздухом дышат люди и боги: боги выдыхают, люди вдыхают».²⁷ Божественный Дух в нисходящем потоке оплодотворяет творческой энергией материальный мир. В свою очередь мир земной, обогащая энергию Духа творческой энергией человека, в восходящем потоке возвращает ее Богу.

²⁶ Там же: с. 251, 255.

²⁷ Мережковский Д. Тайна трех. Египет и Вавилон : художественная литература. М. : ЭКСМО, 2001, с. 259–260.

Посвящение в Египетские мистерии, — писал Э. Шюре, — позволило понять Пифагору инволюцию духа в материю путем мирового творчества или восхождения к единству посредством индивидуального творчества, которое осуществляется, благодаря развитию сознания.²⁸

Мир Бога и мир человека выступают как две взаимосвязанные и взаимно обеспечивающие части единого механизма Божественного Универсума. Свое понимание этой герметической мудрости Э. Шюре выражает устами египетского посвященного, иерофанта, который говорит о главных ключах науки: «Вот первый из них. Внешнее подобно внутреннему; малое таково же как и большое; закон один для всего. Нет ничего малого и нет ничего великого в божественной экономии. Вот второй ключ. Люди — смертные боги, а боги — бессмертные люди. Счастлив тот, кто понимает эти слова, ибо, поняв их, он овладеет ключом ко всему». В предельно сжатом виде представление о круговороте Божественного духа выражено в формуле: «Бог творит человека, а человек творит Бога».²⁹ Эта формула является отправной точкой моего восхождения к пониманию принципа аналогии и через это понимание — к моей концепции цивилизации.

В герметической философии речь идет не только об общем подобии этих миров, но и о подобии каждой вещи, каждой отдельной сущности, пребывающей в них. Как сказано в одном из герметических трактатов: «Все вещи, с одной стороны, пребывают в бестелесном, а с другой — в проявленном».³⁰ Эта мысль является одним из базовых принципов герметической философии: «... все вещи есть пара, Создатель и созданный, и невозможно, чтобы одно существовало без другого; ... и первый и второе являются одним и тем же. Поэтому отделить одно от другого невозможно так же, как невозможно отделить «Я» от «Я»».³¹

Но что мы понимаем под вещью? Это не только отдельный предмет, имеющий форму и данный нам в ощущениях. Вещь это

²⁸ Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 238.

²⁹ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 139, 148, 249, 250, 272.

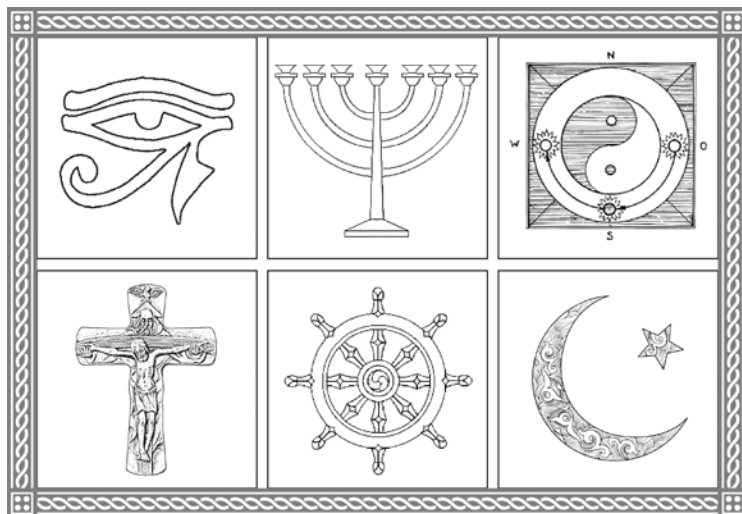
³⁰ Там же: с. 139.

³¹ Там же: с. 191.

все то, что мы можем представить как некоторую целостность, обладающую специфическими свойствами, позволяющими отграничить ее от других вещей и от всего остального мира. Вещь может быть простой, а может быть сложной, представляющей собой совокупность нескольких простых вещей. Под категорию вещи попадают не только единичные предметы, но и суперорганизмы, а также любые формы социальной организации, независимо от их сложности. Как вещь можно рассматривать не только отдельную особь, например, муравья, но и муравейник, не только человека, но и город, государство и даже цивилизацию. Тем не менее любая сотворенная Богом вещь в соответствии с герметическим учением есть пара, связывающая ее духовную сущность (идеальный прообраз) и ее материальное воплощение. Древние мудрецы очень ясно представляли себе как это все устроено: «если принять, что все вещи двойственны — «что создано» и «то, что создает», значит все они есть союз первого и второго — «того, что ведет» и «того, что следует». Если речь идет о цивилизации, то одна часть этой пары представляет собой определенное сообщество со всеми его материальными атрибутами, людьми, производством, культурой. Другая часть — это некоторое духовное содержание, которое можно представить как программу, обеспечивающую единство цивилизации, механизм ее развертывания во времени. Как мы знаем, цивилизации живут значительно дольше, чем любые их материальные атрибуты. Поколения уходят за поколением, исчезают государства и отдельные культуры, рушатся могущественные империи, а цивилизации продолжают жить. Это происходит благодаря устойчивости ее духовного содержания, — веры людей в своих богов, в то, что их мир устроен таким, а не каким-то другим образом, и что они, несмотря ни на что, должны жить в соответствии с верой своих отцов, дедов и прадедов. Даже тогда, когда цивилизация прекращает свое существование, когда разрушаются все ее материальные структуры и механизмы воспроизводства ее культуры, она продолжает жить в духовности следующей «дочерней» цивилизации. Далеко не всегда это осознается. Как правило, новая цивилизация, утверждая свою идентичность, делает все возможное, чтобы противопоставиться старой. Но есть универсальный закон, который никому не дано отменить. Он гласит: материальное преходяще,

духовное вечно. Уходящая цивилизация как бы прорастает в новую. Поэтому новая цивилизация не начинается с пустого места. С самого начала она несет в себе некоторое духовное содержание, которое связывает ее со старой цивилизацией и оказывает воздействие на все ее последующее развитие. Тем самым осуществляется генетическая связь цивилизаций. Эти мысли были положены мною в основу моей гипотезы цивилизации.

Поражает то, что авторы текстов, объединенных в «Corpus Hermeticum», отваживались поднимать проблемы, к которым современная наука до сих пор боится прикоснуться. В те далекие времена, когда науки в нашем понимании еще не было, они не только ставили вопросы, но и давали свои ответы, демонстрируя не только убежденность в существовании Высшего разума, но, с моей точки зрения, истинно системный подход к проблемам изучения Космоса — Универсума, проблемам природы времени и пространства, Духа и материи.

Глава IV МОЯ КОНЦЕПЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Культура — кровь цивилизации,
религия — ее душа.

Так что же такое цивилизация? Думаю, дорогой читатель, что вам, также как и мне, трудно ответить на этот вопрос. Мы уже познакомились практически со всеми основными идеями и теориями. Тем не менее единого понимания все еще нет. Для того, чтобы оно появилось, нужно определить такие характеристики цивилизации, которые были бы специфичны только для нее, и отделяли бы ее от всех других коллективных форм как в мире животных, так и в мире человека. Из всего обилия характеристик я бы выделил то, что цивилизация является живой сущностью, поскольку кроме своей материальной составляющей имеет и духовную природу. Особое внимание, полагаю, следует уделить

утверждению, согласно которому именно духовный фактор является формообразующим, определяет уникальность цивилизации и обеспечивает ее целостность. Но можно ли считать, что духовный фактор есть нечто, присущее только цивилизации? Думаю, что нет — так, например, примитивные культуры, которые мы никак не можем причислить к цивилизациям, безусловно, обладают своей собственной духовностью. Они другие, но их также можно отнести к коллективным живым формам. Что же их отличает от цивилизации? Где проходит та грань, которая однозначно позволит нам отличить цивилизацию от нецивилизации? Именно на этот вопрос я попытаюсь дать ответ в этой главе.

Муравейник и цивилизация. Сходство и отличие

Как уже говорилось, я заинтересовался муравьями и коллективными организмами вообще не столько ради изучения их самих, сколько для того, чтобы лучше понять природу больших человеческих сообществ, в частности природу цивилизаций. До сих пор наука не дала ответ на вопрос, каким образом осуществляется координация жизнедеятельности подобных организмов в мире животных. Еще меньше ответов мы находим, когда речь идет о цивилизациях. То, что коллективные организмы существуют — это факт, который невозможно отрицать, так же как и то, что они живут и действуют как единые, целостные системы. Но если так, тогда логично предположить, что цивилизации, так же как и муравейник, должны обладать некоторыми механизмами, заставляющими множество индивидуумов консолидировать свои усилия ради достижения общей цели — цели выживания всей системы. Полагаю, что каждая цивилизация имеет свою уникальную программу, подобную упоминавшейся выше программе «надзиратель». Такого рода программы отвечают за поддержание целостности суперорганизмов, несут в себе не только информацию об их устройстве, но и обо всех фазах их жизненных циклов. Общим моментом здесь является то, что их создателями выступают не сами цивилизации, но некоторая внешняя сила. Как и программы любых живых организмов, они появляются не после, а одновременно с возникновением их самих, а возможно, и до того, как последние появляются на свет. Мы пока не знаем, как эти программы устроены и где они существуют,

но я убежден в том, что без них существование коллективных организмов было бы невозможным. Человек не просто один из видов животных, он принципиально отличается от всего живого во Вселенной. Поэтому логично предположить, что механизмы, обеспечивающие целостность коллективных организмов в мире животных и в мире людей, имеют и существенные отличия.

Возраст цивилизаций исчисляется тысячелетиями, что намного превышает срок жизни муравейника. В пределах своего жизненного цикла муравейник не претерпевает каких-либо существенных структурных изменений. Более того, его физические характеристики как суперорганизма определенного вида остаются практически неизменными с древнейших времен и до наших дней. Можно сказать, что муравейник как бы существует вне времени. Иную картину мы наблюдаем, рассматривая историю цивилизаций. Они рождаются, претерпевают радикальные изменения и уступают место на арене истории новым цивилизациям, которые во многом отличаются от предыдущих. Изменяется их духовное содержание, культура, существенно трансформируется как менталитет всего общества, так и сознание отдельно взятого человека.

Принципиальное отличие цивилизации от муравейника объясняется прежде всего тем, что человек по своему интеллектуальному развитию и степени свободы воли неизмеримо выше не только муравья, но и любого, даже самого высокоразвитого животного. Хотя нам кажется, что муравьи постоянно суетятся, на самом деле они никуда не спешат. Они не спешат потому, что ничего не знают о времени и, соответственно, не следят за ним. Они, как и любой механизм, просто выполняют то, что им предписано изначально заданными программами. Они живут и действуют сегодня так же, как жили и действовали десятки, а может быть, и сотни миллионов лет назад. Задача, изначально заложенная в голову каждого муравья, заключается в том, чтобы поддерживать целостность муравейника, частью которого он является и без которого существовать не может. Если какой-то муравей, вообразив себя слишком умным и свободным, начнет действовать вопреки жесткому, раз и навсегда установленному порядку, он будет немедленно уничтожен. Но такого в принципе быть не может, разве что он сойдет с ума (утратит связь с программой «надзиратель») или окажется в состоянии наркотического опья-

нения, что иногда случается даже с муравьями. Поэтому силам, удерживающим муравейник как единую систему, практически ничего не противостоит. Здесь нет никаких внутренних противоречий и конфликтов и, соответственно, отсутствует потенция развития. Это и гарантирует неизменность муравейника на протяжении миллионов лет.

Что же происходит с человеческой цивилизацией? На начальных этапах цивилизация напоминает муравейник — усилия основной массы людей подчинены общей цели. Но люди не муравьи — у них есть мышление, они могут осознавать себя свободными индивидами, формировать свои собственные цели. Они, как правило, чем-то недовольны, стараются улучшить как свое собственное положение, так и усовершенствовать общество, в котором они живут. Люди всегда спешат, так как пытаются реализовать свои идеи в пределах весьма ограниченного срока их жизни. Далеко не все готовы свои личные интересы полностью подчинять интересам большинства. Они делятся своими мыслями с другими, привлекают сторонников своих взглядов и объединяются в группы. При этом совокупная мыслительная энергия единомышленников порождает свои идеалы, создает свои духовные доктрины, основным предназначением которых является сохранение единства этих групп. Совсем не всегда интересы отдельных групп совпадают с интересами других объединений и общества в целом. Частные программы конкурируют между собой и входят в противоречие с общей программой, отвечающей за целостность всей цивилизации. Это порождает конфликты, которые и выступают «топливом» процесса развития. На определенном этапе, после прохождения цивилизацией высшей точки своего духовного развития, центробежные силы постепенно берут верх над центростремительными, что обуславливает ее старение и, в конечном итоге, распад. С одной стороны, этот механизм неотвратимо ведет к смерти цивилизации, с другой является необходимым условием ее внутреннего развития и возникновения новых цивилизаций.

Таким образом, цивилизация как форма коллективной жизнедеятельности человека принципиально отличается от муравейника, так же как и от всех других коллективных организмов в мире фауны. Если целостность муравейника обеспечивается

благодаря наличию единственной, изначально заданной программы, и отдельная особь является безвольной, механической частью всей системы, то жизнедеятельность цивилизации координируется взаимодействием общей ее программы и множеством частных программ, которые своим происхождением обязаны человеку. Такое понимание позволяет объяснить статичность коллективных форм в мире животных и высокую динамику процесса развития цивилизации как особой формы коллективной жизнедеятельности человека.

Отличие цивилизации от других форм бытия человеческого общества

Цивилизация принципиально отличается не только от коллективных организмов в мире животных, но и от всех других форм общественного бытия человека. Такие из них, как семья, род или племя, в основе своей имеют кровное родство той или иной степени дальности. Народ, нация и государство могут включать в себя людей различных национальностей и рас и даже представителей разных культур. Общим моментом для названных здесь форм является то, что их целостность определяется в первую очередь материальными характеристиками — территориальными и политико-экономическими факторами. Захватив территорию, разрушив экономические и политические устои, можно стереть с лица земли целые народы и государства. Но, как показывает история, этого недостаточно, чтобы разрушить цивилизацию. Рассуждать о цивилизации мы начинаем тогда, когда говорим о таких вещах, как христианский мир или мир ислама, христианский или мусульманский народ, понимая под этим не население какой-либо отдельной страны, а всех людей, осознающих свою принадлежность к этим мирам, независимо от того, в каких странах и на каких континентах они проживают. Считается, что история иудейской цивилизации насчитывает около трех с половиной тысяч лет, христианская живет уже более двух тысяч лет, возраст ислама — приближается к полутора тысячам лет. За это время канули в лету великие народы, государства и могущественные империи, но иудейская, христианская и мусульманская цивилизации продолжают свое существование. Что же позволяет цивилизации сохранять свою жизнеспособность столь длительное время?

Вспомним известную сказку о Кощее Бессмертном, ту ее часть, в которой говорится о том, где находится его смерть — она находилась на кончике иглы, которая была в яйце, которое было в утке, а утка в зайце и т. д. В государстве и цивилизации также есть нечто главное, некоторое центральное содержание, без которого они существовать не могут. Однако это разные содержания — для государства той «иглой», от которой зависит его жизнь, является идеология, для цивилизации — это духовная доктрина, базисом которой является картина мира или представление об основополагающих принципах природы мироздания. Идеология всегда определяет картину будущего, то к чему следует стремиться, задает цели или вектор развития общества. В этом смысле идеология всегда материальна. Смена идеологий происходит относительно быстро, что во многих случаях приводит к радикальной смене политического устройства, экономических механизмов и, как следствие, к разрушению одних государств и возникновению новых. Феномен долгожительства цивилизации можно объяснить тем, что ее единство определяется не идеологическими и политическими программами, но достигается в первую очередь на основе общей веры в своих богов, в истинность и непоколебимость мироустройства.

Я согласен с мыслью Тейяра де Шардена, согласно которой человечество в конечном итоге определимо именно как дух.¹ Подобную мысль мы находим и у выдающегося индийского философа Свами Вивекананды: «духовность есть источник силы нации, нация начинает умирать, когда духовность приходит в упадок, а материализм переходит в наступление».² Хотя в этом высказывании речь идет о нации, все это можно отнести еще в большей степени к цивилизации. Именно доминанта духовности является тем, что отличает цивилизацию от любых иных коллективных форм жизнедеятельности человека и обеспечивает целостность и уникальность ее культуры. Как показывает история человечества, духовное единство намного более устойчиво и долговечно,

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека [Сборник очерков и эссе]. М., 2002, с. 361.

² Вивекананда С. Джнана Йога. Харьков : Фолио, 2004, с. 6.

чем любые материальные образования. Это можно объяснить тем, что в основе идеологии лежит категория времени и, соответственно, такие понятия, как изменение и развитие, а духовная доктрина всегда ориентированна на вечные ценности. Именно поэтому разрушение материальных основ является главной причиной уничтожения государств и гибели целых народов, но оно не обязательно ведет к гибели цивилизации.

Гипотезы возникновения цивилизации

Где и когда возникла первая цивилизация? Наука до сих пор не дает ответа на этот вопрос. Предлагаются разные варианты: Лемурия — затонувший континент в Индийском океане, Атлантида — остров-государство предположительно существовавший в Атлантическом океане или Средиземном море, легендарная северная страна Гиперборея и другие мифические континенты-цивилизации. Однако если наука и подтвердит неоспоримыми археологическими данными существование какой-то одной или даже всех этих цивилизаций, мы все еще не сможем ответить на вопрос, были ли они первыми или до них уже были другие? Сформировались ли они на нашей планете или зародились в глубинах космоса? В этом разделе мы сосредоточимся не на доказательстве или опровержении этих мифов, а попытаемся понять, как вообще появляется цивилизация как особая форма бытия человечества.

Существуют несколько гипотез происхождения цивилизаций. Хотя мыслители древности не использовали слово «цивилизация», их также занимал вопрос принципиального отличия их сообществ от всех остальных. Самые первые гипотезы мы находим в древней мифологии, согласно которой творцами цивилизаций были высшие силы — боги или их посланники. В них цивилизации возникают не сами по себе, в силу внутренних причин, а всегда как следствие внешнего воздействия на процесс развития общества. Во всех этих гипотезах подчеркивалось особое значение понятия времени, письменности, образования, науки, специфичных для любой цивилизации как особого типа коллективного бытия человека. Именно обладание этими базовыми вещами позволяло народам осознать свою исключительность и противопоставить себя так называемым варварам.

В наше время весьма популярной является гипотеза космического происхождения земной цивилизации, согласно которой ее истоки следует искать в других мирах, на других планетах. Можно допустить, что более развитые инопланетные цивилизации позаботились о землянах, но это не дает ответ на вопрос о происхождении цивилизаций и порождает новые вопросы. Допустим, инопланетяне являются творцами земной цивилизации, но кто тогда создал их собственную цивилизацию? Поэтому гипотеза инопланетного воздействия на жизнь человечества не столько объясняет природу возникновения земной цивилизации, сколько уводит нас от ее решения. Как мы видим, эта гипотеза также настаивает на том, что цивилизации появляются не сами по себе, а в результате внешнего воздействия.

Иную точку зрения предлагает современная историческая наука. Она настаивает на том, что цивилизации появляются тогда, когда объем накопленных знаний и опыта позволяет перейти к качественно новому состоянию бытия человечества. В этом случае переход к цивилизации рассматривается как *необходимая ступень* в эволюции общества, следующая за варварством, которое, в свою очередь, следует за дикостью. Однако наука до сих пор не доказала правоту теории Дарвина и, тем более, правоту теории социального дарвинизма. Наоборот, существует масса фактов, противоречащих этим теориям. Поэтому такое понимание не может рассматриваться как строго научное и является, так же как и все остальные версии происхождения цивилизации, не более чем гипотезой.

Можно ли предположить, что цивилизации возникают не по воле высших сил и не в процессе естественной эволюции общества, а по воле человека? Допустить это, конечно, можно, но хорошо известно, что все попытки человека создать новую цивилизацию всегда завершались полным крахом. В качестве примеров приведем историю Третьего Рейха в Германии и построения коммунистического общества в Советском Союзе. В обоих случаях амбиции власти распространялись далеко за пределы этих государств. Власть Гитлера и Сталина, я бы назвал их псевдомессиями, была практически абсолютной. В их руках были сосредоточены огромные человеческие и технические ресурсы, под их началом находились самые современные армии, на достижение их целей работала могущественная пропагандистская машина.

Их конечные цели предполагали создание новых цивилизаций и установление нового миропорядка. Они хорошо осознавали, что достижение этих целей невозможно без полного разрушения духовных основ старых цивилизаций. Именно этим объясняется негативное отношение Гитлера к иудаизму и христианской церкви. Этим же объясняется ненависть Ленина и Сталина к религии вообще. Отдавая приоритет созданию новых идеологических и духовных доктрин, способных захватить огромные человеческие массы, они умело манипулировали их сознанием, используя энергию коллективных обрядов: различного рода массовых сборищ, праздничных шествий, военных парадов, совместного распевания партийных и государственных гимнов и т. п.³ Ради реализации своих безумных идей самозванные мессии не считались ни с какими затратами, разрушали государства и уничтожали целые культуры. Несмотря на все усилия и на неисчислимые человеческие жертвы, эти эксперименты по искусственному выращению новых цивилизаций оказались весьма недолговечными. Третий Рейх просуществовал всего немногим более десяти лет, а власть коммунистов — немногим более семидесяти лет. Главной причиной, которая привела к краху замыслов всех без исключения псевдомессий, замахнувшихся на создание новых цивилизаций, было то, что они возомнили себя носителями Высшей воли, уравнили себя с богами. Опыт, накопленный за всю историю человечества, показывает, что никакой человек, какой бы властью и могуществом в мире людей он не обладал, не в состоянии сотворить новую цивилизацию. Духовные доктрины, порожденные сознанием людей, в относительно короткие сроки прекращают свое существование, уходят в небытие, по мере того как общая вера в насильно насаждаемые идеалы утрачивает свою актуальность и стирается из памяти людей.

³ Хорошо известен повышенный интерес практически всех диктаторов, в частности Гитлера и Сталина, к оккультизму. В их ближайшее окружение входили известные мистики и экстрасенсы. Они тратили огромные средства на исследования в этой области, уделяя особое внимание поиску методов воздействия на массовое сознание. Это позволяет говорить о том, что они сознательно стремились к созданию духовных сущностей, которые могли гарантировать устойчивость новых цивилизаций.

Я разделяю мысль П. Успенского о том, что ни одна цивилизация не начинается сама по себе. Он считал, что цивилизация никогда не берет начало в естественном росте, не возникает в процессе эволюции общества — она появляется благодаря искусственному выращению.⁴ В отличие от государств и наций, которые главным образом создаются людьми, цивилизации возникают и исчезают не по воле человека, а по воле Высшего разума.

Что раньше — культура или цивилизация?

Мы живем в мире, в котором существуют, взаимодействуют и противоборствуют разные цивилизации: христианская, иудейская, мусульманская и другие. Как мы уже говорили, в этих цивилизациях живут и взаимодействуют люди разных культур. Что же появилось раньше цивилизация или культура? До того, как мы перейдем к этому вопросу, я предлагаю разобраться, человек создает культуру или культура — человека?

Известно, что человечество существовало на планете и до появления первых цивилизаций. Речь здесь не идет о полудиких существах, больше похожих на животных, чем на людей. Это были люди, ведущие хозяйственную деятельность, жизнь которых протекала в соответствии с некоторыми правилами и традициями. У них были представления не только о земной, но и потусторонней жизни, о чем в частности свидетельствует то, что они не просто хоронили своих умерших, но делали это в соответствии с определенными канонами.⁵ Сохранившиеся на стенах пещер изображения поражают нас высоким уровнем художественного

⁴ Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. М., 1999, с. 36.

⁵ «Первый признак, по которому определяется мыслящая цивилизация, — это культ мертвых. До тех пор, пока люди выбрасывали трупы своих ближних как грязь, они были не больше, чем животные. В тот день, когда они начали предавать их земле или сжигать, произошло что-то необратимое. Заботиться о своих мертвецах — это означает представлять себе загробную жизнь — виртуальный мир, который находится над миром видимым. Заботиться об умерших — это значит воспринимать жизнь как этап между двумя измерениями. Из этого вытекают все религиозные представления» (См.: Вербер Б. День муравья. М., 2007, с. 113). Я бы добавил, что здесь начинается культура, но еще не цивилизация. Культура может перейти в цивилизацию, но может и законсервироваться, застыть на тысячелетия, а может быть и навсегда.

мастерства. Это были не просто рисунки, подобные произведениям привычного нам искусства. Они всегда имели символическую природу и всегда преследовали практические цели: обеспечить удачную охоту, задобрить или призвать на помощь высшие силы и т. п. У древних искусства как формы эстетического наслаждения не было. Изображения, дошедшие до нашего времени, были неотъемлемой частью магических ритуалов. Жившие в те дальние времена люди улавливали передаваемые с их помощью смыслы, так же как делаем мы, когда читаем и понимаем письменные сообщения. Интересно, что такого рода изображения, которые существуют на разных континентах, практически идентичны. Они являются доказательством того, что на самых ранних стадиях своего развития человечество уже имело культуру. Другое дело, что эта культура оставалась практически неизменной на протяжении тысяч, а может быть, и сотен тысяч лет.

Можно выделить два основных сценария появления первых культур на нашей планете. Оба они изложены в библейском мифе о строительстве города с Вавилонской башней. Согласно первому сценарию, все люди на земле представляли собой один народ, и был у них один язык и одно наречие, и, соответственно, одна культура. Решили они построить город и башню до небес. Посмотрел Господь на это и подумал, что если люди смогут построить такую башню, то для них не будет ничего невозможного — чего доброго, так они уравниются с самим Богом. Такая перспектива его явно не устраивала, и поэтому предпочтение было отдано другому сценарию. Он смешал языки строителей, они перестали понимать друг друга и перестали строить тот город, после чего были рассеяны по лицу всей земли. Мы видим, что предпочтение отдается последнему сценарию, согласно которому человечество изначально существовало как совокупность многих народов и многих культур, которые сложились одновременно в разных местах нашей планеты. И это, с моей точки зрения, вполне согласуется с концепцией ноосферы Вернадского, получившей широкое признание как среди философов, так и в научном мире. Эту концепцию разделял и Тейяр де Шарден, который называл ноосферой единую мыслящую оболочку, образующую функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе. Принимая гипотезу ноосферы, я прихожу к заключению о том, что мысля-

щая оболочка планеты не могла быть порождением какого-либо одного локального сообщества или культуры. Поэтому задолго до появления первых цивилизаций на планете существовало не просто множество мыслящих индивидов, но множество культур. Они образовывали еще одну оболочку планеты, сферу культуры, которая и является основой ноосферы. Эта оболочка, будучи «соткана» из множества первоначальных или, как их называют, примитивных культур, стала той благодатной почвой, на которой зарождались и формировались первые цивилизации. Однако не все эти культуры породили цивилизации — некоторые из них сохранились почти в том же виде вплоть до нашего времени.

Вопрос о том, человек создает культуру или культура человека, по сути идентичен проблеме муравья и муравейника. В самом деле, Ветхий Завет говорит о том, что все человечество произошло от первых людей, Адама и Евы, первенцами которых были Каин и Авель. Но, как сказано в том же тексте, после убийства своего брата Каин становится изгнанником. Значит, оба брата жили в сообществе других людей, иначе, откуда он мог быть изгнан? Хотя Каин был первородным сыном Адама и Евы, после изгнания у него появляется жена, с которой он зачал Еноха. Каин был земледельцем, а Авель — пастырем овец. Это говорит о том, что общество, в котором они жили, имело уже достаточно высокий уровень разделения труда. Очевидно, что создатели Ветхого Завета не мыслили человека вне общества других людей, а значит — и вне культуры. Я также полагаю, что человек без культуры, без норм, регламентирующих его существование в обществе себе подобных, человеком не является, но и культура без человека есть вещь совершенно невозможная. Поэтому для меня ответ на этот вопрос однозначен — человек в полном смысле этого слова появляется одновременно с возникновением культуры, задолго до того, как на Земле появились первые цивилизации.

Застывшая культура и цивилизация

Как известно, и в наше время есть сообщества, которые трудно или вообще невозможно рассматривать как цивилизованные. Главным их занятием является охота, они не знают земледелия, их технологии и орудия труда такие же, как те, которые применяли их предки десятки тысяч лет назад. Этим сообществам неведомы

формы государственной организации. Чтобы подойти к сути того, что мы понимаем под цивилизацией, следует провести четкую границу между цивилизованным и нецивилизированным человечеством. Сделать это не так просто, как кажется с первого взгляда. Уже древние греки и римляне отделяли ойкумену, мир культурный, от варваров — народов, обитающих за пределами этого мира. Но разве те, кого древние считали варварами, разные готы с вандалами, с чьим именем до сих пор ассоциируется умышленное уничтожение культурных ценностей, не обладали своей культурой? Безусловно, обладали. Но если не наличие культуры, то что же отличает цивилизацию от варварства или дикости, цивилизацию от нецивилизации?

Приступая к работе над этой книгой, я полагал, что самые ранние цивилизации появились одновременно с формированием культуры. В ходе работы мои представления радикально изменились. Если понимать под культурой совокупность норм, канонов и прототипов, предопределяющих все стороны жизнедеятельности того или иного человеческого сообщества, то становится ясно, что любая цивилизация обязательно предполагает наличие культуры. Первыми артефактами, позволяющими говорить об определенной культуре, являются древние захоронения, в которых останки людей располагались в форме зародыша и с учетом ориентации по сторонам света. Это свидетельствует не только об определенных ритуалах, которые являлись нормой для данного сообщества, но и о том, что уже в те времена были космологические представления, а следовательно, и своя культура. Однако сам по себе факт существования культуры еще не означает наличия цивилизации. Да, культура есть важная часть цивилизации, но отсюда не следует, что она не может существовать вне цивилизации. Как мы уже говорили, цивилизации возникают на определенной стадии исторического развития человеческого общества, но само общество было и до этого и, конечно же, оно имело культуру. Без культуры оно ничем бы не отличалось от популяции животных, и поэтому такое общество нельзя было бы назвать человеческим. Для меня это есть аксиома, т. е. положение, которое не требует доказательства. Культура является необходимой частью всех форм существования человеческого общества, в том числе и цивилизации.

Понимание культуры и цивилизации как принципиально разных вещей мы находим у многих мыслителей, в частности у А. Тойнби. Мы уже отмечали, что он считал культуру кровью цивилизации. Как живой организм не может жить без крови, так и цивилизация не может обходиться без культуры. Он противопоставлял цивилизацию примитивной культуре, как принципиально иному типу бытия человечества. По его мнению, сравнивать цивилизацию с примитивным обществом — это все равно, что сравнивать слона с кроликом.⁶ Превосходное описание примитивной культуры мы находим у Екклесиаста: «Род приходит и уходит, а земля пребывает вовеки ... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Жизнь одного поколения, повторяя жизнь предыдущего, движется по замкнутому кругу. Все необходимые знания, технологии, формы поведения и социальных взаимоотношений передаются от отца к сыну. Отдельные люди рождаются и умирают, поколения сменяют друг друга, но культура, в которой они существуют, практически не изменяется. Такое сообщество не осознает течения времени и не имеет своей истории, но оно имеет свои традиции и каноны, которые регламентируют все стороны социальной жизни.⁷ Речь здесь идет о статичном обществе, которое имеет свою культуру, но не имеет внутреннего механизма ее развития. Этот момент подчеркивал и А. Тойнби: «Динамическое движение характерно для цивилизаций, тогда как статичное состояние свойственно примитивным обществам». Но, высказав эту принципиально важную мысль, он в свойственной ему манере, так же как и в случае с его концепцией «церкви-куколки», как бы испугавшись собственной смелости, делает шаг назад, по сути опровергая ее: «Однако, если спросить, является ли это различие постоянным и фундаменталь-

⁶ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002, с. 8.

⁷ А. Тойнби, полагал, что примитивные культуры также имеют свои истории. Может быть и имеют, но эти истории писались людьми, не принадлежавшими к этим культурам. Примитивные культуры считаются таковыми, в частности потому, что у них не было и нет письменности, которая не могла возникнуть в силу отсутствия таких понятий как «время» и «история». Соответственно, не было и собственной истории, т. к., во-первых, не было такой необходимости, и, во-вторых, они не имели средств фиксации жизненно важных для их общества событий.

ным, ответ будет отрицательным».⁸ С моей точки зрения, именно *это неприятие нового, неподвижность и неподверженность изменениям является главной характеристикой примитивной культуры*. Такая культура, при условии, что на нее не оказывается воздействие извне, не изменяется и никогда не умирает. Она как бы застыла во времени. Поэтому дальше, говоря об этом типе общества, я буду употреблять термин «застывшая культура».

Отличительной чертой цивилизации является *динамичность изменений, происходящих в культуре* и, соответственно, в жизнедеятельности общества, а также наличие внутренних механизмов развития. Это общество осознает и фиксирует происходящие в нем изменения, живет уже не в вечности, но во времени и поэтому имеет свою историю. Если застывшая культура налагает категорический запрет на любые изменения, то здесь постоянно происходит столкновение и борьба разных точек зрения, что приводит к отмиранию старых и формированию новых культурных норм. Поэтому, в отличие от застывших культур, которые существуют как бы вне времени, цивилизации рождаются, взрослеют, достигают пика своей зрелости, стареют и умирают. Можно сказать, что развитие выступает как главный процесс и главная ценность цивилизации. Я бы даже сказал, что *цивилизация одержима идеей развития*. Это особенно очевидно в нашем мире — изменения происходят столь стремительно, что, не успевая перестраиваться, мы выпадаем из бешеной гонки времени.

Противопоставление застывшей культуры и цивилизации как двух принципиально разных типов коллективного бытия человека положено в основу моей концепции происхождения цивилизаций. Важно отметить, что застывшая культура не обязательно предполагает переход к цивилизации, но она всегда является исходной точкой первой цивилизации.

Переход от застывшей культуры к цивилизации

Следуя теории эволюции, человек происходит от обезьяны, затем он создает примитивную культуру, которая рано или поздно обязательно переходит в цивилизацию. Эту точку зрения

⁸ Там же: с. 100.

разделял и А. Тойнби.⁹ Я полагаю, что, если бы цивилизация появлялась как необходимая ступень в процессе эволюции человека, то в наше время все люди на Земле должны были бы уже жить в цивилизованном мире. Однако в разных частях света мы и сегодня находим сообщества, которые по нашим понятиям являются «дикарями». В качестве примера можно привести аборигенов Австралии, африканских пигмеев или южноамериканских индейцев, живущих в малодоступных дебрях тропических лесов. Можно предположить, что подобные сообщества существовали в самой глубокой древности, куда только способно проникнуть наше воображение. С тех пор в их жизненном укладе мало что изменилось. Это говорит о том, что за время, в течение которого возникали, развивались и умирали величайшие цивилизации, застывшие культуры практически не эволюционировали, они дошли до нас в своем первоначальном состоянии. Если мы отмечаем какие-либо изменения, произошедшие в их жизни, они, как правило, не являлись следствием развития их собственной культуры, а были вызваны внешними воздействиями.

Для полноты картины следует упомянуть еще одну гипотезу. Речь идет об уже известной нам теории «инволюции», согласно которой все примитивные общества когда-то находились в движении и достигли уровня высокоразвитых цивилизаций, но затем остановились в своем развитии и постепенно деградировали до уровня примитивных культур. Хотя на первый взгляд эта гипотеза противоречит дарвиновской теории, на самом деле, как мы уже говорили, полностью в нее встраивается. Понятие «инволюция» является важной философской категорией, которая выступает в диалектической паре с понятием «эволюция», так же

⁹ Полагаю, что Тойнби здесь заблуждался, так же как и в том, что срок жизни примитивных культур короче, чем срок жизни цивилизаций (См.: Тойнби А. Постигание истории. М., 2002, с. 86, 93, 100). Это утверждение противоречит очевидным фактам: мы знаем, что такие культуры существуют и в наше время, но мы не располагаем данными, позволяющими определить более или менее точное время их возникновения. В то же время известно, что уклад их жизни практически не изменился с древнейших времен, о чем свидетельствуют данные раскопок поселений, относящихся к эпохе неолита (9–5 тысяч лет до н. э.) и к более ранним периодам каменного века — позднего палеолита (35–10 тысяч лет до н. э.) и даже среднего палеолита (200–300 тысяч лет до н. э.).

как любовь и ненависть, добро и зло, Бог и дьявол. Я не отрицаю инволюцию как деградацию внутри отдельно взятого вида живых существ, но весьма критически отношусь к тем случаям, когда это понятие употребляется для обоснования трансформации одного вида в другой. Идея происхождения обезьяны в результате деградации человека для меня неприемлема, так же как и концепция происхождения человека из обезьяны. Это же относится и к мысли о том, что примитивные общества когда-то были высокоразвитыми цивилизациями. Именно такое понимание, согласно которому «все цивилизации рано или поздно деградируют, т. е. вернутся к состоянию примитивных обществ», мы находим у А. Тойнби, что еще раз подтверждает внутреннюю противоречивость его концепции цивилизации.¹⁰

Как мы уже говорили, гипотеза инволюции нашла понимание даже у такого убежденного критика теории Дарвина как П. Успенский. Он считал, что все без исключения «дикари», которых наша культура обнаружила в диком или полудиком состоянии, являются потомками более культурных народов, оказавшихся в состоянии вырождения. Известный адепт эзотерических учений Елена Рерих, заподозрить которую в симпатии к дарвиновскому учению довольно трудно, также полагала, что современные дикари являются «отбросами выродившихся рас (цивилизаций — А. Я.)».¹¹ Подобные утверждения, на мой взгляд, порождают расистское отношение к народам, находящимся сегодня не просто на более низкой ступени развития, но относящихся к другому типу коллективного бытия — застывшей культуре. Кто знает, где начало современных примитивных обществ? Полагаю, что эти сообщества не моложе других, которые относятся к современным цивилизациям. Они не отстают в своем умственном, технологическом или каком-либо другом развитии — они просто такие, какие они есть.

Если сопоставить все человечество с муравейником, то можно предположить, что застывшие культуры выполняют ту же функцию, которую несут в муравейнике так называемые трутни.

Они находятся как бы в дремлющем состоянии и активируются только в случае утраты жизненно важных для всего муравейника функций. Если защитный механизм трутней не сработает, муравейник погибнет. То же может произойти и с человечеством, если будут уничтожены все застывшие культуры. Эти культуры являются резервом — материалом для строительства новых цивилизаций. Поэтому их не надо спасать и ассимилировать, пытаюсь дотянуть до уровня современных цивилизаций. Не надо уничтожать их жизненную среду, образ жизни и традиции, надо просто оставить их в покое. Их черед еще не настал. Мы уже понимаем, что нельзя безнаказанно уничтожать леса, животных, все то, что называют живой природой, но мы еще не пришли к осознанию того, что также нельзя произвольно вторгаться в жизнь примитивных или, как я их называю, застывших культур. Возможно, для того, чтобы сохранить этот резерв будущего человечества, мы должны создать новую научную и учебную дисциплину «Экология примитивных обществ».

Как правило, для историков не представляет труда зафиксировать переход одной цивилизации в другую, но до сих пор неразрешимой проблемой остается определение времени возникновения самых ранних, первичных цивилизаций. Именно с этой проблемой сталкиваются ученые, когда речь идет о Шумере или Древнем Египте. В различных источниках возраст этих цивилизаций существенно отличается. Скорее всего потому, что до сих пор нет общепринятых критериев, по которым можно установить начало цивилизации. Как же мы можем определить момент, когда застывшая культура трансформируется в цивилизацию? Возможно ли вообще это сделать? Полагаю, что возможно. Прежде всего следует отметить, что застывшие культуры не знают письма. Не знают они его не потому, что не способны изобрести, а потому что не имеют потребности в нем. Письменность появляется только тогда, когда существующие формы вербального общения перестают соответствовать все увеличивающемуся объему знаний и технологий. По мере нарастания частоты изменений в жизни того или иного сообщества появляется необходимость в фиксации событий — того, что было до и после. Связывание событий во временной последовательности обуславливает формирование исторического мышления. Сооб-

¹⁰ Там же: с. 100.

¹¹ Рерих Е. Сакральное знание: Агни Йога о человеке, космосе, жизни. М.: РИПОЛ классик, 2005, с. 174.

щество, у которого есть представления о времени и истории, уже не может рассматриваться как застывшая культура. Это уже принципиально иной тип, это уже цивилизация. Поэтому время возникновения первых цивилизаций можно определить на основе самых древних свидетельств о наличии в данном обществе письменности и, соответственно, представлений о времени и истории.

Вполне резонный вопрос — почему одни застывшие культуры переходят в фазу цивилизации, а другие нет? Отвечая на этот вопрос, я исхожу из того, что цивилизация не является обязательной очередной ступенью процесса эволюции человека. Она возникает *внезапно* как особый тип социальной жизнедеятельности, принципиально отличный от других предшествующих ему типов, отличный от того, что цивилизацией по определению быть не может, от обществ, которые не имеют внутренних механизмов развития. История свидетельствует о том, что появление новой цивилизации это всегда *революция*, всегда взрыв. От Моисея до Саула, от времени исхода евреев из Египта (вторая половина XIII века до н. э.) до основания первого еврейского царства (XI век до н. э.) прошло примерно два столетия. Промежуток времени от прихода Христа до провозглашения христианства как официальной религии Римской империи (313 год н. э.) составляет около трех столетий. От публичного выступления пророка Мухаммеда в Мекке (613 год н. э.) до образования Арабского халифата (632 год н. э.), первого исламского теократического государства, проходит всего несколько десятилетий. В масштабе истории это всего лишь мгновения. В отличие от эволюции, процесса постепенных количественных изменений, происходящих в силу естественных причин, революция предполагает наличие цели и сознательной установки на ее достижение. Любая революция является результатом целенаправленного воздействия, я бы даже сказал, насилия над естественным процессом, предполагающим быстрый перевод системы в качественно новое ее состояние. На мой взгляд, *цивилизация действительно расцветает на почве застывшей культуры, но только тогда, когда она получает внешний импульс развития*. Все остальные сообщества продолжают свое существование в своем прежнем виде. Такое понимание позволяет объяснить, почему в истории человечества и в наше время сосуществуют оба вида — застывшие культуры и цивилизации.

Мессии

Как же осуществляется переход застывшей культуры в цивилизацию? Происходит ли это само собой и, если нет, то кто сеет семена цивилизации и, главное, ради чего? Сегодня все еще нет научно обоснованного ответа на этот вопрос. Все мы с детства знаем сказку о спящей красавице. Чарами злой колдуньи она была погружена в глубокий сон, казалось бы, навсегда, но появляется принц, который своим поцелуем возрождает ее к жизни. Нечто подобное происходит и с цивилизациями. Для меня достаточно очевидно, что они не появляются на пустом месте, а прорастают на хорошо удобренной почве уже существовавших застывших культур, жизнь которых протекает вне времени — они как бы спят. Так же, как сказочная красавица, они пробуждаются только в результате внешнего воздействия, переводящего их из статичного состояния в состояние развития, из застывшей культуры в цивилизацию. И, так же как в нашей сказке, в исходной точке всегда присутствует некоторая личность, благодаря духовному воздействию которой происходит этот переход.

Наличие множества исторических свидетельств не позволяет подвергать сомнению факт существования великих личностей, которым удавалось то, что было не под силу даже самым сильным мира сего. Они появлялись на разных этапах развития человечества, и мы называем их *мессиями*. Можно оспаривать историческую достоверность того или иного мессии, их божественную природу, но нельзя отрицать факт существования приписываемых им доктрин и учений. Ведь учение вещь вполне материальная, а значит, кем-то когда-то созданная. Кто же такие были эти мессии? Конечно, они были вполне конкретными людьми, сотворенными, как и все мы, из плоти и крови. Они не командовали непобедимыми армиями, не владели огромными богатствами и не властвовали над неисчислимыми народами. Несмотря на это, воздействие их учений было настолько мощным, что изменяло вектор развития всего человечества. К моменту исхода евреев из Египта Моисею было восемьдесят лет. Он не обладал реальной властью, которую можно было бы противопоставить власти всемогущего фараона, но он вывел свой народ из Египта, провел через все тернии жизни в пустыне и заложил основы новой иудейской религии и цивилизации. Гаутама Будда

начал свой великий путь в 29 лет с того, что покинул родной для него царский дворец, отказался от власти и всех материальных благ, которые полагались ему по праву наследования. По преданию, он достиг просветления в возрасте тридцати пяти лет. Жизнь Иисуса Христа оборвалась в тридцать три года. Трудно представить, что эти люди смогли самостоятельно сотворить то, что не смогли совершить самые могущественные властители. Тем не менее основанные на базе их учений иудейская, буддистская и христианская цивилизации, пережив тысячелетия, продолжают существовать и в наши дни.

Согласно древнегреческой мифологии, первым, кто отделил человека от животных, был Прометей. Он похитил божественный огонь и передал его людям. Благодаря ему люди получили все искусства и всю свою культуру. Важно отметить, что огонь в этом мифе выступает не только как физическая субстанция, но прежде всего как олицетворение божественного разума. С этого момента человек становится человеком — подобием божьим. Можно ли, исходя из этого, считать, что Прометей был первым мессией? Наверное, можно — он действительно выведен как герой, создавший Человека, но речь в этом мифе идет о первой, я бы сказал, начальной фазе, на которой человечество существует только в форме застывшей культуры.

К мессиям, зачавшим первые цивилизации, можно отнести такого мифологического персонажа, как Тот-Гермес. *Предание гласит, что он был «писцом Богов» — посредником между Богами и людьми.* Во многих источниках он описывается как бог мудрости и магии, как великий мудрец, подаривший людям знания и письменность. Он считался изобретателем или учредителем большинства религиозных и повседневных обрядов, научил египтян, как устанавливать правопорядок в государстве, был покровителем образования, дал знания по математике, астрономии, архитектуре и другим наукам. Подчеркну, что Тот также считался и богом времени. Все это позволяет считать этого бога основателем древнеегипетской цивилизации. Подобные мифы находим и в восточных религиях. Так, в индуизме в роли прародительницы цивилизации выступает Сарасвати — помощница Брахмы при творении Вселенной, которая осуществляет брак неба и земли. На многих изображениях в ее четырех руках мы

видим музыкальный инструмент, символизирующий трансформацию божественной энергии в различные формы искусства, жемчужные четки, символизирующие трансцендентные вибрации (мантры), которые программируют пространство и время, а также книгу или свернутый в свиток лист, символизирующий знание. Как и другие подобные персонажи, она является богиней мудрости, просвещения и наук, ремесел и мастерства. Подчеркнем, что во всех этих мифах мессии — основатели первых цивилизаций давали людям письменность и представления о времени. Они как снаряд пробивали «броню» застывшей культуры. В месте попадания происходил «взрыв-революция», запускающий механизм развития цивилизации.

Совсем иная ситуация возникает, когда новая цивилизация, как ребенок в чреве матери, прорастает в недрах уже существующей, старой цивилизации. В этом случае радикальную трансформацию претерпевает не форма цивилизации, не механизмы ее воспроизводства и развития, а ее содержание — ее духовность. В качестве примеров можно привести зарождение иудейской цивилизации в лоне религии древнеегипетских посвященных и формирование христианской доктрины в рамках иудаизма. Учение мессии всегда противостоит привычной картине мира, которая предопределяет все стороны бытия данного сообщества и является его духовным ядром. Это учение разрушает старые и привносит новые представления о Боге и о человеке, об их отношении друг к другу. Приход мессии — это всегда актуализация проблемы добра и зла и, как следствие, формирование нового морально-этического комплекса. При этом происходит ценностная переориентация, разрушение старой и становление новой культуры. Любое общество, защищая свои духовные устои, изначально отвергает все, что несет потенциальную угрозу существующему порядку. Поэтому в начале своего пути новое учение поддерживается очень небольшим числом приверженцев мессии — апостолов. Постепенно этот круг расширяется, противостояние нарастает. Это вызывает резкое обострение противоречий и поляризацию, обуславливает раскол ранее единого общества. Захватывая все большее количество приверженцев, учение мессии становится религией, формирующей духовный базис новой цивилизации.

Мессия всегда предстает как богочеловек, как исполнитель высшей воли, как личность, которая воплощает замысел Творца в реалиях материального мира. Цель мессии — дать людям новое представление о мироздании, новую веру, которая способна объединить большие сообщества. Приход мессии, вызывающий столкновение старой и новой духовности, и есть момент, который мы можем считать началом новой цивилизации.

Механизмы развития цивилизации

Цивилизация, как и любой живой организм, имеет свои программы, отвечающие за ее функционирование и развитие от момента рождения и до конца жизни. Так же, как и у всего живого, у нее есть внутренние механизмы, обеспечивающие реализацию этих программ. Одни отвечают за устойчивость и сохранение цивилизации как единого организма, другие приводят к ее разрушению. Первые активируют центростремительные силы, которые работают на единство цивилизации, вторые, наоборот, генерируют энергию центробежных тенденций. Наличие этих противоборствующих и разнонаправленных сил является условием развития цивилизации, предопределяет порядок ее жизненных циклов. Эти механизмы действуют как на уровне системы в целом, так и на уровне ее элементарных составляющих — уровне отдельного человека или индивидуального сознания. Существует множество факторов, влияющих на их работу. В этом разделе я рассматриваю только те из них, которые, на мой взгляд, имеют первостепенное значение.

Духовное ядро цивилизации.

Картина мира и религия

Я согласен с точкой зрения, в соответствии с которой главным формообразующим фактором цивилизации является религия. Человек может поменять место жительства, переехать в другую страну, может полюбить свое новое отечество больше, чем старое, и, при всем этом, сохранить свою цивилизационную идентичность. Он утрачивает ее только в том случае, если меняет вероисповедание, меняет одну духовность на другую, отказывается от прежних и принимает новые представления об устройстве мироздания. Приобщение к религии позволяет индивиду ощутить

свою принадлежность к той или иной цивилизации и принять ее культуру. Общая вера множества людей в истинность определенной картины мира формирует духовное ядро цивилизации. Поддержание, укрепление и воспроизводство веры является главной задачей религии, которая, стягивая общество к единому центру, тем самым проводит границу между своими и чужими, отделяет одну цивилизацию от другой. Если человек исповедует одну из великих религий, то независимо от места своего проживания, страны или части света, он всегда будет ощущать свою принадлежность к соответствующей цивилизации. Совершенно очевидно, что христианская цивилизация не может существовать без христианской религии, так же как мусульманская без ислама. Как показывает история, разрушение веры всегда ведет к деградации культуры и в конечном итоге к гибели цивилизации.

Мы уже отмечали, что существуют и другие духовные содержания, которые позволяют объединять большие массы людей. Например, национальная идея как вера в особую миссию и превосходство одной нации над всеми другими¹², вера в неминуемую победу коммунизма или атеизм — отрицание Высшего разума и утверждение материального бытия как единственной реальности. Все они предлагают свои картины мира, которые способны конкурировать и даже доминировать над традиционными представлениями о мироздании и общественном устройстве, но в отличие от мировых религий они не способны сохранять свое превосходство достаточно долгое время для того, чтобы вокруг них сформировались новые цивилизации. Великие или мировые религии являются духовным ядром всех цивилизаций прошлого и настоящего. Я допускаю, что в будущем могут развиваться новые цивилизации, но для того, чтобы они возникли, должны появиться духовные доктрины, способные предложить свои картины мира, на базе которых могут быть сформированы новые великие религии.

¹² Не следует путать нацизм и национализм как приверженность своей культуре. В первом случае национальная идея питается ненавистью к другим нациям, во втором — бережным отношением к своей культуре и стремлением сохранить ее самобытность. Нацизм разжигает вражду и противостояние с другими народами, истинный национализм прививает любовь к национальным корням и в то же время способствует пониманию ценности других культур, их взаимопроникновению и взаимообогащению.

*Человек — клетка цивилизации.
Баланс личного и общественного*

Как вы помните, жизнедеятельность муравейника обеспечивается за счет особой программы, заставляющей его действовать как единый коллективный организм. В муравейнике это происходит, потому что отдельная особь не имеет той степени свободы воли, которая позволила бы ей осознать свою индивидуальность. Именно поэтому в муравейнике отсутствуют внутренние центробежные силы, стремящиеся разрушить его единство. Общая программа муравейника и программа, заложенная в сознании отдельной особи, обеспечивающая выполнение той или иной частной функции, остаются практически неизменными. Соответственно, ни у отдельного муравья, ни у муравейника в целом нет потенциала развития. Цивилизация представляет собой совершенно другой тип коллективного организма. Как у любого живого существа, у нее должен быть центральный орган или особая программа, которая контролирует работу организма в целом и координирует взаимодействие всех его частей. Однако, в отличие от муравейника, цивилизация является развивающейся системой. Это развитие происходит благодаря принципиальному отличию элементарных частиц обеих систем — муравья и человека. Муравей полностью лишен того, что позволяет ему выделить себя из общей массы, осознать свою особость — у него нет того, что мы называем Эго. Человек же и есть человек только потому, что Эго заложено в нем изначально. Именно это наделяет его той степенью свободы, которая позволяет ему осознать себя личностью. Эго дает человеку крылья, чтобы подняться к сияющим вершинам творческого духа, и в то же время порождает гордыню, которая является источником всех его грехов. Эго есть главная причина конфликта части и целого, конфликта между личным и общественным. Другими словами, часть уже не полностью контролируется и подчиняется целому, она получает право на формирование собственной линии поведения, которая может идти вразрез с интересами всего общества.

Представим себе, что сознание человека состоит из двух половинок. Одна из них ориентирована на цели и ценности системы в целом, другая — на собственные интересы индивида. Для того, чтобы система оставалась стабильной, у большинства чле-

нов данного общества должно быть относительное равновесие между этими двумя половинками, т. е. личные интересы должны присутствовать, но не входить в противоречие с интересами всего общества. Теоретически это допустимо, но в реальной жизни сохранить такое равновесие практически невозможно. Как только в сознании человека возникает противопоставление личного и общественного, человек попадает в ситуацию выбора. На уровне отдельного человека это создает потенциал развития личности, а на уровне общества — потенциал развития общества или цивилизации. Совершенно ясно, что если бы каждый муравей в муравейнике мог выбирать между необходимостью следования жестко заданной функции и своими делами, то такой муравейник в короткие сроки прекратил бы свое существование как единый организм.¹³ То же самое происходит и с общественными системами, будь то государство или цивилизация. На ранних этапах жизненного цикла цивилизации подавляющее большинство подчиняется норме, согласно которой общественное выше личного, и способно принести свои интересы в жертву общественной пользе. На определенном этапе истории данного общества доли того и другого уравниваются. И, наконец, наступает время, когда личное начинает превалировать над общественным. Когда ценность личной свободы ставится во главу угла и становится идеологией всего общества, возникают центробежные силы и появляются предпосылки его распада. Когда совокупная мощность центробежных сил, направленных на разрушение системы, значительно превышает центростремительное движение, обеспечивающее ее единство, система, в нашем случае цивилизация, приходит к своему концу.

¹³ В трилогии Б. Вербера проводится прямая аналогия муравейника и человеческой цивилизации. Он допускает возможность пробуждения личности в муравьином сообществе. Отдельные его члены начинают рассуждать о целях и политике, формировать оппозицию властям, совершать революции и т. п. В результате муравейник уподобляется цивилизации, со всеми ее атрибутами: религией, культурой, наукой, техникой и т. д. Такой путь ставит муравьиное сообщество на грань исчезновения. Конечно, писатель-фантаст вправе допустить любой сценарий, но реальность существенно отличается от художественного вымысла — за многие миллионы лет своей эволюции, от эпохи динозавров и до нашего времени муравьи претерпели весьма незначительные изменения.

Приверженность объединяющим ценностям, таким как религия и общая культура, является топливом центристских сил, обеспечивающих монолитность цивилизации. Увеличение же удельного веса личных интересов ведет к усилению центробежных тенденций, подрывающих ее единство. Это не значит, что стремление к личной свободе является злом, а признание приоритета интересов всего общества однозначно есть добро. Присутствие того и другого является отличительной характеристикой человеческого общества и необходимым условием его развития.

Жизненный цикл цивилизации

Цивилизация является живой сущностью, объединяющей в себе духовный и материальный планы бытия. Тем не менее в своей характеристике жизненного цикла цивилизации я исхожу из понимания ее, прежде всего, как организма духовного. Поэтому считаю, что основным признаком перехода от одной фазы ее жизненного цикла к другой являются кардинальные изменения, происходящие с картиной мира — главным духовным содержанием, которое предопределяет специфику культуры и, соответственно, всех аспектов жизнедеятельности цивилизации.

Наиболее известные представители цивилизационного подхода, независимо от понимания природы цивилизаций, сходятся в том, что в процессе своего развития все они проходят определенные фазы. Шпенглер утверждал, что цивилизации являются живыми организмами, жизненный цикл которых включает три фазы: рождение, становление и умирание. Убежденный противник биологического подхода Тойнби полагал, что любая цивилизация проходит пять фаз: рождение, рост, расцвет, надлом и разложение. Для меня цивилизация это, несомненно, живой организм, и я принимаю предложенные фазы ее развития, но не могу согласиться со Шпенглером в том, что цивилизации появляются или возникают ниоткуда. Если цивилизации являются живыми сущностями, они рождаются и умирают, и это происходит не просто так — все имеет свою причину. Необходимым условием рождения любого живого существа является наличие порождающего его организма или родителя. Поэтому, принимая за основу представление Тойнби о жизненном цикле цивилизации,

считаю целесообразным добавить еще одну фазу, которая предшествует фазе рождения — фазу эмбрионального развития.¹⁴

Фаза 0. Эмбриональная фаза

Цивилизация не возникает на пустом месте. Монотеизм, бывший тайным учением древнеегипетских жрецов, стал основанием будущей иудейской цивилизации.¹⁵ В свою очередь, идеи и образ жизни, сходные с ранним христианством, мы находим в иудейском мире, в общине кумранских ессеев, которых в некоторых источниках называют протохристианами.¹⁶ Это говорит о том, что предпосылки духовных доктрин, которые в обоих случаях потрясли мир и привели к появлению новых цивилизаций, появились задолго до их рождения. На эмбриональной стадии новая духовность поддерживается небольшим кругом ее носителей в тайных общинах, которые не входят в открытое противостояние с существующей религиозной и светской властью. Она появляется, подобно зародышу в чреве матери, в недрах уже существующей общественной системы. Все это происходит, когда старая цивилизация начинает клониться к своему закату. В то же время она несет в себе прообраз новой картины мира, готовится к приходу мессии. Поэтому эпоху, предшествующую возникновению новой цивилизации, я называю нулевой, или эмбриональной фазой. Выделение этой фазы позволяет нам говорить о генетической связи цивилизаций.

Фаза 1. Рождение и становление

В отличие от периода эмбрионального развития, рождение цивилизации всегда связано с потрясением устоев, вызванным приходом мессии. В это время сталкиваются принципиально разные картины мира

¹⁴ По сути это та же фаза, которую А. Тойнби обсуждал, рассуждая о том, что есть «церковь-куколка». Однако он не обозначил ее как отдельную фазу жизненного цикла цивилизации.

¹⁵ На этом вопросе я остановлюсь дальше в главе «Тайна Древнего Египта».

¹⁶ Штоль Г., Пауэл Девис А. Пещеры и свитки Мертвого моря. М. : Вече, 2005; Бейджент М., Ли Р. Свитки мертвого моря. М. : ЭКСМО, 2005.

и морально-этические комплексы, актуализируется проблема добра и зла, происходит ценностная переориентация и поляризация общества — запускается или резко активизируется механизм развития. В условиях противоборства мировоззрений обостряются все накопившиеся противоречия, духовная жизнь общества получает мощный импульс, ускоряются процессы разрушения старой и становления новой культуры. Открытая манифестация новой духовной доктрины воспринимается как угроза сложившемуся миропорядку и ведет к преследованию ее приверженцев. Достаточно вспомнить историю жизни и смерти Иисуса Христа и гонения на христиан в Древнем Риме в первые века нашей эры. На этой фазе новая цивилизация существует все еще как чужеродное образование в теле объемлющей ее старой цивилизации. При этом она концентрируется на формировании своего духовного потенциала и прилагает максимум усилий, чтобы обрести легальный статус и как можно шире распространить свое влияние. Это происходит на фоне усиливающегося кризиса и распада старой цивилизации, ее религии и культуры. В индивидуальном сознании адептов новой картины мира ценность общих целей подавляет личные интересы. Именно поэтому в это время мы наблюдаем наиболее яркие примеры самоотдачи и жертвенности, о чем свидетельствуют многочисленные имена святых мучеников.

Фаза 2. Обретение власти

В истории христианской цивилизации этой фазе соответствует время, когда христианство получает статус официальной религии Римской империи. Новая картина мира утверждается как доминирующее духовное начало, формирующее свои институты в религиозной и светской жизни общества. Молодая цивилизация из гонимой превращается в гонителя — уничтожается религия и культура предшествующей цивилизации, разрушаются храмы, преследуются и физически истребляются носители старой картины мира. Хрестоматий-

ным примером искоренения античного мировоззрения и культуры является зверское убийство христианами Ипатии (415 г.) — самой известной женщины-философа Древнего мира. Еще варвары начали разрушать статуи и здания древних греков и римлян, но это были лишь отдельные эпизоды, несравнимые с тем планомерным и яростным уничтожением, которому подверглась «языческая» культура со стороны христиан. Моральные нормы, которых придерживались поклонники новой религии, иное представление о смысле жизни и о роли и месте в ней человека делали христиан принципиальными противниками античной культуры и искусства. В эдиктах 391 года император Феодосий запретил все языческие культы. Епископ Теофил велел уничтожить в Александрии древнейший храм Сераписа и все произведения искусства, находившиеся в нем. Епископ Мартин из Тура прославился уничтожением римских скульптур не только в Галлии, но и в Северной Африке, куда он выслал в 399 году отряд христиан для уничтожения храмов и статуй.¹⁷ Несмотря на то, что на этой фазе все еще продолжается борьба духовных доктрин новой и старой цивилизаций, объемлющей и доминирующей становится уже новая цивилизация. Старая со всей своей многовековой культурой и историей все больше сжимается и сдает свои позиции, вплоть до полного исчезновения.

Фаза 3. Пик духовности

Как любой живой организм, цивилизация в определенной точке достигает вершины своего развития. Эта точка не обязательно является высшей в развитии культуры, если под этим словом понимать максимально высокий уровень образованности и культурности всего

¹⁷ Гаев Г. И. Христианство и языческая культура. Вып. 16 [В сб.: «Атеистические чтения»]. М.: Издательство политической литературы, 1989, с. 24–32.

общества. Она также не совпадает с максимально высоким уровнем экономического и технологического развития. Более того, на этой ступени средний уровень образованности, как и уровень благосостояния масс, как правило, весьма низкий. Речь идет о пике духовности, об эпохе, когда официальная религия поддерживается практически всеми людьми, принадлежащими к данной цивилизации, независимо от степени их интеллектуального развития — времени, когда градус искренней веры, переходящей в массовый фанатизм, достигает своего апогея. В это время затихает противоборство разных духовных доктрин внутри цивилизации. Светская и религиозная власть консолидируются и выступают как единая сила в борьбе уже не столько с внутренними, сколько с внешними врагами — другими цивилизациями. В истории христианской цивилизации эта фаза охватывает период начиная с XI века до эпохи Возрождения. Это время крестовых походов в Палестину (1095–1290) и более поздних, проводившихся с целями обращения в христианство язычников Прибалтики и подавления еретических и антиклерикальных течений в Европе (катары, гуситы и др.). В рамках этой фазы религиозная власть берет верх над светской, вплоть до установления тотального контроля над жизнью всего общества. Имеет место эффект муравейника — безусловный приоритет общего над частным, интересов всего сообщества над интересами индивида. Именно в это время, когда совокупная мощность центростремительных сил, обеспечивающих монолитность цивилизации, является максимальной, возводятся самые грандиозные культовые постройки — в Древнем Египте это Великая пирамида, в христианском мире — великие готические соборы и т. п.

Фаза 4. Надлом.

На этой фазе появляются серьезные угрозы единству цивилизации — возникают конкурентные картины мира и, как следствие, появляется возможность выбора

между разными духовными полюсами. Новые духовные доктрины набирают силу и привлекают все больше сторонников. Несмотря на то, что сохраняется приоритет общего над частным, интересов общества над интересами индивида, ее отличительной чертой становится раскрепощение личности и обретение более высокой степени свободы воли. Речь идет не обо всем обществе, а о наиболее ярких его представителях, способных не только предложить свое видение мироустройства, отличное от общепринятого, но и привлечь к своим идеям наиболее образованную часть данного общества. В истории христианской цивилизации этой фазе соответствует эпоха Возрождения, когда господствующей картине мира противопоставляются сразу несколько духовных доктрин — собственно ренессансное, или гуманистическое мировоззрение, и весьма популярное в то время герметическое учение. Конечно же, это и пробивающиеся ростки естественно-научного знания, на основе которого формируется атеистическая картина мира. Все это воспринимается как угроза существующему миропорядку, как угроза цивилизации. Понятно, что в подобной ситуации цивилизация концентрирует все свои силы на борьбе с новыми угрозами. Именно эта эпоха становится временем самых жестоких репрессий по отношению к носителям иной духовности. Как пример можно привести возникновение ордена иезуитов и всплеск репрессий против еретиков.¹⁸ Кроме того, происходит раскол внутри господствующей религии, примером которого являются религиозные войны между католиками, протестантами и православными. Тем не менее центростремительные тенденции все еще преобладают над центробежными, т. е. силы, работающие на сохранение целостности цивилизации, значительно перевешивают силы, направленные на ее разрушение.

¹⁸ Лосев А. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М.: Мысль, 1998, с. 120–139.

Фаза 5. Спад.

Если до сих пор процесс эволюции цивилизации шел по восходящей, то на этой фазе уже появляются явные признаки нисходящего движения. Мы не говорим здесь о социально-культурном и экономическом упадке. Напротив, наблюдается экономический и технологический прогресс, обособливаются и получают официальное признание новые институты, такие как наука, образование, появляется независимое правосудие и система информации, идет борьба за экономические и демократические свободы. Несмотря на то, что цивилизация все еще находится в возрасте зрелости, когда она еще достаточно сильна, уже отчетливо проступают первые признаки старения. Прежде всего это проявляется во все большей толерантности по отношению к иным точкам зрения на природу мироздания, снижается градус нетерпимости к другим религиозным доктринам. В отличие от предыдущей фазы, новые духовные доктрины захватывают уже не отдельные, наиболее выдающиеся умы, и даже не группы элитарных оппозиционеров, а становятся привлекательными для значительной части общества, удельный вес которой все увеличивается. Имеется в виду та его часть, которую составляют люди, получившие достаточный уровень образования, чтобы перестать слепо следовать общепринятым догмам и формировать критическое отношение ко всему происходящему в этом мире. Сюда входят уже не только те, кто относится к верхушке общества, но и представители других социальных групп. Формируется средний класс. Все меньше людей готовы принести в жертву свои личные интересы ради интересов общества. Появляются равно мощные картины мира, которые ставят под сомнение абсолютную истину официальной религиозной доктрины. Понятно, что эти процессы обуславливают сокращение общего количества приверженцев формирующейся религии, что соответственно ослабляет духовное единство цивилизации. Это уже не муравейник, в котором каждая особь слепо выполняет жестко

заданную функцию. В таком обществе открыто действуют не только центростремительные силы, но и противоположные центробежные, объективно стремящиеся разрушить его единство. Однако на этой фазе они еще недостаточно сильны — речь идет только о явно выраженной тенденции.

Фаза 6. Старость и распад.

В определенной точке жизненного цикла цивилизации возникает паритет между ее господствующей религией и новой доктриной, в основе своей имеющей принципиально иную картину мира. Изучение основ базовой религии перестает играть важную роль в обучении и воспитании новых поколений. Это, естественно, становится одной из главных причин, обуславливающей неуклонный рост сторонников новой картины мира. Прежняя картина мира перестает выполнять роль духовного ядра и обеспечивать единство цивилизации. Границы ее размываются, внутри нее образуются цивилизационные анклавы — новые духовные центры, объединяющие не только своих традиционных приверженцев, но притягивающие все большее количество людей, ранее относящих себя к стареющей цивилизации. Динамика процесса разрушения традиционного мировоззрения все нарастает, но этот процесс может быть весьма длительным и занимать несколько столетий.

Другой важной причиной старения и распада цивилизации является рост количества людей, способных в силу тех или иных причин самостоятельно делать выбор в пользу той или иной религии, той или иной картины мира. Ценность личной свободы становится выше традиционных ценностей всего общества. Продолжая сравнение с муравейником, можно сказать, что когда в нем не останется муравьев, работающих на всеобщее благо, и каждый муравей станет настолько свободным, что сможет сам решать во что ему верить и во что не верить, работать ли ему ради выживания всего сообщества или только ради своих личных интересов, муравейник

как единый организм прекратит свое существование. С цивилизацией по сути происходит то же самое — ее старение начинается тогда, когда главная религия и, соответственно, картина мира перестают поддерживаться большинством данного общества. Поэтому христианская цивилизация исчезнет с последним христианином, мусульманская — с последним мусульманином и т. д. Для того, чтобы убить цивилизацию, не надо физически уничтожать всех христиан или мусульман — достаточно уничтожить механизмы воспроизводства ее картины мира, главнейшим из которых является институт религии. Гибель цивилизации автоматически не означает уничтожение ее культуры. Как мы знаем, давно уже нет цивилизаций Древней Греции и Древнего Рима, однако их культура проросла в последующие цивилизации — трудно представить наш мир без древнегреческой философии и театра, без римского права и архитектуры и т. п. Цивилизации это великие организмы, которые рождаются и умирают, но порожденная ими культура будет жить столько, сколько будет существовать человечество, но уже в рамках других цивилизаций.

* * *

В следующих главах на материале истории Древнего Египта и древних иудеев мы проследим связи между цивилизациями, которые я называю генетическими. Мы еще раз убедимся в том, что цивилизации возникают не случайно, независимо друг от друга, как утверждал Шпенглер, а также в том, что Тойнби зря отказался от своей теории «церкви-куколки», тем самым закрыв себе путь к пониманию логики исторического процесса.

Глава V ТАЙНА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Чем чище и совершеннее знание,
тем ближе оно к первичному
знанию человечества.

Гершом Шолем

Возраст цивилизации

Возраст Древнего Египта до сих пор является предметом споров не только египтологов, но и других ученых, интересующихся этой проблематикой. Чаще всего историю этой цивилизации отсчитывают от времени первой династии — приблизительно около трех тысяч лет до н. э. В ряде случаев, когда во внимание принимается додинастический период, ее возникновение относят к пятому тысячелетию до н. э. Но есть и другие точки зрения, предполагающие, что эта цивилизация начинается значительно раньше — 10 или даже 70 тысяч лет до н. э. Все многообразие мнений можно свести к двум подходам. Первый утверждает, что древнеегипетская культура появилась 3–4 тысячи лет до н. э. в процессе эволюции местных сообществ эпохи

бронзо-каменного века (энеолита).¹ При этом история древнеегипетской цивилизации начинается с династического периода. Те, кто разделяет эту точку зрения, а это, как правило, представители официальной египтологии, исходят из убеждения, что любое общество в силу внутренних закономерностей на определенном этапе своей эволюции становится цивилизацией. Второй подход объединяет различные концепции, которые предполагают, что цивилизация Древнего Египта зародилась значительно раньше в результате внешнего воздействия со стороны еще более древних цивилизаций, которые колонизировали местные примитивные или, как я их называю, застывшие культуры и запустили на их территории механизмы развития. По подсчетам Геродота возраст этой цивилизации составляет более 13 тысяч лет, Платон полагал, что она появилась 10 тысяч лет назад (от его времени) в результате экспансии атлантов в Северной Африке. Сюда же относятся гипотезы о возможном инопланетном происхождении египетской цивилизации. К этому подходу я причисляю и концепции, которые, опираясь на современные методы естественных наук, астрономии, геофизики и др., полагают, что Великая Пирамида и Большой Сфинкс значительно старше, чем принято считать, и следовательно, старше и создавшая их цивилизация (Р. Бьюэл, Э. Джилберт, Г. Хэнкок, Р. Шох и др.) Надо отметить, что и среди профессиональных египтологов нет согласия в этом вопросе. Если мы сравним хронологии, предложенные разными учеными, то увидим весьма серьезные расхождения в датировке важнейших событий. Так, например, У. Бадж относит эпоху фараона Хеопса (Хуфу), построившего Великую пирамиду, к XXXVIII веку до н. э., а такие известные египтологи, как Д. Брестед и Б. Тураев считают, что он царствовал в XXVI веке до н. э. Как мы видим, разница весьма существенная — около 1200 лет. Еще большую разницу в датировке этой же эпохи мы находим у египтологов XIX столетия, в частности Шампольона и Лепсиуса. Здесь она составляет почти 2000 лет.

Такие серьезные разногласия можно объяснить тем, что египтологи, как правило, не различали и не различают по сей

день такие понятия, как «культура», «государство» и «цивилизация». Во многих случаях, рассуждая о древнеегипетской цивилизации, они на самом деле говорят о разных вещах. Для того, чтобы отдать предпочтение тому или иному подходу, нужно как минимум определиться с тем, что мы понимаем под цивилизацией. Как я уже говорил, для меня цивилизация начинается тогда, когда общество из состояния покоя переходит к состоянию развития. Это такое общество, которое уже не просто существует вне времени, а которое осознает себя как целое, отслеживает все, что с ним происходит, рефлексировать или анализирует само себя. Признаками цивилизации выступает все то, что позволяет отмечать происходящие в данном обществе изменения. Это возникновение представлений о времени и средствах его измерения, появление письма, позволяющего закреплять в культуре и передавать потомкам информацию об этих изменениях, а также появление истории, связывающей их во временной последовательности. В ряде источников указывается на то, что самые ранние из дошедших до нас древнеегипетских текстов относятся к рубежу четвертого и третьего тысячелетия до н. э., в других возникновение письменности относится к середине четвертого тысячелетия до н. э. Эти даты определяются на основе археологических находок. Значит ли это, что письмо появляется одновременно с известными нам артефактами? Формирование письменности — процесс весьма длительный, который начинается задолго до того, когда могли появиться самые старые из дошедших до нашего времени свидетельств ее существования. Как установленный факт также преподносится и то, что календарь, с годом, равным 365 дням, был введен в Египте в 4251 году до н. э., т. е. задолго до первого династического периода — эпохи, которая в официальной египтологии считается началом цивилизации. Понятно, что и календарь не появился в один момент. Возможно ли, что люди, создавшие такой календарь, принадлежали к культуре, не знавшей письменности? От появления письма до осознания потребности в измерении времени и создания столь точного календаря должен был пройти немалый срок. С этим согласны Д. Брестед и Б. Тураев, которые полагают, что вычисления, необходимые при составлении и пользовании календарем, указывают на употребле-

¹ Египетский энеолит — время разложения первобытно-общинных отношений (4600–3000 лет до н. э.).

ние письма в последние столетия пятого тысячелетия до н. э.² С моей точки зрения, мы видим здесь явное противоречие между предполагаемым временем возникновения древнеегипетской цивилизации — четвертого–пятого тысячелетия до н. э. и утверждением, согласно которому создание календаря и формирование письменности относятся к этой же эпохе. Такие вещи, как письменность, история и государственность свидетельствуют о происходящих в обществе процессах развития и, в силу этого, являются не причиной, а следствием возникновения цивилизации. То и другое могло появиться только при условии существования цивилизации уже на достаточно высокой ступени ее развития. Я допускаю, что до древнеегипетской могла существовать другая цивилизация, культура которой стала ее базисом, но полностью исключаю возможность появления этих феноменов в рамках примитивной культуры позднего неолита.

Как отмечалось ранее, представители второго подхода относят время возникновения цивилизации Древнего Египта еще дальше — между 7000 и 15 000 лет до н. э. Такая хронология вызывает резкую критику и обвинения в дилетантизме со стороны официальной египтологии. Действительно, более ранние даты ее возникновения сегодня не подтверждены археологическими данными. В то же время сами профессиональные египтологи, отмечая наличие письменности и создание календаря, указывают на серьезные изменения, происходящие в жизни древнеегипетского общества в преддинастическую эпоху (5500–3100 лет до н. э.). Тем самым они подтверждают, что Древний Египет в те времена уже перешел в фазу своего цивилизационного развития. Мы не знаем, как и когда возникла эта цивилизация, но мы знаем, что она подошла к своему концу, войдя в состав Римской империи (первая половина первого века до нашей эры), и окончательно прекратила свое существование в конце IV века н. э., когда империя распалась. Даже если мы примем вполне умеренную точку зрения, исходящую из того, что она началась около пяти тысяч лет до нашей эры, то ее возраст превышает время жизни мино-

йской, крито-микенской, древнегреческой, римской и христианской (до нашего времени) цивилизаций, вместе взятых. Это говорит о том, что Древний Египет был самой долгоживущей из всех известных нам цивилизаций. Так ли это?

Можно ли утверждать, что общества, существовавшие на территории Египта в додинастический и династический периоды, принадлежали одной цивилизации? Аналогичный вопрос до сих пор актуален и в отношении Эгейского региона. До сих пор историки не имеют ясного ответа на вопрос, можно ли относить минойцев, микенцев и греков к общей цивилизации. В одних случаях эти общества называются культурами, в других рассматриваются как разные цивилизации, а в третьих упоминаются как исторические периоды развития одной объемлющей их цивилизации. С одной стороны, все они интенсивно развивались, что позволяет говорить о них как о цивилизациях. С другой — минойцы, микенцы и греки говорили на разных языках и имели существенные культурные отличия.³ Однако, как уже отмечалось, это еще не является основанием, чтобы относить их к разным цивилизациям. Особенно важно подчеркнуть, что эти общества имели различные представления о мироздании и, соответственно, — разные религии. Если это так, а это подтверждено археологическими данными, тогда есть все основания полагать, что это были разные цивилизации. Может быть, и история Древнего Египта является историей не одной, а нескольких цивилизаций?

Что дает нам возможность объединять множество поколений, живших на протяжении пяти тысяч (а возможно, и более) лет, рамками общей цивилизации? Я разделяю точку зрения, которая исходит из того, что цивилизации не возникают эволюционным путем, а появляются в результате внешнего воздействия на уже существующие общества. Трудно спорить с тем, что иудейская цивилизация началась от Пятикнижия Моисея, христианская возникла с приходом Иисуса Христа, буддистская с появлением Будды, а мусульманская берет свое начало от учения пророка Мухаммеда. Все эти мессии принесли в мир свои учения,

² Брестед Дж., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. 1. Минск : Харвест, 2002, с. 36.

³ Считается, что язык кипро-минойского письма имеет мало общего с языками Крита, так как это письмо было заимствовано у совершенно иной, неродственной культуры.

которые и стали отправными точками будущих цивилизаций. Является ли Древний Египет исключением? Мы уже говорили, что, согласно египетской мифологии, роль месии здесь отводится Тоту-Гермесу, который почитался как обожествленный царь Египта. Можно спорить о том, какое имя носил основатель древнеегипетской цивилизации, но то, что она должна была иметь своего мессию, в рамках моей логической схемы сомнению не подлежит. Начало древнеегипетской цивилизации, как и всех других, следует рассматривать как время появления новой картины мира, время создания новой религии, оказавшей революционное воздействие на развитие данного общества. Религия является духовным центром цивилизации и главным фактором ее идентичности. Поэтому конец цивилизации это не экономический коллапс, а время исчезновения ее главной религии. Именно религия является тем важнейшим началом, тем социальным клеем, который обеспечивает целостность цивилизации и удерживает ее от распада на протяжении тысячелетий.

Можно говорить на разных языках и относиться при этом к одной цивилизации, но люди, исповедующие разные религии, не могут принадлежать одной цивилизации, даже если они родились в одной стране и живут по соседству. Очевидно, что представления об устройстве мироздания и, соответственно, религия Древнего Египта — цивилизации с высокой культурой и отлаженным механизмом централизованной власти, — не могли быть подобны примитивным культам народов позднего неолита, живших на этой территории с незапамятных времен. Основу религии Древнего Египта должны были составлять представления о мироустройстве, принципиально отличные от тех, которые могли быть у людей эпохи бронзо-каменного века. Как известно, египетский пантеон включал в себя множество богов, что сближало его с верованиями примитивных культур. Тем не менее только эта цивилизация совершила стремительный рывок в своем развитии, в то время как другие африканские культуры, существуя параллельно с египетской цивилизацией, оставались практически в неизменном состоянии на протяжении тысячелетий, а некоторые из них — вплоть до наших дней.

Что же позволяет четко отделить древнеегипетскую религию от предшествующих неолитических верований? Какие ее особенности предопределили радикальную трансформацию всего

общества и культуры, позволили обществу перейти из состояния вневременного покоя в состояние развития, оказали огромное влияние на последующую историю всего человечества? Без ответа на эти вопросы мы не сможем сформировать наше представление о возрасте древнеегипетской цивилизации.

Религия

Если египетский родник единобожия кажется нам нечистым, то одно можно сказать: более чистого не было нигде, ни даже в Израиле.

Д. Мережковский

Политеизм или монотеизм?

Если вы спросите своих знакомых, какая религия была в Древнем Египте, практически все ответят, что это, конечно, политеизм или язычество. И это не удивительно, так как эту мысль нам внушают со школьных лет. Однако, как оказалось, ответ на этот вопрос не столь однозначен. О том, что есть и другое понимание древнеегипетской религии, согласно которому она наряду с многобожием включала в себя и монотеистические представления, я впервые узнал из книги Дмитрия Мережковского «Тайна трех. Египет и Вавилон». Тогда это было для меня настоящим откровением. По мере освоения исторического материала я все больше утверждался в мысли о том, что вера в Единого Бога была не просто одной из множества религий, но имела особое значение в формировании и развитии древнеегипетской цивилизации. Монотеистические верования были во всех важнейших религиозных центрах Древнего Египта. В Гелиополе, возникшем еще в додинастический период, это был культ Ра, верховного бога, упоминание о котором мы находим в «Книге мертвых»: «Я единственный ... Я есть Ра, который встал в начале. Я великий бог, создавший сам себя».⁴ Главным богом Фив, столицы Египта в эпоху среднего царства (XXI–XIV века до н. э.), был Амон. Он также считался единственным, который

⁴ Древнеегипетская Книга Мертвых. Слово устремленного к свету. Глава XVII. М. : ЭКСМО, 2003.

сотворил живое, все сущее на земле, из глаз которого появились люди, из уст которого произошли боги. Речь здесь идет не просто о главном боге, который создал всех остальных богов, но о боге, который имеет принципиально иную природу. Это невидимая, духовная сущность, «великая живая душа», «сокровенная душа». «Его нельзя изобразить в камне фигурами (...) Его нельзя увидеть. Ему нельзя служить (...) Где он, никто не знает. Ни одна обитель не может вместить его. Нет никого, кто указал бы путь к его сердцу». Жрецы Мемфиса, первой столицы объединенного Египта, возносили свои молитвы богу Пта (около 3000 до н. э.), который почитался как отец всех остальных богов и творец мира. В своих гимнах они обращались к нему как к великому предвечному богу, чей облик скрыт, к тому, кто создал людей, указал им то, как следует жить, к тому, кто сотворил богов.

У. Бадж отмечает, что бог-дух Пта был единственным, бог Ра был единственным, и Амон, который, по утверждению своих жрецов, был и духом, и материей, тоже был единственным. Такую точку зрения разделяет и Коростовцев, который считает, что особенно наглядно отождествление трех богов проявляется после переворота Эхнатона. Он ссылается на знаменитый лейденский гимн Амону, в котором содержатся следующие слова: «Трое (богов — М.К.) суть все боги — Амон, Ра, Пта. Нет у них равных. Невидимый Амон есть Ра лицом и телом».⁵ Итак, Единый Бог в трех лицах. Можно предположить, что эти три бога являлись образами (или ипостасями) одного и того же невидимого Единого Творца. Особо следует подчеркнуть, что в отличие от множества других вполне материальных египетских божеств, эти боги имели природу духовную. К такому заключению пришел еще в XIX веке Карл Рихард Лепсиус, которого называют отцом современной египтологии. Его поддерживал и другой известный египтолог — Генрих Карл Бругш. Он был убежден в том, что египетские богословы развивали мысль о духовной природе их великого бога и называли его «божественным первичным ду-

⁵ Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. СПб.: Нева, 2000, с. 146.

хом». Из надписи Шабак (камень Шабак)⁶, мы знаем, что Пта не может идентифицироваться с Ра, а наоборот, его следует рассматривать как духовное существо, и в качестве такового в учении мемфитов он занимает место выше Ра. Указывая на то, что эта надпись является самым важным из всех доселе обнаруженных египетских религиозных текстов, У. Бадж считал, что она раз и навсегда устраняет из религии древних египтян «позор» грубого материализма. Вероучения жрецов Мемфиса эпохи Древнего царства имели характер духа и мысли.⁷ Не вызывает сомнения, что такое представление свидетельствует о монотеистической составляющей в древнеегипетской религии. Коростовцев так же отмечает, что жрецы имели основание дорожить этим документом, доказывавшим верховенство и единство их бога. По его мнению, отсюда недалеко и до христианской догматики.⁸

В наши дни практически нет серьезных египтологов, которые полностью отрицают древнеегипетский монотеизм. Тем не менее в их среде нет единства в ответе на этот вопрос, как и на вопрос о возрасте Древнего Египта. Эти разногласия мы наблюдаем на всем протяжении существования египтологии. Можно выделить два противоборствующие направления. В рамках первого крайнюю точку зрения высказывает словацко-чешский писатель и историк В. Замаровский, который полагает, что египетская религия с самого начала и до конца была глубоко политеистической.⁹ Такие известные египтологи, как Д. Брестед, Б. Тураев, М. Коростовцев и другие не исключают полностью монотеистическое начало, но настаивают на том, что оно было незначительным и не оказало серьезного воздействия на религию древних египтян. Признавая, что египетская религия существовала в двух формах, как высокая теология и народные верования, они исходят из того, что суть религии определяют народные верования,

⁶ Шабак — египетский фараон, правивший приблизительно в первой четверти VIII века до н. э.

⁷ Бадж У. Древний Египет: духи, идолы, боги. М.: Центрполиграф, 2009, с. 21–24.

⁸ Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000, с. 275.

⁹ Замаровский В. Их величества пирамиды. М.: Наука, 1986, с. 167.

которые лежат в основе теологии. По их мнению, представление о тайной мудрости и тайной науке жрецов является явным преувеличением, а следовательно, при обсуждении древнеегипетской религии главное внимание должно уделяться религии народа, которой, безусловно, являлось многобожие.¹⁰

Как полагали Брестед и Тураев, многовековое пребывание в окружении монотонного ландшафта ограничивало воображение египтян, интеллектуальный потенциал которых, как и духовность всего египетского общества, даже в свои лучшие времена был несравнимо ниже греческого.¹¹ Исходя из этого, делается вывод о том, что монотеистические представления не могли получить свое развитие на ранних фазах истории Древнего Египта. Такое утверждение противоречит известным фактам, подтверждающим животворное влияние египетской мудрости на развитие греческой философии. Египетские жрецы не заимствовали знания у греков, а наоборот самые знаменитые философы, такие как Пифагор и Платон, ездили в Египет и жили там долгие годы, чтобы постичь его тайную мудрость. Только там они могли получить представления, которые легли в основу их учений о высшем Божестве, духовном мире и бессмертии духа. Считается, что основоположник греческой философии Фалес Милетский и афинский политик и законодатель Солон, которые входили в список «семи мудрецов», заложивших основы греческой культуры и государственности, также учились у египетских жрецов. Сведения об этом мы находим у Платона и Плутарха.

По мнению М. Коростовцева, предпосылки к возникновению монотеизма создаются в недрах египетского политеизма на довольно раннем этапе (около 2200–2000 лет до н. э.). При этом подчеркивается, что речь идет не просто о верховном боге-демиурге, который создал все, в том числе и всех остальных богов, но, что особенно важно, о невидимом боге, имеющем чисто духовную природу. Но дальше в том же труде он утверждает, что единого

бога Египет обрел только на короткий срок уже на достаточно позднем этапе своего исторического развития, в эпоху фараона Аменхотепа IV (Эхнатона), в XIV веке до н. э., и что учение о едином боге в Египте окончательно так и не оформилось.¹² Это явно противоречит тому, что, как пишет сам автор, во всех главных религиозных центрах с древнейших времен поклонялись невидимому Единому Богу.

Все египтологи, которых я отношу к первому направлению, в своих рассуждениях исходят из того, что развитие общества идет от простого к сложному и всегда имеет прогрессивный характер, подобно тому, как это происходит в природе, согласно теории эволюции Дарвина. Следуя этой логике, получается, что более сложные монотеистические представления возникают в процессе эволюции примитивных верований на поздних этапах исторического развития того или иного общества. Однако при таком подходе невозможно объяснить факты существования монотеистических представлений в Египте за две-три тысячи лет до н. э., а может быть, и раньше, которые приводятся в трудах этих же египтологов. Также невозможно объяснить и то, что одни народы пришли к идее Единого Бога, а верования других, не менее древних народов, практически не изменились вплоть до нашего времени. В этой связи Мережковский писал: «Внезапность Египта колеблет все наши понятия о постепенном развитии, так называемой эволюции человечества. По этим понятиям, мрак позади, впереди — свет, и человечество движется от мрака к свету; но вот движение Египта обратное: от какого-то великого света; и чем дальше назад, тем ярче свет, как будто самый источник его позади».¹³

Принципиально иной взгляд мы находим у представителей другого направления, которые убеждены в том, что монотеизм всегда был важной составляющей религии Древнего Египта и уходит своими корнями в самое давнее прошлое. Такое видение мы обнаруживаем как на раннем этапе развития египтологии, так и у выдающихся ученых нашего времени.

¹⁰ Иллюстрированная история религий / Авт.-сост. Шантепи де ля Соссей. М.: ЭКСМО, 2008, с. 64.

¹¹ Брестед Дж., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. I. Минск, 2002, с. 54, 109–110.

¹² Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000, с. 274.

¹³ Мережковский Д. Тайна трех. Египет-Вавилон. М.: ЭКСМО, 2001, с. 169.

Жан-Франсуа Шампольон — основатель египтологии, благодаря которому стало возможным чтение египетских иероглифов и дальнейшее развитие египтологии как науки, считал египетскую религию «чистым монотеизмом, который внешне проявлял себя как символический политеизм».

Эммануэль де Руже — великий пионер египтологии, хранитель Египетской коллекции Лувра полагал, что египтяне верили в одного самосущего высшего вечного всемогущего бога, создавшего мир и все, что в нем, и наделившего человека бессмертной душой, способной принимать наказания и награды.

Генрих Карл Бругш — директор школы египтологии в Каире, в своем труде о религии и мифологии древних египтян выразил убеждение, что с древнейших времен обитатели долины Нила поклонялись безымянному, малопонятному и вечному богу.

Уоллис Бадж — хранитель египетских и ассирийских ценностей в Британском музее, писал: «Изучая древнеегипетские религиозные тексты, читатель может убедиться, что египтяне верили в Единого Бога, самосущего, бессмертного, невидимого, вечно-го, всезнающего, всемогущего, непостижимого (...) Именно эту часть их воззрений следует признать основополагающей (...) ибо на ней базировались его религия и теология в целом. Надо также отметить, что, как бы далеко в прошлое мы ни углублялись при изучении египетских текстов, вряд ли мы когда-нибудь дойдем до той эпохи, когда этого замечательного верования не существовало (...) Нет сомнений в том, что с самых древних времен одной из важнейших тенденций египетской религии была направленность к монотеизму. Это стремление прослеживается во всех значительных текстах, вплоть до самых поздних».¹⁴

Интересно, что представители обоих направлений ссылаются на одни и те же источники, но при всем этом приходят к прямо противоположным выводам — одни настаивают на политеизме древнеегипетской религии, другие полагают, что ее главным содержанием был монотеизм, который существовал параллельно с политеизмом. Кто же прав в этом затянувшемся противостоянии?

¹⁴ Бадж У. Египетская религия. Представления египтян о загробной жизни. М.: Алетея, 2000, с. 5–10.

В рассуждениях египтологов, считающих монотеизм эволюционным продолжением политеизма, явно нарушена причинно-следственная связь, сама логика исторического процесса. Монотеистические представления, как мы уже говорили, не могут генетически вытекать из язычества, поскольку идея невидимого абстрактного бога-духа требует значительно более высокого уровня развития мышления, чем тот, который мог быть у основной массы египетского народа. Если происхождение политеизма мы еще можем объяснить эволюцией верований примитивных культур, то убедительного ответа на вопрос, откуда взялся монотеизм на заре древнеегипетской цивилизации, ученый мир до сих пор не имеет. С моей точки зрения, политеизм и монотеизм — принципиально разные представления о мироздании, — возникают из разных источников. Многобожие было присуще всем примитивным культурам с их анимистическими верованиями¹⁵, которые существовали в Северной Африке задолго до Древнего Египта. Однако, как известно, ни одна из них не смогла трансформироваться в развивающееся общество, т. е. стать цивилизацией. Политеизм с его божественной иерархией, несомненно, является более высокой ступенью развития религиозного сознания, но маловероятно, чтобы только на его основе могла возникнуть египетская цивилизация, уникальность которой подтверждается ее стабильностью и долголетием. Известно, что политеизм был духовной основой Древней Греции и Древнего Рима. Но, как уже отмечалось, возраст всей античной цивилизации был как минимум вдвое меньше, чем время жизни Древнего Египта. Что же могло быть основой этой уникальной цивилизации?

Как уже отмечалось, ядром цивилизации является ее духовное содержание. Исходя из этого утверждения, логично предположить, что такой основой стало появление принципиально новой картины мира и новой религии, обладающей значительно более мощным духовным потенциалом, чем все остальные духовные доктрины, которые могли существовать в ту эпоху. Хотя нам не известно точное время зарождения древнеегипетского монотеизма,

¹⁵ Анимизм — вера в одушевленность природы, мировоззрение, согласно которому не только люди, но и все другие существа и неживые предметы (горы, реки и т. д.) обладают духовной сущностью.

мы знаем, что вера во всемогущего Единого Бога, который сотворил мир земной и мир небесный, и который, в отличие от всех других богов, имел чисто духовную природу, возникла уже на ранних ступенях истории этой цивилизации. Можно предположить, что в те времена именно монотеистические представления взорвали духовную жизнь общества и перевели ее на качественно более высокий уровень, стали главным условием революционных изменений, в результате которых возникла эта великая и таинственная цивилизация. В то же время подавляющая часть населения, в силу своей необразованности и приверженности своим богам, которые, по представлениям этих людей, могли жить в их городе, селении и даже в доме, просто были не способны принять идею единого, абстрактного бога, которого нельзя было увидеть, который был везде и нигде. Понимание бога как чистого духа было доступным только образованным людям, и то не всем, а только тем, кто принадлежал к верхним слоям этого общества. Это признают многие известные египтологи, в том числе О. Мариетт, Г. Масперо и Э. Мейер, которые считали, что народные верования необходимо отделить от теологии. С ними согласен и философ-мистик Мэнли П. Холл, который писал: «Для посвященного, несомненно, знания о боге были абстрактны, бог был скрыт в непознаваемых глубинах своей сущности. Но для менее тонко-чувствующих людей были представлены бесконечные скульптурные образы божеств на стенах храмов для поклонения им».¹⁶

Однако это еще не значит, что религией элиты был монотеизм в чистом виде, а религией всего остального народа — политеизм. Можно сказать, что религия Древнего Египта совмещала в себе две картины мира. Представление о мироздании посвященных в египетские мистерии, принадлежащих к верхней части социальной пирамиды, включало в себя единого вечного Бога-Творца, но оно также охватывало и все множество сотворенных богов. Я бы рискнул провести здесь параллель с христианством, которое, наряду с Творцом всего сущего, допускает существование множества сотворенных им духовных существ, таких как серафимы, херувимы, архангелы, ангелы, а также включает в себя культы

¹⁶ Холл Мэнли П. Ступени посвящения. М.: СФЕРА, 2003, с. 21.

многочисленных святых. Представления же простых египтян, находящихся в нижней части этой пирамиды, замыкались рамками более тесной картины мира, ограниченной только сотворенными божествами. Надо сказать, что обычные люди поклонялись и таким богам, как Пта, Ра и Амон. Для них эти боги могли занимать главенствующую ступень в божественной иерархии, но так же, как Зевс у греков, они имели ту же природу, что и остальные небожители. Поэтому для отдельных групп населения основным объектом поклонения были не эти боги, а те, которым молились их предки. Именно этим можно объяснить великое множество богов в пантеоне Древнего Египта. Их боги, как и люди, рождались и умирали, любили и ненавидели, помогали и соперничали друг с другом. В своих проявлениях они были похожи на обычных смертных, поэтому природа этих богов была им близка и понятна.

Важно подчеркнуть, что вера в Единого Бога не вытеснила многобожие, обе картины мира сосуществовали параллельно как составляющие религии Древнего Египта на всем протяжении его истории. И опять я должен отдать дань гению Д. Мережковского, который не был профессиональным египтологом, но который, на мой взгляд, чувствовал и понимал Древний Египет, его культуру и религию гораздо тоньше, чем многие историки: «Все еще спорят, существует ли в Египте единобожие, верит ли Египет во многих богов или в Единого. Станный спор! Конечно, во многих богов и, конечно, в Единого».¹⁷

Религия — государственная служба

В Египте жречество дисциплинировало
царскую власть и всегда управляло народом.

Э. Шюре

Велика ли была степень воздействия монотеистических представлений на развитие древнеегипетской цивилизации? Если да, то каким образом осуществлялось это воздействие, была ли там государственная религия и в какой форме она существовала? Подойти к ответу на эти вопросы можно, сравнив Древний Египет с другими великими цивилизациями — древнегреческой

¹⁷ Мережковский Д. Тайна трех. Египет-Вавилон. М., 2001, с. 223.

и древнеримской, которые существовали параллельно во времени и в пространстве (бассейн Средиземного моря), но которые принципиально от него отличались.

Наиболее наглядным отличием является возраст этих цивилизаций. Согласно принятой хронологии, возраст Древней Греции — около десяти веков (IX век до н. э. — I век до н. э.), Древнего Рима — около четырнадцати веков (IX век до н. э. — V век н. э.), возраст Древнего Египта — 4–5 тысяч лет. Что было между ними общего и каковы были принципиальные отличия, которые обусловили столь большую разницу в длительности их жизненных циклов? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны абстрагироваться от всего множества исторических фактов и сосредоточить внимание только на том, что оказывает решающее воздействие на эволюцию цивилизации, на тех факторах, от которых зависит соотношение центростремительных сил, обеспечивающих единство цивилизации, и противоположных им центробежных сил. Это в первую очередь религия, формы государственной власти и их взаимоотношение.

Как мы знаем, общим духовным началом этих цивилизаций был политеизм. Многочисленные небожители были связаны между собой сложными отношениями, которые далеко не всегда были дружественными и миролюбивыми. Бессмертные боги постоянно вели борьбу за власть в мире небесном, и это отражалось в виде конфликтов и войн между их приверженцами в мире земном. Это прекрасно показано в «Иллиаде» Гомера, где многие земные события вызываются и направляются богами. Ахейцам покровительствуют Афина Паллада, Гера и Посейдон, троянцам — Аполлон, Арес и Афродита. Логично предположить, что чем больше конкурирующих богов, тем больше количество вероятных противоречий между их приверженцами. Религиозные распри и войны оказывали и оказывают деструктивное воздействие на любое сообщество, ослабляют его и делают уязвимее для внешних врагов. Понятно, что все это усиливало центробежные тенденции и не способствовало единству, что подтверждается всей историей античной цивилизации. Особенно наглядно это проявилось в Древней Греции, которая на значительном этапе своей истории представляла собой конгломерат полисов — городов-государств, нередко враждовавших друг с другом.

Многобожие, усиленное децентрализованной организацией власти и характерными для греческого общества демократическими тенденциями, было одним из основных факторов, которые обусловили относительно короткий срок жизни этой цивилизации.

Принципиальным отличием римской цивилизации является стремление к централизации власти, апогеем чего стало создание империи — единственного государства в истории, которое охватывало все побережье Средиземного моря. В то же время римская религия, так же как и греческая, не имела единой организации и учения, здесь не было ортодоксальной жесткости и допускались культы различных божеств. Ситуация усугублялась еще и тем, что в состав империи входили многие государства и народы со своими собственными богами и традициями. Несмотря на это, возраст Древнего Рима значительно превышает возраст греческой цивилизации. Это стало возможным, главным образом, благодаря сильной государственной власти, которой удавалось сдерживать центробежные тенденции. Можно предположить, что форма государственной власти сама по себе является важным фактором, влияющим на продолжительность жизненного цикла цивилизации. Тем не менее вся мощь Римской империи — величайшего государства древности, — не смогла предотвратить упадок и гибель античной цивилизации. Уже император Константин понимал, что многобожие, являющееся источником противоречий между многочисленными культами, не может дальше быть опорой власти. Он полагал, что альтернативой многобожию может стать получивший к этому времени широкое распространение христианский монотеизм. Именно в нем он видел духовную силу, способную консолидировать распадающуюся империю. Как мы знаем, единство империи сохранить не удалось, но возникла новая христианская цивилизация, которая, несмотря на все внутренние противоречия и социальные катаклизмы, существует уже более двух тысяч лет. Возраст ее на сегодняшний день намного превышает время существования Древнего Рима. Это наводит на мысль о том, что **долголетие цивилизации в первую очередь зависит от ее духовной основы — чем мощнее верховный Бог-Творец, тем крепче связи, объединяющие верующих в него людей.**

В отличие от римской цивилизации, границы которой совпадали с границами империи, христианская цивилизация формировалась по иному принципу. Она охватывала множество непрочных и недолговечных варварских государств, появившихся на развалинах империи. Начало христианства можно уподобить полисному периоду древнегреческой цивилизации. В то же время уже на ранних стадиях здесь проявляется ярко выраженное стремление к духовному единству. Это стремление к созданию вселенской церкви позднее выразилось в возникновении папства — надгосударственной структуры религиозной власти. «Церковь становится самостоятельным институтом и выступает как значимая политическая сила, опирающаяся на крупные движимые и недвижимые богатства. Политика церкви становится частью государственной политики, и интересы церкви и государства отныне чаще совпадают, чем расходятся».¹⁸ Выступив как объединяющая сила, христианская церковь как бы компенсировала ту функцию, которую в Древнем Риме выполняла императорская власть. Все это подводит к мысли о том, что *централизованная власть в сочетании с монотеистической религией являются той силой, которая потенциально способна обеспечить наибольшую стабильность и тем самым продлить срок жизни цивилизации.*

Вернемся в Египет. На первый взгляд, здесь были условия, сходные с Древним Римом — это политеизм, который был религией основной части населения, в сочетании с сильной государственной властью. Многобожие было распространено на всей территории Египта во все времена его существования, богов и божеств было так много, что их количество до сих пор точно не установлено. Казалось, это могло бы стать питательной средой для многочисленных противоречий и конфликтов. Тем не менее это была самая миролюбивая цивилизация. По аналогии с Древним Римом можно допустить, что эта потенциально взрывоопасная среда удерживалась в состоянии относительного покоя,

¹⁸ Казаков М. Христианская церковь и Римская империя в IV веке [В сб.: «Очерки истории христианской церкви в Европе. Античность, средние века, Реформация»]. Смоленск : Смоленский государственный педагогический университет, 1999, с. 24–44.

благодаря наличию мощной централизованной власти. Но если Риму удавалось противостоять центробежным тенденциям около 1200 лет (от основания Рима в 753 г. до н. э. и до его падения в 476 году н. э.), то египетские фараоны смогли сдерживать религиозные противоречия на протяжении нескольких тысячелетий. Почему то, что не удавалось достичь римским императорам, оказалось под силу египетским фараонам? Чем мы можем это объяснить? Что такого особенного было в Древнем Египте, чего не было ни в Греции, ни в Риме?

Если духовная мощь политеизма не смогла предотвратить крушение античной цивилизации, то она тем более не могла поддерживать единство цивилизации Древнего Египта в течение многих тысячелетий. Что же могло быть той духовной силой, которая в те времена была способна обеспечить это единство? С моей точки зрения, это могли быть монотеистические представления египетских жрецов. Возможно, они пришли к пониманию объединяющей силы монотеизма на несколько тысячелетий раньше, чем это сделал император Константин. Мы знаем, что монотеизм как вера в Единого Бога, имеющего чисто духовную природу, был достоянием относительно небольшой, наиболее просвещенной части египетского народа. Каким же образом религия меньшинства могла оказывать существенное влияние на развитие всей цивилизации? Такое воздействие на массовое сознание могло осуществляться только при условии сочетания сильной государственной власти и государственной политики в сфере религии. Причем эти идеальные для поддержания стабильности цивилизации условия должны были существовать практически на всем протяжении истории Древнего Египта. Полагаю, что именно такие условия могли обеспечить его уникальное долголетие. Однако вопрос о роли монотеизма в механизме государственного управления, как и вопрос о том, существовала ли вообще государственная религия в Древнем Египте, до сих пор является предметом ожесточенных дискуссий.

Многие историки, признавая существование веры в Единого Бога, делают все, чтобы свести к минимуму степень ее воздействия на все стороны жизни Древнего Египта. Их совершенно не смущает то, что в их же трудах приводятся неоспоримые факты, подтверждающие важнейшую роль монотеизма в формировании

культуры этой цивилизации. Согласно М. Коростовцеву, монотеизм никогда не был общепризнанной религией Древнего Египта и никогда не был государственной религией. «Очень важно подчеркнуть, — пишет он, — что государственной религии, *в нашем понимании* (подчеркнуто — А. Я.), в Египте никогда не было, как не было и единой церковной организации». В этой же книге он отмечает, что очень рано, уже с возвышением XII династии (около 1800 лет до н. э.) Амон начинает приобретать характер общественной силы, от которой зависят судьбы не только отдельных людей, но и египетского государства в целом. При этом подчеркивается, что культ Амона носил государственный характер — это не только демиург, создатель богов и людей, но и создатель египетской империи и организатор египетской экспансии за пределами Египта. Коростовцев ссылается на Ф. Эджертона, который полагал, что «храмы богов должны рассматриваться как департаменты царской административной системы», и приводит слова Г. Кееса: «Жречество в Египте — царская служба». Здесь же отмечается, что на это указал и известный французский египтолог Сонерон, автор специального исследования о жречестве: «Жрецы не имеют ничего общего со жрецами древних евреев, а тем более со жрецами христиан. Это были люди, подобные всем прочим, не наделенные никакими привилегиями божественного характера ... чиновники особого рода, они исполняют вместо царя определенные ритуальные действия».¹⁹ Очевидно, что все это явно противоречит его же оценке роли монотеизма и высказываниям о негосударственном характере египетской религии.

Дж. Брестед и Б. Тураев утверждают, что «Жречества, занимавшиеся теологическими вопросам, ни разу не привели (...) массу религиозных воззрений в связную систему, она (религия — А. Я.) продолжала оставаться в том виде, как она сложилась, благодаря случайностям и внешним обстоятельствам, иными словами — хаосом противоречий».²⁰ Они же настаивают на том, что государственная форма религии, в которой фараон играл первенствующую роль, возникает в древнейшие времена, в начале

династического периода. «Теоретически только он один служил богам; в действительности же в каждом из бесчисленных храмов страны его заменял верховный жрец, приносивший все жертвы ради жизни и благополучия фараона». Отмечая «развитие сложной государственной религии» на всем протяжении истории Древнего Египта, они указывают на то, что визирь царицы Хатшепсут (XV до н. э.) был наделен всеми полномочиями главы административного правительства и главы сильной жреческой партии. Так же подчеркивается соединение в одних руках государственной и религиозной власти в период правления фараона Эхнатона (XIV до н. э.).²¹

Ознакомившись с трудами этих историков, я понял, что однозначного ответа на вопрос о статусе древнеегипетской религии на сегодняшний день нет. Если это была государственная религия, тогда о каких «случайностях» и «хаосе противоречий» может идти речь? С моей точки зрения, государственная организация нужна именно для того, чтобы утверждать и поддерживать унифицированные формы религиозной активности, и тем самым сводить «хаос противоречий» к минимуму. И как следует понимать мысль Коростовцева о том, что «в нашем понимании государственной религии в Египте никогда не было»? Возникает вопрос, как сам Коростовцев понимает государственную религию? Скорее всего, речь здесь идет об общепринятом понимании, согласно которому это есть доминирующая религия, распространяющая сферу своего влияния на все население данного государства. В этом случае она выступает как часть государственного аппарата, как институт, подавляющий инакомыслие и свободу вероисповедания, как инструмент принуждения и насилия. Именно это мы наблюдаем на определенных этапах истории христианства. Достаточно вспомнить как приводили огнем и мечом языческие народы Европы к вере в Единого Бога, вспомнить историю крестовых походов и времена инквизиции. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в истории ислама. Но если для христианства это уже в прошлом, то в исламе религиозная нетерпимость до сих пор является важной частью политики от-

¹⁹ Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000, с. 169.

²⁰ Брестед Дж., Тураев Б. История Древнего Египта. Минск, 2002, с. 60.

²¹ Там же: с. 6, 228, 263.

дельных государств. Такое понимание государственной религии находится в явном конфликте с представлениями о демократическом устройстве общества, и поэтому во многих странах церкви в наше время отделены от государства. Если под «нашим пониманием» государственной религии Коростовцев имеет ввиду религию как инструмент насилия, тогда он совершенно прав — в этом смысле государственной религии в Древнем Египте никогда не было. Но то, что она там была, подтверждается многочисленными историческими фактами, которые мы находим в трудах многих известных египтологов, в том числе в работах Коростовцева, Брестеда и Тураева.

Основополагающим принципом правления фараонов, начиная с самых ранних стадий древнеегипетской истории было триединство власти. Его отражение мы находим в мифе о Гермесе Трисмегисте (Трижды великом), который почитался как основатель египетской цивилизации. Он был удостоен этого титула, потому что был великим философом, величайшим священником и величайшим царем, т. е. соединял в одном лице высшую мудрость, власть религиозную и власть государственную. О государственном характере древнеегипетской религии свидетельствует также то, что культ Единого Бога, как уже отмечалось, был во всех главных религиозных центрах страны. Об этом также говорит высокий уровень унификации храмовой архитектуры, изобразительного искусства и канонизации религиозных ритуалов, в частности обряда погребения. В то же время известно, что вера в Единого Бога была достоянием жрецов. Подавляющее большинство верило в то, что судьбы мира небесного и мира земного зависят от взаимоотношений многочисленных богов и божеств. Вывод может быть только один — в Древнем Египте, несомненно, была государственная религия, но она принципиально отличалась от того, что мы сегодня вкладываем в это понятие. *Главное отличие было в том, что высшее жречество, обладая своим видением мироустройства, не навязывало его всему остальному народу.* Осознавая, что представления о едином невидимом боге, имеющем чисто духовную природу, слишком абстрактны и в силу этого недоступны для понимания неграмотного населения, жрецы не только не стремились к их широкому распространению, но делали все, чтобы сохранить эти представления в тайне. Весь народ не принуж-

дали силой к вере в Единого Бога, как это было в христианстве и позднее в исламе, но давали ему возможность сохранить веру своих предков. Такой подход позволял сгладить противоречия и предотвратить множественные религиозные конфликты, что способствовало устойчивости цивилизации и в конечном итоге являлось важным фактором ее долголетия.

Тайное знание египетских жрецов

Первым следствием мудрости египтян являлась их цивилизация.

М. П. Холл²²

Было ли долголетие Древнего Египта результатом естественного, независимого от воли человека процесса? Или существование его на протяжении многих тысячелетий было следствием сознательного воздействия на развитие данного общества? Как и в отношении возраста египетской цивилизации, здесь так же сталкиваются разные точки зрения. Одни историки принимают ее возраст как некоторую данность и вообще не обсуждают причины этого удивительного феномена. Другие считают, что столь выдающееся долгожительство — результат уникального сочетания царской и жреческой власти. Они исходят из того, что на вершине власти находились посвященные в тайное знание жрецы, и что именно это обстоятельство охраняло Египет от разрушительных внутренних и внешних воздействий. Было ли вообще тайное знание жрецов? Не является ли оно фантомом, созданным фантазией философов-мистиков и писателей-романтиков? Может быть, это миф, нужный для того, чтобы оправдать нашу неспособность объяснить действительную природу древнеегипетской цивилизации?

Как известно, эзотерические учения присутствуют в большинстве современных мировых религий. В иудаизме таким учением является каббала, в исламе — суфизм, свои учения есть в буддизме и индуизме. Не является исключением и христианство. В своем раннем периоде оно, как и все другие великие религии, обладало

²² Холл Мэнли П. Ступени посвящения. М., 2003, с. 53.

своим сокровенным учением, но на определенном этапе церковь отвортилась от тайного знания — гнозиса. Однако эзотерическое христианство не было уничтожено полностью. Оно вынуждено было уйти в подполье, о чем уже говорилось в этой книге.²³ Неканоническую трактовку Священного Писания мы находим в творчестве Леонардо да Винчи, А. Дюрера, У. Блейка, в герметической философии, в идеях Джордано Бруно и Парацельса, у масонов и розенкрейцеров. Начиная с эпохи Возрождения, носители этих знаний были вынуждены скрывать свои взгляды из-за жестоких репрессий на тех, кто осмеливался хоть на шаг отойти от церковных догматов. Важно подчеркнуть, что независимо от того, насколько эти учения совпадали или противоречили друг другу, есть достаточно оснований полагать, что все они своими корнями уходят в тайное знание жрецов Древнего Египта.

Олицетворением этой тайны является Большой сфинкс. Существует множество разных трактовок его образа. Среди них я выделяю представление о нем как о «страже вечности» и как о «повелителе времени». Уже в самих этих «титулах» есть загадка: говорят ли они о разных аспектах одного явления или противоречат друг другу? Вечность это не просто очень долгое время, вечность — не время вообще. Там, где есть время, нет вечности и, наоборот, вечность не может измеряться в единицах времени. Тем не менее как невозможно представить себе добро, не соотнеся его со злом, так же невозможно понять, что такое время, не

²³ Подтверждение того, что такое знание было в христианстве мы находим в самом Священном Писании. В своих «Строматах» в главе «О необходимости скрывать истину от непосвященных» Климент Александрийской (II век н. э.) ссылается на слова Христа: «не бросайте жемчуга своего перед свиньями, чтобы они не попирали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (См.: Матфей, 7 : 6). Климент был убежден в том, что свет истинного знания недоступен людям, подобным свиньям в своем невежестве. «Для толпы нет ничего смешнее подобных вещей, для слушателей же благородных нет ничего удивительнее их и боговдохновеннее». В своем «Первом послании коринфянам» апостол Павел писал: «Я питал вас молоком, а не твердую пищу, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские». Все эти высказывания ясно дают понять, что в христианстве существовало тайное знание, доступное лишь немногим, и что неправильное понимание его ведет к умножению зла (См.: Безант А. Эзотерическое христианство или малые мистерии. М. : СФЕРА, 2000, с. 19, 93).

сопоставив его с вечностью. Мы знаем, что египтяне понимали Египет земной как мир времени, а Египет небесный как мир вечности. Такое понимание мы находим и в других религиях, но для египтян это были не два разных мира, а две составляющие единого целого, которое я называю Универсумом. Может быть, это и есть главная истина, то священное знание, тайну которого свято оберегали жрецы? Может быть Большой сфинкс именно поэтому считается символом постижения истины? Может быть он находится у подножия Великой пирамиды как намек на то, что именно в ней зашифрована главная тайна великой цивилизации — тайна вечности-времени, и именно она содержит ее разгадку?

У Плутарха мы находим упоминание о том, что изображение Исиды в одном из храмов Саиса²⁴ имеет такую надпись: «Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрова».²⁵ «Бывшее, будущее, и сущее» — характеристики времени, а «покров» это тайна, тот порог, переступив который можно подойти к пониманию истиной природы богов. Здесь я вижу указание на ту же проблему — тайну вечности-времени, которая была одним из центральных содержаний всей древнеегипетской цивилизации. Очевидно, что и Большой сфинкс, и слова на статуе Исиды скрывали одно и то же — знание о природе богов и природе человека, о природе мироздания в целом. В то же время они указывали на то, что ключом к разгадке их тайны является истинное знание о вечности-времени, знание об отношении мира небесного и мира земного, об отношении Творца и Творения.

Ангелы или демоны?

Сегодня мало кто спорит с тем, что у древнеегипетских жрецов было некоторое сокровенное знание, которое давало им невероятное могущество, и с тем, что его тайна так до конца и не познана. Однако существуют принципиальные расхождения

²⁴ Саис (современное название: Са эль-Хагар) — город на западе дельты Нила.

²⁵ Плутарх. Исида и Осирис. М. : ЭКСМО, 2006, с. 6–7.

в ответе на вопрос о том, зачем они оберегали тайну своего знания. Было ли это благом — залогом процветания и долголетия Древнего Египта, или, утаив свое знание, они преднамеренно направили человечество по ложному пути? Последнюю точку зрения мы находим в книге генерал-майора К. Петрова «Тайны управления человечеством». Автор отмечает, что древнеегипетское жречество действительно обладало тайным знанием. Центральным содержанием этого знания было «правильное представление об окружающем мире», как о неразрывном единстве, включающем в себя мир божественный и мир материальный. Другим важнейшим содержанием тайного знания был метод мышления, сутью которого было движение от целого к части, от единой картины бытия к пониманию любой вещи или события внутри нее.²⁶ В общем виде все это близко к моему пониманию тайных основ мудрости египетских посвященных. Но дальше, как утверждает Петров, тайна истинного знания была преднамеренно сокрыта от человечества. Сделано это было для того, чтобы дать людям неправильное представление об окружающем мире, которое распространялось и поддерживалось столетиями в головах миллионов людей. Возникает вопрос: зачем это было им нужно? Автор с прямотой военного человека дает четкий ответ. Он утверждает, что носители истинной картины мира сделали это, потому что они были демонами — представителями темных сил. А какие могут быть помыслы у демонов, кроме как всемерно вредить человечеству? По его «теории» вирус, запущенный древнеегипетскими жрецами-демонами, через Моисея проникает в иудо-христианство, поражает не только западную и православную церкви, но и искажает научное мировоззрение, проникает во все поры общества, изменяет сознание каждого отдельного человека. Надо отметить, что автор, безусловно, прав, указывая на генетическую преемственность мировоззре-

²⁶ Мировоззрение, согласно которому нет никакого хаоса, мир един и целостен, и все процессы в нем упорядочены определенным образом как в мозаике, в которой сочетание элементов предопределено изначально заданной картинкой, Петров называет «мозаичным». Это мировоззрение он противопоставляет «калейдоскопическому», когда люди исходят из того, что кругом хаос, когда все, что происходит в жизни человека, рассматривается как результат стечения случайных обстоятельств.

ния древнеегипетских жрецов, иудаизма и христианства. Он также правильно указывает на ограниченность материалистического мировоззрения и естественно-научной картины мира. Во всем остальном присутствует явная тенденциозность, которая прослеживается в последовательности конкретных носителей этого вируса: Моисей, Маркс, Ленин и за ними следует Познер, Швыдкой, Соловьев.²⁷ А кто же противостоит этим демоническим силам? Здесь тоже все предельно ясно. Это, как утверждает Петров, славяне, которые, оказывается, никогда не были многобожниками и которые уже в глубокой древности исповедовали веру в Единого Бога. Это, представьте себе, и Сталин, который, будучи не догматиком, а творческой личностью, довел марксизм до самоотрицания, но не был понят толпой партийцев. Это также современные приверженцы древнего славянского божества Дажбога. Думаю, что долгие объяснения здесь не нужны: злокозненные жрецы-демоны, спрятав истинное знание, направили человечество по ложному пути, и, конечно же, опять во всем виноваты евреи!

Есть и другой взгляд на жречество, согласно которому оно играло положительную роль в формировании и развитии древнеегипетской государственности и культуры. Благотворное влияние жрецов подтверждается не только тем, что египтяне были самым богобоязненным народом, но и тем, что это была самая миролюбивая цивилизация.²⁸ Сакральное знание египетских посвященных базировалось на представлении о невидимом Едином Боге-Духе — создателе всего остального мира и о единстве Творца и его Творения. Можно предположить, что их понимание природы бытия выходило далеко за пределы привычного нам материалистического видения. Гипотетически такое знание могло открыть путь к овладению энергиями, несравненно более мощными, чем те, которыми обладает современное человечество, и, соответственно, к созданию невиданного по своей мощности оружия. И, конечно же, такое оружие могло бы дать неограниченную власть

²⁷ Телеведущие российского телевидения, имеющие еврейские корни.

²⁸ Геродот. История в девяти книгах. Книга 2. Евтерпа. Л.: Наука, 1972.

над миром. Именно вера в возможность создания такого оружия заставила Сталина и Гитлера, целью которых и было мировое господство, приложить серьезные усилия, чтобы овладеть тайным знанием египетских жрецов и тибетских монахов.

Нашу цивилизацию, в отличие от древнеегипетской, никак нельзя назвать миролюбивой — чем больше мы превозносим ценности прогресса и демократии, тем больше крови льется на нашей планете. Мир еще не отошел от потрясения и ужасов двух мировых войн XX столетия, но уже сегодня ощущается опасность третьей мировой войны. Может, причина этого кроется именно в том, что, уверовав во всеобщее равенство, в абсолютные ценности демократии, Западный мир навязывает их другим цивилизациям, которые сегодня не готовы их принять? Поступает ли наша цивилизация мудро, делясь своими знаниями и технологиями, продавая летальное оружие всем, кто может за него заплатить и кого можно научить им пользоваться? Может быть мы, будучи уверенными, что творим добро, на самом деле творим зло? Беда человечества в том, что оно не желает учиться на своих ошибках. Может, египетские жрецы, оберегая тайну своего знания, были правы? У них не было злого умысла, в чем пытается убедить нас генерал Петров, а делали они это потому, что были уверены в том, что, попав в руки людей духовно незрелых, знание может быть использовано во зло. Их действия были направлены на то, чтобы предотвратить внутренние конфликты — именно поэтому они не навязывали свои представления об устройстве мироздания всему народу и позволяли ему верить в своих богов. Может быть, в этом заключалась их главная мудрость, и именно это стало залогом долгожительства Древнего Египта? Именно жрецы задали тот духовный вектор, который предопределил жизненный путь этой цивилизации и оказал мощное воздействие на всю историю человечества в целом. Кем же они были на самом деле — демонами или ангелами? Я полагаю, что ни теми и ни другими. Это были люди, которые остро осознавали свою связь с прошлым и свою ответственность перед будущим.²⁹

²⁹ Речь здесь идет, конечно, не о всем жречестве, а о той группе высших иерархов, которые были посвящены в высшие тайны египетских мистерий.

В отличие от мыслителей эпохи Возрождения, имеющих собственный взгляд на природу мироздания, не совпадающий с официальной догмой, древнеегипетские жрецы хранили свое знание в тайне не потому, что опасались преследований со стороны церкви — они сами обладали высшей властью, — и, конечно же, не потому, что их целью было направить человечество по ложному пути. Делали они это совершенно по другим причинам — они понимали, что знание не есть абсолютное добро, оно может быть использовано как в благих целях, так и принести вред и страдания людям. «Не забывай, что закон таинства покрывает собой великую истину, — наставляет иерофант (верховный жрец) своего ученика, — полное знание может быть открыто лишь тем из наших братьев, которые прошли через те же испытания, что и мы. Раскрывать истину следует в меру разума, прикрывая ее перед слабыми, чтобы не свести их с ума, пряча ее от злых, чтобы они не смогли схватить ее отрывки и сделать из них оружие разрушения. Замкни ее в сердце своем, и да проявится она через дела твои. Знание будет твоей силой, вера — твоим мечом, а молчание твоими непроницаемыми доспехами».³⁰ Да, они оберегали свое знание, но в то же время открывали его тем, кого считали достойными быть посвященными в его тайну. Это был очень узкий круг, но он не ограничивался только египетскими жрецами. Как уже отмечалось, в него допускались и иноземцы — Пифагор, Платон и другие мыслители, которые во многом предопределили пути развития европейской философии. Жрецы знали, что их цивилизация не вечна и когда-нибудь она подойдет к своему концу, но они верили, что история на этом не завершится, и считали своей священной миссией сохранить сакральные знания для будущего человечества.

Жрецы знали, что могут пройти тысячелетия до того времени, когда люди смогут адекватно понять их тайное знание и использовать его на благо человечеству. Они также знали, что такие способы фиксации знаний, как традиции и обычаи, письмо, изобразительное искусство для этого не подходят. Все это может быть забыто, превратиться в прах, погибнуть в природ-

³⁰ Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 139.

ных катаклизмах или быть сознательно разрушено. Мы и сегодня являемся свидетелями варварского уничтожения памятников культуры, таких как статуи Будды в Домиане (Афганистан), разрушения и разграбления музеев в Каире, Триполи, Багдаде, видим как стираются с лица Земли древнейшие города, такие как Алеппо и Пальмира, являющиеся историческим наследием всего человечества. Поэтому нужно было найти форму передачи знаний, которая была бы неподвластна времени, которая могла бы противостоять любым средствам разрушения, даже тем, которые могли бы превосходить по своей мощи все, что было известно древним египтянам.

Капсула божественного времени

По мнению многих египтологов, такой особой формой трансляции знаний в отдаленное будущее является пирамида Хеопса (Хуфу) или, как ее еще называют, Великая пирамида. Многолетние исследования наводят на мысль, что именно в ней зашифрованы наиболее важные знания жрецов. Известно, что египтяне были сильны в астрономии, медицине и других областях знания. Чарльз Пьяцци Смит, королевский астроном Шотландии, проводивший в 1865 году измерение размеров и пропорций пирамиды Хеопса, писал о том, что Великая пирамида свидетельствует о существовании удивительно точных познаний в высшей математике и географии примерно за 1500 лет до появления крайне наивных и примитивных начатков таких знаний у древних греков.³¹ Как уже отмечалось, календарь в Древнем Египте появился еще в пятом тысячелетии до нашей эры. Научным и техническим достижением было изобретение водяных и солнечных часов. Свидетельством замечательных открытий в области инженерии и строительных технологий является зодчество этой цивилизации. И, конечно же, подтверждением высочайшего уровня знаний и наличия высоких технологий является сама Великая пирамида.

³¹ Шох Р., Макнэлл Р. Мистерия пирамид. Тайна сфинкса. М.: ЭКСМО, 2007, с. 238.

Обо всем этом мы узнали из записей на папирусе и камне, которые дошли до нашего времени.³² Учитывая это, можно ли быть уверенным в том, что мысль о сохранении знаний, которые египтяне доверяли папирусу и камню, могла подвигнуть египетских фараонов на такие дорогостоящие проекты, как Великая пирамида? Если да, то была ли Пирамида хранилищем любых знаний, или сверхзатраты на ее возведение могли быть оправданы только сверхзадачей сохранения особых сакральных знаний, которые действительно составляли главную тайну этой цивилизации? Напомню, что это сооружение до сих пор поражает воображение. Возведение его с точки зрения наших представлений о технологическом уровне добиблейских времен представляется как нечто фантастическое. Очень трудно, я бы сказал, невозможно представить, что какой-либо народ, чья культура только-только отошла от каменного века, был в состоянии создать нечто подобное. Я не буду здесь состязаться в построении догадок о том, кем были таинственные творцы Великой пирамиды — египтянами, атлантами или инопланетянами. Очевидно, что это были великие зодчие, уровень знаний которых несоизмерим с нашими представлениями об уровне развития людей, живших в эпоху, близкую к неолиту. Мне важно понять или хотя бы подойти к пониманию того, зачем понадобилось возводить Великую пирамиду — сооружение, которое пережило создавшую его и другие более молодые цивилизации. Существуют самые разные предположения о назначении Великой пирамиды. Некоторые из них весьма сомнительны, но есть и такие, которые, с моей точки зрения, заслуживают серьезного внимания. Все известные гипотезы можно разделить на три группы. К первой группе я отношу те из них,

³² Сегодня мы располагаем многочисленными древнеегипетскими трактатами. Подтверждением высочайшего уровня математических знаний древних египтян является Папирус Ринда (Папирус Ахмеса), который хранится в Британском музее. Этот папирус датируется ок. 1550 г. до н. э., эпохой XV династии, то есть временем спустя примерно целое тысячелетие после возведения Великой пирамиды, который был скопирован с более древнего оригинала (примерно на 300 лет старше). До нашего времени сохранилось 10 медицинских папирусов, из которых настоящими энциклопедиями являются большой медицинский папирус Эберса и хирургический папирус Эдвина Смита.

которые фокусируются на какой-либо одной утилитарной функции — обсерватория, астрономический календарь, энергетическая установка, тотальное оружие, водяной насос и т. п. Во вторую группу попадают гипотезы, которые связывают назначение Великой пирамиды с религией египтян. Сюда относится понимание пирамиды как усыпальницы фараона, храма, ритуального центра. Как отдельную группу следует рассматривать гипотезы, которые можно объединить названием «капсула божественного времени».³³ Здесь пирамида рассматривается как способ хранения тайных сакральных знаний и трансляции их в будущее, как особая форма откровения, сознательно зашифрованная до тех пор, пока человечество не достигнет достаточно высокого уровня и окажется в состоянии понять сокровенный смысл этих знаний.

С моей точки зрения, предположения, исходящие из того, что Пирамида могла быть создана с целью решения сколь угодно важных народнохозяйственных проблем, явно несостоятельны. Такие гипотезы модернизируют историю, некритически накладывая современные представления на сознание людей, живших тысячи лет назад. В отличие от нашего прагматичного времени, сфокусированного исключительно на экономических проблемах, Древний Египет, как и другие великие цивилизации древности, во главу угла ставил проблемы духовные. Именно поэтому величайшими сооружениями прошлых эпох являются не телевизионные башни, зернохранилища, жилые дома или офисные здания, но сооружения культовые.

Могла ли Пирамида быть исключительно культовым сооружением? Наиболее распространенным является утверждение, что Пирамида возводилась только или прежде всего как место захоронения фараона. Однако ни в одной крупной пирамиде первоначальных погребений не было обнаружено, во многих мумии царей вовсе отсутствовали. Кроме этого, такое понимание исходит из представления о египетском царе как о жестоком тиране и самодуре, который шел на любые затраты и жертвы ради возвеличивания своей собственной персоны. Все, что нам известно об этой цивилизации, высоком уровне ее культурного и технологического развития, формах государственного устрой-

³³ Там же: с. 243.

ства, ее миролюбии и уникальной способности к выживанию, на мой взгляд, противоречит этой точке зрения. Храм также не мог быть единственной или главной функцией Пирамиды. Очевидно, что храм и пирамида являются разными типами культовых сооружений, о чем говорит то, что строительство пирамиды не исключало расположения храма в непосредственной близости от нее.

Если предположить, что Пирамиду возвели только как средство передачи знаний, то какие же знания она могла в себе скрывать? Здесь также существуют разные предположения. Одни исходят из того, что это могут быть сведения о параметрах Земли и физической Вселенной, другие допускают, что Пирамида несет информацию о реальной хронологии проявлений Божьего промысла в истории и даже предсказывает пришествие Христа, третьи усматривают в ней модель сакрального космического пространства, макрокосма и микрокосма. Не могу не согласиться с мнением Роберта Шоха, полагающим, что самая серьезная ошибка, которую совершают, пытаясь разгадать тайну Великой пирамиды, заключается в предположении, что это сооружение имело всего одно назначение.³⁴ Ни одно из культовых сооружений прошлых эпох не было монофункциональным. Религиозные сооружения во все времена были не только местом проведения культовых церемоний, но и центрами общественной жизни. В них находятся захоронения выдающихся личностей, на их стенах мы видим информацию о важнейших исторических событиях, в них творилась и писалась история. Средневековые соборы возводились не только как религиозные центры, но и с учетом оборонительной функции — в случае опасности они могли укрыть в себе население города. Такие функции, как гробница, храм, место инициаций и другие, как известно, всегда совмещались в религиозных сооружениях вплоть до нашего времени.

Нет никакого сомнения, что Великая пирамида несла на себе множество функций. Она могла использоваться и как обсерватория, и как гробница, и как храм, и, конечно же, как место хране-

³⁴ Там же: с. 324.

ния наиболее важной для создавшего ее общества информации, а следовательно, и как способ трансляции этой информации в будущее — как «капсула времени». Как писал Платон, «все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно» (Платон, «Тимей»). Вопрос в том, что было причиной создания самого грандиозного и самого дорогостоящего сооружения всей цивилизации и что было той целью, которая оправдывала колоссальные средства и, я бы сказал, нечеловеческие усилия, затраченные на его возведение? Логично предположить, что это могла быть только такая цель, которая была сомасштабна центральному содержанию всей древнеегипетской цивилизации.

Физики и мистики

То, что постигается с помощью размышления и рассуждения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле.³⁵

Платон.

Главный вопрос, который вызывает пирамида Хеопса во все времена — как могли древние мастера создать такой величественный шедевр архитектуры? Вопрос, зачем или по какой причине он был создан, вызывает значительно меньший интерес, наверное, потому, что ответ как бы очевиден — конечно же, Великая пирамида, как и все другие пирамиды, строилась как гробница фараона.³⁶ Еще более скромное внимание уделялось самой пирамидальной форме и ее символическому значению. Я убежден в том, что разгадка послания египетских посвященных станет возможной только тогда, когда мы раскроем истинный смысл символики Пирамиды. Понимая всю сложность такой работы, я далек от мысли, что это возможно сделать в каком-то одном труде. Моя задача — не только спровоцировать интерес к этой проблеме, но и предложить свой подход к ее разрешению.

³⁵ Платон. Тимей. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994, с. 510.

³⁶ Замаровский В. Их величества пирамиды. М., 1986, с. 368–369.

В книге «Беседы Вельзевула со своим внуком» Г. Гурджиев писал, что суть идеи передачи тайного знания отдаленным потомкам заключается в том, что это знание не должно быть доступно каждому. Оно должно быть определенным образом зашифровано или закодировано и размещено в таких местах, которые всегда на виду у широкой публики. Наилучшим образом, по его мнению, для этого подходят известные произведения искусства, архитектуры или литературы. Зашифрованные фрагменты этих произведений должны содержать в себе ключ для их разгадки. В качестве такого ключа, предполагалось вводить явные неточности или отклонения от нормы, которые обязательно привлекут к себе внимание знатоков.³⁷ Подобные мысли мы находим и у христианского философа и теолога Оригена (III век нашей эры). Пытаясь познать истинный смысл Священного Писания, он полагал, что несообразные и невозможные вещи введены в его текст для того, чтобы пробудить интеллигентного читателя и заставить его искать более глубокого объяснения, тогда как невежественный народ будет читать, не вникая в несообразности.³⁸ В том, что идея двойного кода, высказанная Оригеном и Гурджиевым, работает, я убедился, анализируя произведения Леонардо да Винчи, Дюрера, Питера ван Орли и других мастеров.³⁹ Все эти условия: то, что объект должен быть очень известным, иметь «явные отклонения от нормы», содержать «несообразные и невозможные вещи», мы действительно находим в Великой пирамиде.

Древние Египтяне считали, что Египет является центром мира, а его духовным центром является Пирамида. Она, безусловно, была и есть на виду у всего мира, и первое, что нам приходит в голову, когда мы слышим о Египте, это, конечно же, образ пирамиды Хеопса. Именно поэтому во все времена это грандиозное сооружение вне всяких сомнений было главным символом Египетской цивилизации. Все в Пирамиде было отклонением от нормы — ее гигантские размеры, внутренняя структура, которая не повторяется ни в одной другой пирамиде, расположенный рядом

³⁷ Гурджиев Г. Беседы Вельзевула со своим внуком. М.: АСТ, 2003, с. 349.

³⁸ Ориген. О началах. СПб.: Амфора, 2007, с. 349.

³⁹ Яровой А. О Боге и о себе. Харьков, 2010, с. 206–217.

хранитель времени Сфинкс. Но особо привлекает внимание ее пирамидальная форма. Вне всяких сомнений, выбор этой формы был не случайным. Следуя логике Гурджиева, можно предположить, что именно в этой форме зашифровано то главное знание, которое египетские посвященные оберегали от своих современников и которое считали необходимым передать в будущее.

Какое же знание было столь важным, чтобы подвигнуть египетских властителей на создание величайшего сооружения цивилизации? Подавляющее большинство исследователей полагает, что Пирамида использовалась как способ записи и хранения знаний о нашей планете, сведений о расстоянии до других планет т. е. знаний о физической вселенной, знаний естественно-научного типа, как символ того, что «подвластно мнению и ощущению, возникает и гибнет». С их точки зрения, тайное знание жрецов связано главным образом с теми содержаниями, которые скрываются в ее размерах и их отношениях. Ученые эти, как правило, относятся к мейнстриму современной науки. Их мировоззрение ограничено материальным миром. Они отвергают идею Творца, рассматривая любые рассуждения о Божественном как метафизические вымыслы и мистические заблуждения, не имеющие отношения к серьезной науке. Условно назовем их «физиками». Сегодня мы живем в мире «физиков», в мире, в котором реально существует только то, что можно ощутить физически или с помощью имеющихся технических устройств. Не удивительно поэтому, что с их точки зрения Пирамида является символом материальной Вселенной.⁴⁰ Такому пониманию противостоят те, кого можно объединить в группу «мистиков». Для них Пирамида является символом мира Божественного, символом того, что, согласно Платону, «постигается с помощью размышления и рассуждения»,

⁴⁰ Исключения бывают и среди физиков — не все они отвергают идею Высшего Разума. Галилео Галилей писал: «Природа, без сомнения, есть Вторая Книга Бога, от которой мы не должны отказываться, но которую мы обязаны читать». И. Ньютон: «Чудесное устройство космоса и гармония в нем могут быть объяснены лишь тем, что космос был создан по плану Всмогушего Существа. Вот мое первое и последнее слово». Представление о мироздании, выходящее за рамки его узко материалистического понимания мы находим у М. Ломоносова, А. Ампера, Ф. Гаусса, Т. Эдисона, Л. Пастера, М. Планка, А. Эйнштейна, Н. Бора и других великих ученых.

того, что, с их точки зрения, и есть «вечно тождественное бытие». То, что строители Пирамиды обладали высоким уровнем математических, астрономических и других знаний, не подлежит сомнению. Эти знания использовались ими при возведении Пирамиды и вполне может быть, что они зафиксированы в размерах отдельных ее частей и их отношениях. Пирамида, как и любое культовое сооружение, является выражением мировоззрения своих творцов, а ее форма — его символом. Ее творцами были египетские посвященные, которые, безусловно, были мистиками, и, конечно же, их видение мироздания было значительно шире, чем видение «физиков». Форма Пирамиды, как и форма любого древнего культового сооружения, отражает картину мира ее создателей. Поэтому ограничение тайного знания жрецов кругом естественно-научных представлений является анахронизмом. Не признавая этого, мы закрываем себе путь к пониманию того содержания, символом которого для жрецов являлась форма Пирамиды.

Египетский символизм

Культура Древнего Египта была символичной по своей природе. Об этом свидетельствует все искусство этой цивилизации, которое всегда, несмотря на реалистичность формы, изображало не материальную действительность, но мир за ее пределами, мир значительно более широкий — мир, куда человек уходит после смерти. В египетском искусстве нет времени и нет трехмерной перспективы, размеры персонажей задаются только их ролевой значимостью в иерархии бытия, жизнь протекает по раз и навсегда установленному божественному порядку. Люди и предметы не изображают кого-то или что-то реальное, они являются символами универсальных идей, которые определяют вечный и неизменный порядок мироздания (рис. 1). Мышление египтян отличалось от нашего так же, как их алфавит от того, которым пользуемся мы. В отличие от букв кириллицы или латинского алфавита, которые означают только определенные звуки, египетские иероглифы это символы, за которыми скрывается значительно более сложное, как правило многослойное содержание. Поэтому оно может пониматься по-разному, в зависимости от интеллектуального уровня читающего. В этом и заключается сложность прочтения древних текстов. Отвергая символическую

природу этих текстов, мы трактуем их буквально, тем самым исключая возможность проникновения в их истинное содержание. Пирамида это такой же иероглиф-символ, который имеет множество смыслов. Символ, в моем понимании, всегда скрывает некоторую тайну. Символ, утративший тайну, перестает быть символом и превращается в знак. Такое понимание мы находим в трактате Ямвлиха «О пифагорейской жизни», где он различает простой элементарный знак и символ, который обозначает собой то мудрое и истинное, что нужно уметь расшифровать и перевести на более рациональный язык.⁴¹

Адекватно понять тайное содержание, скрытое вроде бы за ясной, простой формой, могли только те, кто знал язык символов. В основе древнеегипетского символизма лежало представление о том, что мир земной является отражением мира небесного — что вверху, то и внизу, — что каждая вещь земная имеет свой духовный прообраз, свою идею в мире божественном, и что нет такой вещи, через которую бы не просвечивался высший мир. Понимание символического текста всегда было восхождением к высшей истине, к Богу. Исходя из этого, можно предположить, что в самой форме Великой пирамиды, главном символе цивилизации, была заложена информация о древнеегипетской картине мира, ядром которой является идея всеобщего единства — единства мира земного и мира небесного, единства Творца и Творения. Известно весьма ограниченное число символов, способных нести подобную информацию. К ним относятся такие простые геометрические фигуры как круг, квадрат и треугольник. По моему мнению, именно на символическом содержании одной из них, а именно — на треугольнике, который является формообразующей основой пирамиды, мы и должны сосредоточить наше внимание.

Как мы утратили символическое мышление

Будучи захвачены идеей постоянного прогрессивного развития человечества, мы, в большинстве своем «физики», в прин-

⁴¹ Ямвлих. О Пифагоровой жизни. М. : Новый Акрополь, 2002. Гл. XVIII, с. 82–86; гл. XXIII, с. 103; гл. XXXIII, с. 238; гл. XXXV, с. 247.

а

б

Рис. 1. Двумерное пространство в искусстве Древнего Египта.

Величина фигур задается не реальным расположением в пространстве, а социальным статусом персонажей:

а — охота на болотах, гробница Менна (Фивы, 18-я династия);
б — семья египтянина (Фивы, 20-я династия)

ципе негативно относимся к «мистикам», считаем их взгляды пережитком прошлого и, конечно же, отрицаем символизм как действенный способ фиксации и передачи знаний. В наше время, когда знания стали доступны всем, символическое мышление утратило свою актуальность, но отказавшись от него, мы испытываем серьезные затруднения, а иногда и полную неспособность в понимании мировоззрения наших предков. Чем дальше мы от эпохи, когда мистицизм был доминирующей системой мышления, тем глубже пропасть непонимания. Символическое мышление существовало во все времена, но на разных этапах исторического развития оно приобретало разные формы. Причина возникновения символического мышления всегда одна и та же — необходимость сохранения в тайне некоторого знания. Однако условия или обстоятельства, в которых появляется эта необходимость, могут быть разными

Символизм древнеегипетских посвященных был вызван необходимостью сохранения их сакрального знания о Едином Боге и единстве мироздания. Напомним, что они обладали верховной властью, и поэтому разглашение этого знания лично им ничем не угрожало. Египетские жрецы опасались того, что использование его людьми духовно и интеллектуально неподготовленными может нанести вред всей их цивилизации. Учитывая ее возраст, можно предположить, что они были правы, охраняя эту тайну от людей духовно незрелых. Особенностью древнеегипетского символизма является восхождение от низшего к высшему, когда простые вещи скрывают за собой высокие духовные содержания, доступные пониманию только подготовленных людей.

Символическое мышление было присуще и раннему христианству. Рыба использовалась как монограмма имени Христа, агнец — как символ его крестной жертвы, виноградная лоза — как образ Христа, единого источника жизни человека и др. (рис. 2). Смысл этих изображений, которые мы встречаем в римских катакомбах — местах тайных собраний христиан, был понятен только членам их общины. Это был второй язык, который позволял узнавать своих единоверцев, отделять своих от чужих. В отличие от египетских жрецов, оберегающих свое знание о Едином Боге от непосвященных, они сохраняли в тайне не само сакральное знание о Христе — сыне Божьем, который взойшел на Голгофу ради спасения всего человечества, но свою приверженность этой вере.

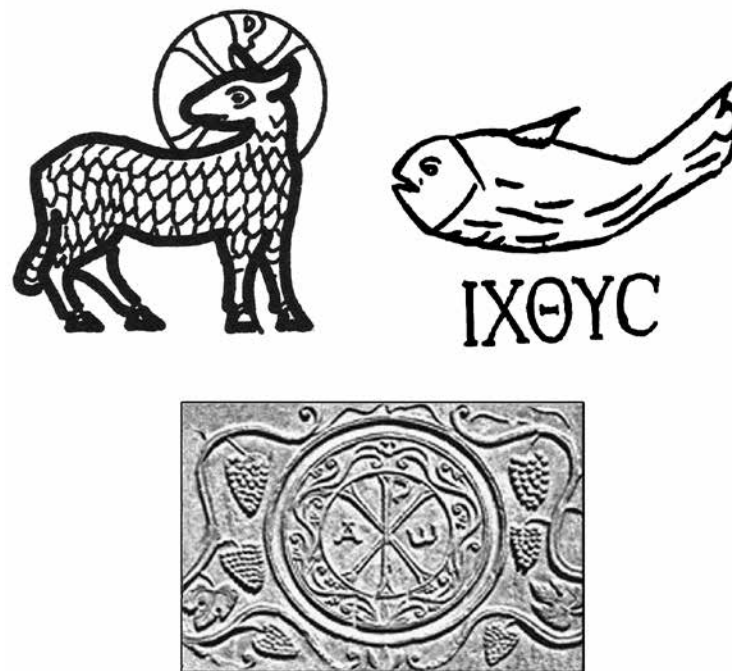

Рис. 2. Символика ранних христиан

Они вынуждены были это делать, чтобы выжить в условиях враждебного окружения во времена жестоких гонений со стороны римской власти.

Эта символика продолжает использоваться и после утверждения христианства как официальной религии империи, но здесь она уже не выполняет функцию шифрованного сообщения (криптограммы), символ в христианстве утрачивает свое первоначальное предназначение. Получив всю полноту власти, церковь использует символы уже не для того, чтобы скрыть тайное знание, как это было в Древнем Египте, и не из-за опасения за свою жизнь, а для того, чтобы обеспечить как можно более широкое распространение своей веры. Средневековый символизм, так же как и древнеегипетский, предполагает восхождение от

земного к небесному, от образа обычной вещи к сакральной, эзотерической идее. Но, как отмечает Й. Хейзинга, в преддверии Ренессанса он трансформируется в нечто себе противоположное, превращаясь из живой мысли, связывающей земное и божественное, в нечто механическое, вырождается в «болезнь ума, во что-то вроде простого приличия». Он пишет, что «это уже символизация, обращенная вспять: когда не низшее указывает на высшее, а высшее является символом низшего. Земное ставится во главу угла, а небесное, украшая его, используется для его прославления».⁴² Кризис символического мышления наглядно проявляется в революционных изменениях, произошедших в иконописи этой эпохи. На смену обратной перспективе приходит прямая перспектива, стремление к познанию тайны духа, красоты небесной все больше вытесняется желанием передать реальную красоту земного мира.

В эту же эпоху символизм как способ сохранения тайного знания получает новый импульс. Это было связано прежде всего со все возрастающей популярностью алхимии и герметизма, учений, своими корнями уходящими в Древний Египет. Как уже говорилось, приверженцами этого учения были многие выдающиеся деятели того времени, такие как английский философ Роджер Бэкон, основатель флорентийской Платоновской академии М. Фичино, итальянский философ Джованни Пико делла Мирандола, император Священной Римской империи Рудольф II, швейцарский врач и философ Парацельс, Джордано Бруно и другие. Официальная церковь относилась к этим учениям как к еретическим и вела с ними непримиримую борьбу, которая завершилась их полным разгромом — побежденные вынуждены были уйти в подполье. Сожжение на костре Джордано Бруно стало тем знаковым событием, которое отделило уходящую в прошлое эпоху символического мышления от наступающей эпохи господства рационализма в европейской культуре. Еще одной важной причиной кризиса символизма был процесс становления и развития естественно-научного типа мышления, который уже в середине XVII века привел к институализации европейской науки.

⁴² Хейзинга Й. Осень средневековья. М.: Прогресс, 1988, с. 227–229.

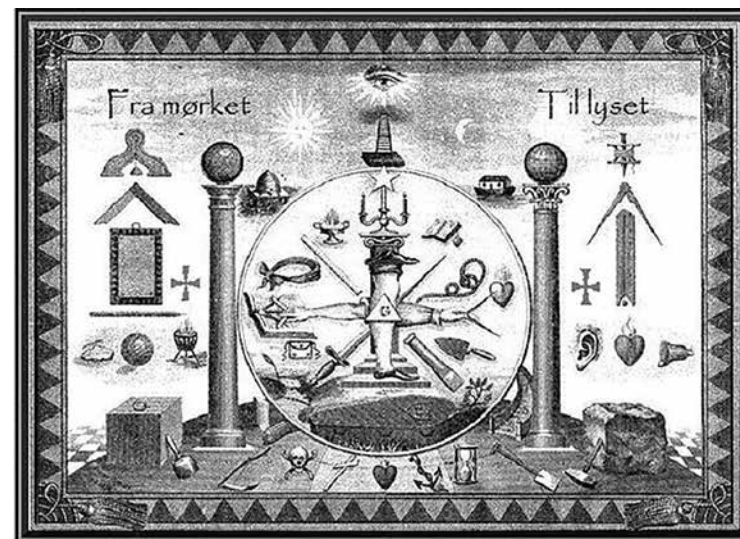

Рис. 3. Масонская символика

В результате христианство оказалось единственной великой религией, лишенной своей эзотерической составляющей, такой как каббала в иудаизме или суфизм в исламе. Из культуры ушла магия, тайна сакрального знания, и вместе с ними истинный символизм. Прервалась живая связь, соединяющая постренессансную эпоху с символическим сознанием древнеегипетских мудрецов. Тем не менее эта связь не была разорвана полностью. Символическое мышление продолжало существовать в тайных обществах, таких как розенкрейцеры и масоны, где оно было востребовано в его собственной функции — функции сохранения эзотерического знания древних посвященных, наследниками которых

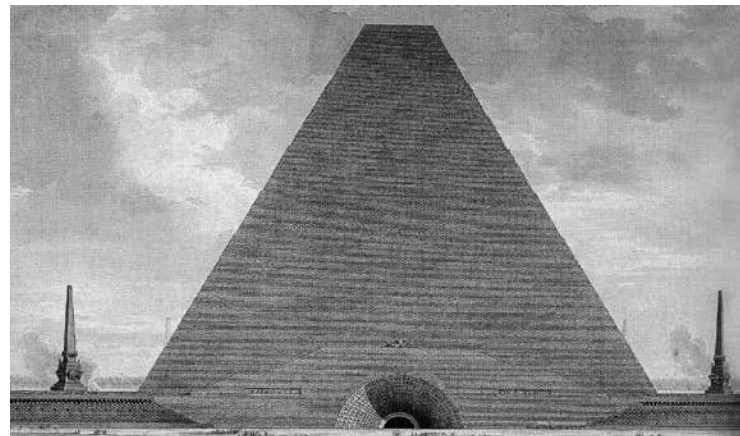
они себя полагали (рис. 3). Общим основанием большинства тайных учений, начиная от Древнего Египта и до современных масонов, является идея единства Творца и Творения. Другим объединяющим началом является язык символов, который имеет не только эзотерическое значение. Это еще и универсальный язык метафизического познания, восходящего от чувственного к сверхчувственному: «Невидимое познается через видимое... Невидимое ничем другим изобразить нельзя как подобиями, иносказаниями...»,⁴³

Всплеск символического мышления этого типа, я бы сказал, отчаянную его попытку открыто заявить о своем существовании, мы наблюдаем во второй половине XVIII века во Франции в творчестве Клода Николя Леду и Этьена-Луи Булле — создателей концепции «говорящей архитектуры». Подчеркнутый аскетизм их проектов выступает резким диссонансом на фоне художественных стилей этой эпохи — неоклассицизма и рококо. В своих творениях они используют простые геометрические формы, такие как треугольник, квадрат, круг, пирамида, сфера и др., что вызывает прямые ассоциации с зодчеством Древнего Египта (рис. 4). Важная роль символов в архитектуре Леду и Булле объясняется тем, что они принадлежали к масонскому братству, придающему символическому мышлению особое значение. Для масонов так же, как и для египетских жрецов, эти формы являлись символами первичных божественных идей — архетипов, которые Великий Архитектор Вселенной заложил в основу мироздания. Однако во времена набирающего силу рационалистического сознания мистическая по своему духу архитектура Леду и Булле не могла быть востребована современным обществом. Их символизм не был адекватно понят и был воспринят не более как курьез.

Очевидный всем прогресс науки и техники во второй половине XIX века обусловил убежденность в скором наступлении эры социального благоденствия. Это была эпоха научной и промышленной революции, когда «физики» серьезно потеснили

⁴³ Халтурин Ю. Л. Масонский символизм и картина мира русских масонов конца XVIII — начала XIX вв. Екатеринбург, 2010.

а

б

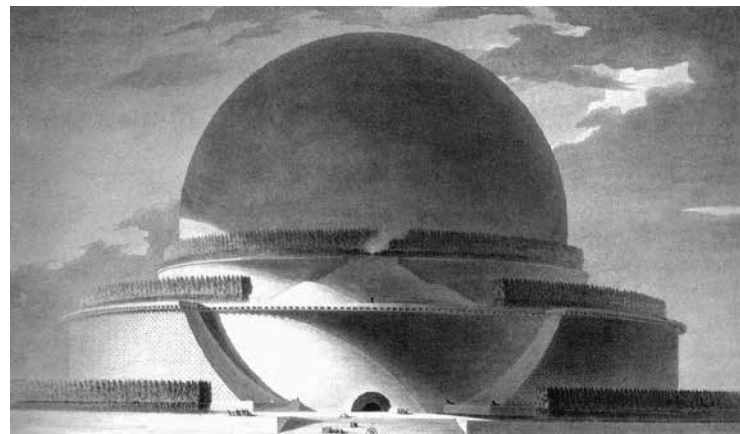

Рис. 4. «Говорящая» архитектура.

Этьен Луи Булле:

а — проект кенотафа Тюррен; б — проект кенотафа Ньютона

«мистиков». Историки и египтологи XIX века, в большинстве своем будучи детьми своего времени, вместе с атеизмом и материализмом впитали и негативное отношение к символизму. Символическое мышление рассматривалось уже как атавизм, доставшийся от мудрецов и философов прежних веков с их примитивными донаучными методами познания и наивными представлениями о мироздании. Зачем нужны символы как средство познания и выражения мира невидимого, если в рамках естественно-научной парадигмы такой мир вообще не существует? В XX столетии, когда элитарное образование уходит в прошлое, когда знание становится все более открытым и доступным, символ не только перестает быть востребованным как средство познания, но и утрачивает свое эзотерическое значение.

Как уже отмечалось, уровень научных и научно-прикладных знаний древних египтян был весьма высоким. Это позволяет предположить, что они обладали методом мышления, характерным для «физиков». Несомненно, им также было присуще и символическое мышление в высшей его форме, которое мы закрепили за «мистиками». Если для древних египтян эти методы были взаимодополняющими, то сегодня они выступают как антагонистические пути познания. В наше время символизм в том его виде, который был у египетских посвященных, рассматривается как архаическая форма мышления, право на существование которой признается только в области религии и искусства. Мы низвели символ к простому знаку, за которым может быть скрыто любое содержание. Наша, чуждая символическому мышлению культура, представляет собой антипод культуре Древнего Египта. Поэтому сколько бы мы не пытались анализировать Пирамиду, соотнося ее параметры с размерами Земли, расстоянием до других планет, или усматривать в ее форме важные математические закономерности, мы никогда не проникнем за завесу тайны того знания, ради сохранения которого это величайшее сооружение древности было создано. Мы, в большинстве своем «физики», пытаемся понять книгу, написанную «мистиками» так, как мы понимаем обычные тексты. Именно этим, с моей точки зрения, объясняется то, что Пирамида до сих пор остается для нас неразгаданной тайной.

Символика Пирамиды

То, что Пирамида является главным символом Древнего Египта, знают все. Но что скрывается за этим символом? Существует множество вариантов ответа на этот вопрос. Здесь можно провести параллель с поэзией. Хорошие стихи можно перечитывать неоднократно и каждый раз открывать в них что-то новое. Чем глубже и многограннее художественное произведение, тем больше смыслов в нем сокрыто. Возвращаясь к любимым книгам через много лет, мы обнаруживаем в них новые содержания, ранее недоступные нашему пониманию, возможно и такие, о которых не подозревал сам автор. И в многообразии этих содержаний нет противоречия, потому что глубина великих произведений искусства неисчерпаема. То же самое можно сказать и о Великой пирамиде. Нет единственно правильной трактовки ее символики. Скорее всего, в ее форме зашифрованы разные знания и представления, но не все они равноценны. Должно быть некоторое знание, которое превращает все остальные знания в единую систему, задает ее целостность. Очевидно, это должно быть не просто важное для египетских посвященных знание, но такое, которому придавалось особое, первостепенное значение. Что же это за знание? Почему его символом является именно пирамида, а не какая-либо иная форма?

О чем бы мы не рассуждали, наше мышление всегда предопределяется теми представлениями об окружающем мире, которые мы усвоили в семье, школе, и которые прочно закрепились в нашем сознании. Люди верующие, которых я назвал «мистиками», во всем видят проявление Духа Божьего. Материалисты, или «физики», видят все иначе. Они тоже верующие, но верят они не в бога, а в то, что его нет, и видят во всем проявление многообразия самовозникающей и саморазвивающейся материи. Те и другие дают свои объяснения символики Пирамиды. «Физики» полагают, что пирамидальная форма наилучшим образом выражает представление об устройстве древнеегипетского общества. Именно такое видение большинство из нас получает в школе на уроках истории. Вершина пирамиды это обожествленный правитель — фараон, ниже находится высшая элита — жрецы и придворная знать, еще ниже — чиновники и войско, под ними

крестьяне и ремесленники, и вся эта конструкция поддерживается рабами, которые, как нас учили, являются главной производительной силой общества. Может ли форма пирамиды символизировать устройство общества? Может! Но данная иерархическая схема справедлива и по отношению к другим цивилизациям древнего мира. Это говорит о том, что хотя такая трактовка символики пирамиды возможна, в ней нет ничего специфического именно для Древнего Египта. Весьма сомнительно, что египетские властители создали такое грандиозное сооружение только для того, чтобы закрепить в символической форме знание о структуре египетского общества.

Существует и принципиально иное понимание символики Пирамиды. Интересно, что многие трактовки основываются на изображении, которое мы находим на однодолларовой банкноте и Большой печати США. Речь идет о так называемой «разорванной» пирамиде (рис. 5). Казалось бы, какое отношение египетская пирамида имеет к главным символам американской государственности? Не буду задерживать внимание читателя на истории появления этой символики, отмечу только, что ее авторство принадлежит масонам, стоявшим у истоков американского государства.⁴⁴ Сами масоны утверждают, что за этим символом скрывается их видение природы мироздания, уходящее своими корнями в Древний Египет.⁴⁵ Уже одно то, что изображение разорванной пирамиды находится на столь популярной банкноте, привлекает к нему особое внимание и обуславливает самые разные трактовки. Некоторые из них весьма интересны, какие-то содержат отдельные зерна истинны, но есть и такие, которые с моей точки зрения следует упомянуть только для полноты картины. Начну с последних. Их авторы не являются ни «физиками», ни «мистиками». Я бы назвал их «псевдомистиками». Яркими примерами этой группы являются вышеупомянутый генерал Петров с его заговором египетских жрецов и Е. Агнин с его все-

Рис. 5. «Разорванная» пирамида на долларовой купюре США

мирным масонским заговором. Так, Агнин убежден в том, что в верхней части разорванной пирамиды, которая висит в воздухе, засели злые посвященные, хозяева жизни — масоны. В нижней части выпали в осадок обманутые народные массы, лишенные истинного знания рабы. Разрыв между верхом и низом символизирует невозможность для тех, кто не имеет «правильных знаний», перейти на верхний привилегированный уровень. Причину такого положения автор видит в том, что враги человечества масоны вместо проторелигии ввели в обиход лжерелигию, основанную на материалистической теории. Надо сказать, что такие объяснения имеют давнюю историю. Сюда можно отнести средневековые поклепы на евреев, якобы использующих в своих

⁴⁴ Хэнкок Г., Бьюэл Р. Власть талисмана. Тайны посвященных: от египетских жрецов до виновников трагедии 11 сентября. М. : ЭКСМО, 2006, с. 516–517.

⁴⁵ Найт К., Ломанс Р. Ключ Хирама. Фараоны, масоны и открытие тайных свитков Иисуса. М. : ЭКСМО, 2006, с. 473.

обрядов кровь христианских младенцев, «Протоколы сионских мудрецов», жидомасонский заговор и другие подобные измышления, не имеющие ничего общего ни с исторической наукой, ни с желанием познать истину. Не будем относиться к ним серьезно.

Главным отличием разорванной пирамиды является разрыв между верхней и нижней ее частями,⁴⁶ которые символизируют мир божественный и мир земной. Внимание здесь должно фиксироваться не столько на противопоставлении верха и низа, как это делают сторонники теории «масонского заговора», сколько на том, что они являются двумя частями единого мироздания. При этом пирамида выступает как сакральный центр, обеспечивающий взаимосвязь этих двух миров. Другим важным отличием является глаз, вписанный в треугольник — всевидящее око (глаз Бога), указывающий на то, что на вершине находится не фараон, пусть обожествленный, но все-таки человек, и не группа демонов — злокозненных врагов человечества, но сам Бог, постоянно наблюдающий за своим творением. Глаз Бога является одним из важнейших символов Древнего Египта, который мы обнаруживаем на пирамиде — цельном блоке, венчающем пирамиду (рис. 6). Фараон в этой модели занимает верхнюю ступень в иерархии людей, но нижнюю — в иерархии богов. В храме царицы Хатшепсут есть надпись: «Мое имя — во главе всех богов, твое имя — во главе людей».⁴⁷ Отделение верха от низа может трактоваться как неодолимая граница между высшим божественным знанием, которым обладают только посвященные, и низшим знанием, доступным для понимания остального народа. Аналогичное понимание мы находим в готической концепции иерархии света, где каждый ее уровень соотносится с определенным уровнем знания. Чем выше уровень, тем ближе к Богу, тем ярче свет и тем выше знание. И, конечно же, те, кто полагают, что захватившие высшее знание жрецы, масоны или какая-либо еще команда демонических сил препятствуют его широкому распространению исключительно для того, чтобы сохранить свою

⁴⁶ Агнин Е. Возвращение Галатеи. Новая парадигма для Новой эпохи. М.: Издательские решения, 2016.

⁴⁷ Коростовцев М. Религия Древнего Египта. СПб., 2000, с. 159–160.

а

б

Рис. 6. «Глаз» бога:

а — комплекс гробниц Сеннефера, Фивы;

б — пирамидон или «камень бенбен», пирамида фараона Аменемхета III

власть и максимально навредить всему человечеству, не просто ошибаются, но своими идеями сами сеют зерна вражды и зла.

Также следует обратить внимание на еще одну особенность пирамиды, изображенной на американском долларе, которую почему-то не замечают. А именно на то, что нижняя ее часть является трехмерным изображением, а верхняя — двухмерным. Это можно объяснить тем, что нижняя часть символизирует материальный, трехмерный мир, а верхняя — мир божественный, мир в котором нет времени и, соответственно, нет пространства. Вспомним древнеегипетское искусство, в котором третье измерение также отсутствует именно потому, что оно изображает не наш реальный мир, а мир духа, куда человек уходит после смерти. Это является еще одним доказательством того, что масонское понимание мироздания восходит к монотеистическим представлениям египетских посвященных.

Свой подход к пониманию символики Пирамиды предлагают и «мистики». В частности, М. П. Холл считает, что Пирамида была совершенной эмблемой микрокосма и макрокосма. Венчающий ее пирамидион является повторением в миниатюре всей структуры в целом. Поэтому он полагает, что Пирамида может быть уподоблена Вселенной, а венчающий камень — человеку. Тем не менее это не следует понимать так, что человек опять возводится на вершину Пирамиды, как это было в первой схеме, когда в высшую точку помещался фараон. Поясняя свое понимание символики Пирамиды, Холл пишет: «... ум есть венчающий камень человека, дух является венчающим камнем ума, а Бог как прообраз всей структуры — венчающий камень духа».⁴⁸ По его мнению, великой тайной Египта является тайна Единого Бога.

Может быть серьезные труды по символике Пирамиды существуют, но мне найти их не удалось. Как правило, авторы дают свои трактовки без достаточного обоснования, позволяющего считать, что их понимание действительно приближается к форме мышления египетских жрецов. Древнеегипетская цивилиза-

ция прекратила свое существование более полутора тысяч лет тому назад. Письменные источники, в которых сами посвященные могли дать неоспоримый ключ к тайне Пирамиды, не дошли до нашего времени. Скорее всего, их никогда и не было, потому что они хранили свое сакральное знание в строжайшей тайне. Мы не можем рассуждать как древние египтяне, потому что уже давно утратили способность к символическому мышлению. Что же делать? Смириться с тем, что символика Пирамиды навсегда останется неразгаданной? Единственный путь, который может привести нас к истине — попытаться найти подход к египетским тайнам в школах античной философии, близких по духу и форме мышления египетским посвященным.

Философия символа

Как уже отмечалось, скрывая свое знание от соотечественников за тяжелой завесой непроницаемой тайны, египетские посвященные приоткрывали ее чужеземцам. Зачем они это делали? Возможно, для них было важно передать наиболее достойным представителям европейской цивилизации не только свое тайное знание, но и свой образ мышления. Одним из тех немногих, кому жрецы доверили свои тайны, был Пифагор из Самоса (570–490 до н. э.). Пифагор провел в Египте 22 года и был единственным европейцем, достигшим высшей степени посвящения в тайны жрецов.⁴⁹ Это значит, что он стал одним из них, воспринимал мир и мыслил так же, как они. Именно поэтому, вернувшись в Грецию, он стал основателем нового направления античной мысли, принципиально отличного от всех существующих до этого времени. Геродот называл последователей Пифагора «египтянами».

Как писал А. Лосев, «совершенно неправильно думают те, кто считает, что египетские методы мысли в греческой философии возобладали только в позднюю античную эпоху, а именно в эпоху неоплатонизма».⁵⁰ По его мнению, Пифагор и вся его школа сформировались под египетским влиянием. Оно прослеживает-

⁴⁸ Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск : Сибирская издательская фирма РАН, 1997, с. 81.

⁴⁹ Ямвлих. О египетских мистериях. М., 1995, с. 54–55.

⁵⁰ Лосев А. История античной эстетики. Т. 7. Последние века. М. : Искусство, 1980.

ся и у предшественника Пифагора Фалеса, который почитается как основоположник греческой философии, и у его последователя Платона. Известно, что школа пифагорейцев была тайным обществом с очень сложным ритуалом посвящения и жестким запретом на разглашение полученных знаний. Молчание, секретность и беспрекословное повиновение были кардинальными принципами этого ордена. Так же, как египетские посвященные, они знали, что их идеи способны перевернуть всю традиционную мифологию и были убеждены в том, что не следует открывать сокровенное знание столь высокого уровня людям, которые неспособны его принять. Ни один из трактатов, написанных лично Пифагором, не дошел до нашего времени. Возможно, потому что их просто не было — сакральные знания, как и в Древнем Египте, хранились в строжайшей тайне и передавались из уст в уста наиболее доверенным ученикам. Этим объясняется то, что с учением Пифагора мы знакомы только благодаря их трактатам. Поэтому мы не можем рассматривать ни одну из трактовок символики пифагорейских чисел как полностью достоверную.⁵¹ Вместе с тем история жизни Пифагора дает все основания полагать, что его символическая философия и картина мира

⁵¹ Это подтверждает и М. П. Холл: «Некоторые из секретных школ нынешнего времени являются продолжением древних мистерий, и, хотя вполне возможно, что они могут обладать оригинальными числовыми формулами, нет ни одного свидетельства в пользу этого предположения, если исходить из многочисленных сочинений представителей этих групп в последние 500 лет. Эти писания, хотя в них и обсуждается Пифагор, не обнаруживают более полного знакомства с его сложными доктринами, нежели слепопифагорейские спекуляции греков, которые много говорили, мало писали, а знали еще меньше и скрывали свое невежество туманными намеками и обещаниями. Тут и там в их ранних писаниях встречаются загадочные утверждения, которым они не давали себе труда найти интерпретацию». Холл ссылается на специалиста в области масонской символики Альберта Пайка, который писал: «Несомненно имена, данные Пифагором различным числам, были сами по себе загадочными и символическими, и нет никакого сомнения в том, что во времена Плутарха скрытое значение этих терминов было утеряно. Пифагор слишком преуспел в сокрытии своих символов непроницаемым покровом, без всякого устного разъяснения с самого начала» (См.: Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1997, с. 235).

являются непосредственным выражением философии и мировоззрения египетских посвященных. Дело остается за малым — отделить зерна от плевел, разобраться в том, какие мысли действительно могли принадлежать величайшему гению античности, а какие являются вымыслом его интерпретаторов.

Так же, как египетские посвященные, Пифагор исходил из того, что причиной всех вещей во Вселенной является Единый Бог. В то же время так же, как и они, он относился с уважением и к богам традиционной религии, но считал их богами сотворенными, разумными силами, которые действуют во Вселенной. Он признавал существование иерархии полубогов и героев, которые являются посредниками между человеком и Творцом всего сущего. Проведя много лет в Египте, Пифагор вынес оттуда не только идею Единого Бога, не только представление о единстве мироздания, но и символическое мышление своих учителей. Благодаря великим мыслителям античности, символизм египетских мудрецов не канул в Лету с гибелью их цивилизации, он влился в философию Древней Греции и через нее оказал воздействие на всю последующую европейскую культуру. Специфика пифагорейского символизма предопределяется его математической природой. Объединяющим началом всех вещей служат числовые отношения, которые выражают гармонию и порядок всего сущего: познать мир — значит познать управляющие им числа. Пифагор говорил: «Все вещи суть числа». Бог в его картине мира — это Число чисел, он проявляется как закон и сам есть закон. Отсюда следует, что основополагающие принципы мироздания можно выразить только языком математики. Так же, как древнеегипетские жрецы, Пифагор исходил из того, что отдельные числа представляют собой не только инструмент вычисления, не только простую сумму единиц, но обладают самостоятельной смысловой целостностью. Каждое число в его картине мира выражает определенную божественную идею и является ее символом. Именно поэтому А. Лосев называет созданную в пифагорейской школе систему мышления «философией символа».

Познакомившись с историей жизни Пифагора я понял, а вернее будет сказать, ощутил, что именно эта философия и есть воз-

можно единственный для нас путь, который позволит нам приоткрыть завесу тайного знания древнеегипетских посвященных и подойти к разгадке тайны Великой пирамиды.

Ключ к тайне

Узрите треугольник, и проблема на две трети решена... Все вещи состоят из трех.

Пифагор

Великая Пирамида и Триада Пифагора

Поскольку мой интерес к Пифагору вызван прежде всего желанием понять символику Великой пирамиды, основное внимание я уделяю тем числам, которые, вне всякого сомнения, имеют к ней непосредственное отношение. К таким числам относятся в первую очередь единица, двойка, тройка и четверка. Тройка-треугольник и четверка-квадрат являются главными формообразующими элементами Пирамиды. В свою очередь, они включают в себя единицу и двойку. И не случайно, что наибольшее внимание Пифагор уделял именно этим числам. Многие трактовки сходятся в том, что пифагорейская единица есть символ Высшего Бога. Она является неразделимой сущностью, исходным единством или монадой. Двойка (диада) это линия, которая имеет начало и конец — протяженность, — а значит, существует во времени и пространстве. В силу этого диада понималась как символ материи. Тройка (триада) выступала как объединение единицы и двойки, монады и диады, бесконечного мира духа и конечного мира материи. Треугольник позволяет передать в символической форме идею нисхождения Духа в материю и восхождения материи к Духу.⁵² Чем ниже уровень, тем выше степень материальности. И соответственно, чем выше уровень — тем выше степень духовности, которая достигает максимума в вершине треугольника, в точке, символизирующей Высшего Бога. Четверка — число, которое несет на себе

смыслы, выражающие главным образом сущности материального мира.⁵³

Как утверждает Холл, Пифагор учил, что тройка есть первое совершенное число, образующее закон вещей и истинный ключ жизни, что все в природе разделено на три части и что никто не может стать воистину мудрым, пока он не будет представлять каждую проблему в виде треугольной диаграммы. В соответствии с этой точкой зрения, Пифагор разделил Вселенную на три части: Высочайший Мир, Высший Мир и Низший Мир (рис. 7а). Первый мир является духовной сущностью, пронизывающей все вещи, и, следовательно, истинной плоскостью Высочайшего Бога. Второй, Высший Мир, является обиталищем бессмертных, местом архетипов. В третий, Низший Мир, он поместил те создания, которые состоят из материальной субстанции или же заняты трудами над материальной субстанцией. Это обиталище смертных богов, демиургов, ангелов, которые имеют дело с людьми, и демонов, имеющих земную природу. Сюда же он отнес и человечество.⁵⁴ Высочайший Мир не просто один из миров, который существует наряду с двумя другими. Этот мир объемлет их, задает целостность системы мироздания, обеспечивает ее единство. Подобно матрешке, эти миры вложены один в другой. Третий мир существует в природе второго мира, и они оба, Низший и Высший — в природе Высочайшего мира (рис. 7б). В Триаде Бог предстает перед нами через свое Творение. Бог здесь уже не только объект поклонения, но и то, что можно познавать — постижимый Бог. Именно идея Единого Бога, объемлющего весь Универсум, пронизывающего каждую вещь в нем, идея единства мироздания, является основополагающей для всей философии Пифагора. Такая картина мира, закреплённая в Триаде — одним из главных ее символов, могла сформироваться в его сознании только под воздействием монотеизма египетских жрецов. Безус-

⁵² Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 238.

⁵³ В отличие от динамической целостности, символизируемой числом 3, число 4 является образом статической целостности, идеально устойчивой структуры. Отсюда — использование числа 4 в мифах о сотворении вселенной и ориентации в ней: 4 стороны света, 4 времени года, 4 стихии (огонь, вода, земля, воздух) и т. п.

⁵⁴ Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1997, с. 226.

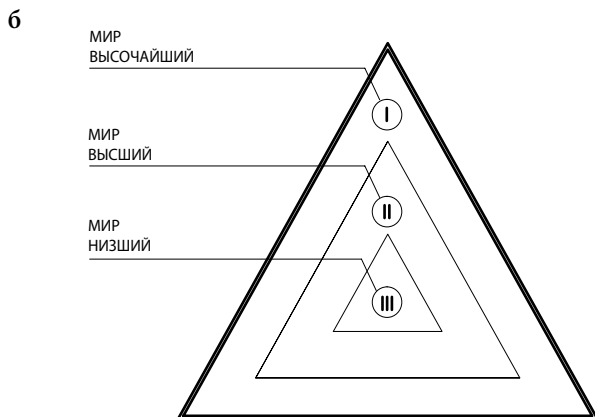
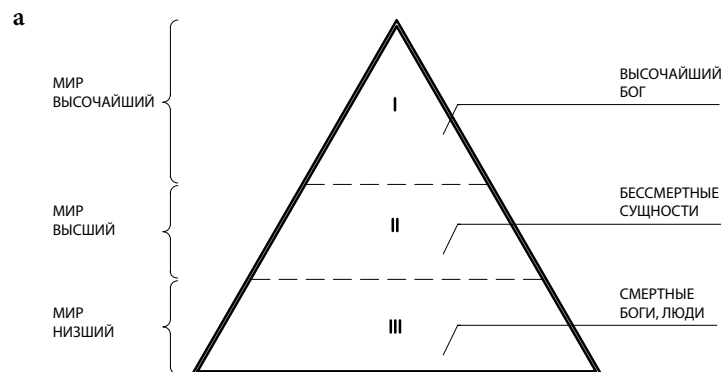

Рис. 7. Триада Пифагора:

а — Высочайший Мир, Высший Мир и Низший Мир,
б — Низший и Высший Мир — в природе Высочайшего мира

ловно, эта идея являлась центральным содержанием их тайной доктрины. Поэтому с высокой степенью достоверности мы можем предположить, что эта же идея является ключом к пониманию символики Пирамиды.⁵⁵

Как уже отмечалось, ни одна из известных пирамид не имеет такого сложного внутреннего устройства, как пирамида Хеопса. Если мы посмотрим на нее через призму Триады, то увидим, что гигантская нерасчлененная масса камня волшебным образом преобразуется в форму, обладающую ясной внутренней структурой. Перед нами предстают три пифагорейских мира, связанных в единой системе божественного мироздания. Верхняя часть Пирамиды представляет собой Высочайший Мир, символом которого является глаз в треугольнике, венчающий масонскую «разорванную» пирамиду. Средняя часть — пространство между камерой Царя и пирамидионом, — выступает как Высший Мир. Все пространство, находящееся ниже камеры Царя, представляет собой Низший Мир. Этот мир в свою очередь подразделяется еще на три мира: мир смертных богов, мир людей и мир мертвых. Если для нас соединение живых и мертвых в одном мире кажется совершенно невозможным, выходящим за рамки здравого смысла, то для древних египтян это было вполне нормальным — они были убеждены в том, что загробная жизнь является непосредственным продолжением земной жизни.⁵⁶ В теле Пирамиды присутствует явное указание на границы, отделяющие один мир от другого. Пирамидион обозначает Высочайший Мир. Граница между Высшим и Низшим миром проходит через камеру Царя. Мир смертных богов отделяется от мира людей уровнем, на ко-

⁵⁵ Есть и другие трактовки трех миров Пифагора. Эдуард Шюре полагает, что речь идет о Мире Божественном, Мире Человеческом и Мире Естественном.

⁵⁶ Уже во времена V династии были сформулированы представления о существовании области Сехет-Аару, куда, как надеялись по крайней мере некоторые благочестивые египтяне, отправляются души. Мы не располагаем никакими данными о том, где находилась эта область, и тексты не дают ключей к разгадке ее местоположения. Некоторые исследователи считают, что она лежит к востоку от Египта, но с большой вероятностью можно предположить, что она находилась в одном из районов Дельты, в северной или северо-восточной его части (См.: Бадж У. Египетская религия. Представления египтян о загробной жизни. М. : Новый Акрополь, 1996).

тором находится камера Царицы.⁵⁷ И, наконец, граница между миром людей и миром мертвых находится на уровне Подземной камеры. Интересно, что линия, проведенная через центр камеры Царя, находится на одинаковом расстоянии от уровня подземной камеры и от вершины Пирамиды. Что это: случайность или продуманное решение, основанное на особом понимании устройства мироздания? Я полагаю, что в структуре Пирамиды, размещении ее камер и уровней нет и не может быть ничего случайного. Центр камеры Царя расположен точно на уровне, отделяющем мир высший от мира низшего, мир бессмертных богов от мира смертных людей. Это соответствует древнеегипетской максиме: что вверху, то и внизу. Если это так, тогда это тот уровень, который душа фараона пересекает во время инициации.

В этой системе положение внутренних камер получает свое логическое обоснование — все они являлись порталами или пространствами перехода из одного мира в другой, в которых осуществлялся ритуал инициации, когда проходящий его приобретает новое, более высокое, духовное качество.⁵⁸ Именно это имел в виду иудейский философ и богослов Филон Александрийский (25 г. до н. э. — 50 г. н. э.), излагая свое понимание предназначения пирамиды: «Созданиями подобного рода люди возносятся к богам, а боги спускаются к людям».⁵⁹ Бог в этом миропорядке не Демиург, взирающий на свое Творение как бы со стороны, как на нечто завершенное и живущее по своим законам. Это Бог, который объемлет свое Творение, присутствует на всех его уровнях, пронизывает светом своего духа каждую его мельчайшую частицу. Это Бог, в котором Творец и Творение находятся в неразрывном единстве, представляют собой одно целое.

Может ли быть случайностью, что египетские жрецы и Пифагор, который провел долгие годы у них в обучении и получил высшую степень посвящения в их тайны, придавали важней-

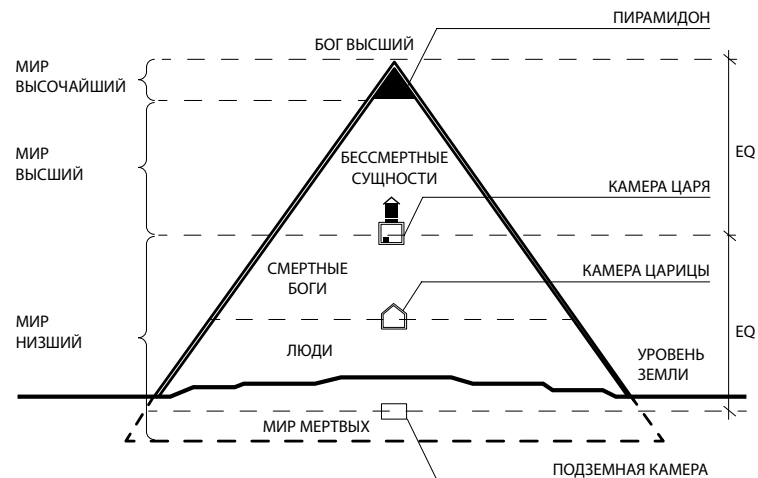

Рис. 8. Триада Пифагора и Великая пирамида

шее сакральное значение одним и тем же числам? С моей точки зрения, ответ однозначен — нет, это не случайность! Вершина Пирамиды — символизирует Единого Бога — Творца всего сущего, — как исходную точку бытия. В пифагорейской Триаде, как и в Древнем Египте, она обозначалась единицей. Основание пирамиды это диада — символ материи. Внутри Пирамиды выделяются три мира и, наконец, общий контур пирамиды это триада-треугольник, объединяющая бесконечного Бога и конечную материю в единое целое. Такое разделение Пирамиды на три части соответствует трем мирам Пифагора и отражает картину мира древнеегипетских посвященных. Полная аналогия символики Триады и Великой пирамиды для меня совершенно очевидна (рис. 8).

Казалось бы, ключ к разгадке главной тайны Великой пирамиды найден — картина мира Пифагора, выраженная в его Триаде, и есть то тайное знание, которое жрецы скрывали от своих современников, и в то же время делали все возможное, чтобы сохранить его для тех отдаленных времен, когда люди смогут применить его на благо человечества. Если так, тогда получается, что тройка (триада) и есть самое главное число Пифагора. Но существует обстоятельство, которое заставляет нас усомниться

⁵⁷ Название чисто условное, дано арабами, так как их женские гробницы имели двускатную кровлю в отличие от мужских, однако жёны фараонов всегда хоронились отдельно, по соседству, в небольших собственных пирамидах.

⁵⁸ Описание инициации Платона мы находим у Ямвлиха, Э. Шюре и М. Холла.

⁵⁹ Замаровский В. Их величества пирамиды. М., 1986, с. 21.

в этом выводе. Пифагорейцы действительно почитали триаду как священное число Учителя, которое обозначало единство Творца и Творения. Трудно представить, что может быть выше этого. Тем не менее считается, что в этом учении есть еще более священное число — это четверка Пифагора, Тетрада или Тетрактис.

Тетрактис

Клянусь именем того, кто дал нам Тетрактис, в котором есть исток и первопричина вечно живой Вселенной.

Пифагорейская клятва

В Древней Греции до III века до н. э. цифрами служили первые буквы слов, обозначавших соответствующие числа. Для десятки, по гречески — дека, использовалась первая буква этого слова «дельта» — Δ. Мы видим, что это треугольник. Случайно ли то, что число «10» обозначалось символом, который на первый взгляд больше подходит для изображения цифры «3»? Известно, что тройка в пифагорейском учении занимала очень важное место, но в данном случае буква «Δ» обозначает не Священную Триаду, а еще более великий для этого учения символ — Тетрактис или Божественную Десятку, которая почиталась Пифагором как самое совершенное число. И, конечно же, для его обозначения должен был быть выбран самый совершенный символ. Но при чем здесь треугольник? — спросите вы. Мог ли великий мыслитель — создатель символической философии, допустить случайность в работе с числовой символикой? Все, что мы знаем о Пифагоре, говорит о том, что это было в принципе невозможно. Казалось бы, речь идет о всего лишь отдельно взятом знаке-символе, обозначающем некоторое число, но на самом деле через этот символ просвечивается вся картина мира величайшего философа. Поэтому для того, чтобы реконструировать ход его мысли, мы должны понять, в чем заключается мистическая связь триады (тройки) и декады (десятки), Триады и Тетрактиса.

Пифагорейцы клялись именем Тетрактиса и это, как писала Е. Блаватская, была самая обязывающая клятва, которой они придавали особое, исключительно важное значение. Пифагор утверждал, что Тетрактис связывает все вещи, числа и элементы. Ничто не может быть поименовано, что не опирается на Тетрак-

тис. Это Причина и Делатель всех вещей.⁶⁰ Философ-платоник Теон из Смирны (I–II вв. н. э.) писал, что десять точек, или Тетрактис Пифагора был символом огромной важности, потому что острому уму он открывал тайну универсальной природы. Что же такое Тетрактис (Тетрада), и что в нем есть такого, что делает его более совершенным, чем Триада, которая также почиталась как основа всех вещей? Тетра — по гречески четыре. Означает ли это, что четверка в иерархии пифагорейских чисел обладает более высоким рангом, чем тройка? И почему треугольник, обозначающий Священную Десятку, называется Тетрактисом, т. е. четверкой? Несмотря на большое количество литературы по философии и математике Пифагора, для меня эти вопросы оказались совсем не простыми. Интуитивно я чувствовал, что без ответа на них мы не сможем приблизиться к пониманию символики Пирамиды.

Я начал со сравнения определений Триады и Тетрады. Оказалось, что такой путь не ведет к ясному пониманию их принципиального отличия друг от друга. Мысль об исключительной важности Тетрактиса повторяется практически всеми, кто упоминает этот символ. Однако это утверждение, как правило, делается без какого-либо серьезного обоснования. Так, в одних текстах утверждается, что Триада (тройка) символизирует объединение Бога и материи, в других — что единство Бога и Вселенной есть главное содержание Тетрады (четверки). Получается, что каждый из этих символов объемлет все мироздание. Само название «тетрактис» или «тетрада» указывает на то, что число «четыре» играет особую роль в этом символе. Тем не менее большинство определений Тетрактиса начинается с того, что он представляет собой равносторонний треугольник. Но то же самое, как мы уже знаем, относится и к Триаде. Где же здесь четверка? Мы видим ее в трех уровнях, образующих три мира Пифагора, и еще одном уровне, который проходит через вершину треугольника — четыре уровня Высшего Бога (рис. 9а). Но все это можно

⁶⁰ Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1997, с. 247.

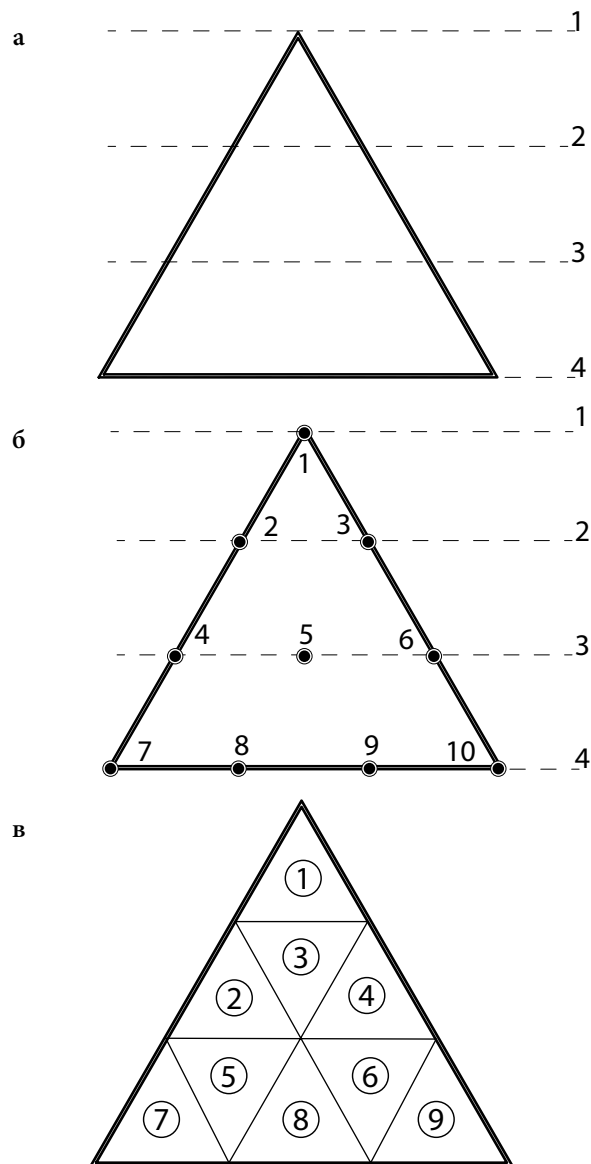

Рис. 9. Тетрактис:

а — четыре уровня; б — десять точек; в — девять треугольников

увидеть и в Триаде. Где же то отличие, которое позволяет нам говорить о Триаде и Тетрактисе как о двух разных символах?

Специфика Тетрактиса начинает проявляться только тогда, когда мы узнаем, что этот символ представляет собой десять точек, расположенных внутри треугольника на упомянутых выше четырех уровнях (рис. 9б). Эти точки имеют столь большое значение, что их количество обуславливает еще одно название этого символа — Священная Декада. Мы видим, что здесь к числам, образующим триаду, добавляется еще одно число — четверка. Сумма этих чисел ($1 + 2 + 3 + 4$) равна десяти. Пифагорейцы почитали десятку как символ абсолютного совершенства, который, по их мнению, включает в себя всю полноту мироздания. Это, как правило, объясняется тем, что числа от единицы до четырех являются основой всех остальных чисел, а следовательно, и основой всего, что существует в мироздании. Тем не менее для меня по-прежнему остается загадкой, почему для Пифагора числа «четверка» и «десятка» значили больше, чем все другие, и даже больше чем такое великое число, как тройка? Свой ответ на этот вопрос я дам дальше.

Соединив десять точек Тетрактиса особым образом, мы разделяем треугольник еще на девять треугольников (рис. 9в). Каждый из них представляет необходимую часть мироздания, которая играет свою роль в общей системе. В Тетрактисе они перекрывают все мироздание, включая сферу или мир Высшего Бога. Почему же тогда все это называется декадой, если сфер всего девять? Может ли быть, что девяти сферам придавалось значение меньшее, чем десяти точкам? Думаю, что нет. Здесь опять возникает некоторый дискомфорт — есть ощущение движения в правильном направлении, но по-прежнему нет полного понимания логики символа. Есть только догадка, гипотеза — возможно, в схеме Тетрактиса не хватает еще одной составляющей. Для того, чтобы назвать Тетрактис священной четверкой и отличить его от Триады, здесь явно не хватает удельного веса числа «четыре», а для того, чтобы оправдать титул Священной Декады, не хватает мощности числа «десять». В обоих случаях не хватает еще одной единицы. Рискну предположить, что это может быть еще одна десятая сфера, которую почему-то Пифагор не считал возможным изобразить в ряду

других девяти. И возможно, что он придавал этой сфере особое, исключительное значение.

Десятый элемент

Можем ли мы допустить, что такой великий философ и логик, как Пифагор не осознавал, что треугольник — символ Триады, даже со вписанными в него десятью точками, не позволяет раскрыть всю полноту Тетрактиса? Будучи создателем обоих этих великих символов, он не мог не знать, в чем заключается их главное отличие друг от друга, но почему-то скрывал свое знание даже от своих учеников. Возникает вопрос: зачем он это делал? Вспомним, что Пифагор был египетским посвященным самого высокого уровня — так же, как и они, он строго соблюдал тайну священного знания. Приоткрывая ее только частично самым близким своим последователям, он надежно прятал самое главное, сокровенное знание за плотной завесой числовой символики. Поэтому я рассматриваю Великую Тетраду, или Тетрактис, по аналогии с Великой пирамидой, как тайное знание, которое великий философ оставил будущим поколениям с надеждой на то, что они не только смогут правильно его понять, но и достойно им распорядиться. Так же, как и египетские жрецы, Пифагор не хранил это знание навечно, но оставлял возможность для будущих поколений найти путь к его пониманию. Он как бы задавал задачу, и в то же время подсказывал или давал намеки, в каком направлении должна следовать мысль, чтобы прийти к правильному решению.

Первая подсказка, на мой взгляд, заключается в том, что Священный Тетрактис (Тетрада) называется также и Священной Декадой. Как уже говорилось, пифагорейцы объясняли высшую природу Тетрады по сравнению с Тριάдой тем, что она рождается из суммы первых четырех чисел ($1 + 2 + 3 + 4 = 10$). Это объяснение само по себе не кажется мне достаточно убедительным. Давайте вспомним, что Пифагор в своей Тριάде разделял все мироздание на три мира, и допустим, что эти миры обозначены единицей, двойкой и тройкой ($1 + 2 + 3$). Тетрада отличается от Триады только тем, что в ее схеме добавляется число четыре. Казалось бы, сопоставимость этих символов мироздания можно обеспечить только в том случае, если число четыре также обозначает некоторый мир. Однако упоминаний об этом четвертом мире мы

нигде не находим. Как уже говорилось, Триада объединяет в себе три мира, каждый из которых находится над соответствующим уровнем. Число четыре мы обнаруживаем только тогда, когда проводим еще один уровень через вершину треугольника, т. е. через точку, обозначающую Высшего Бога. Получается, что мы имеем четыре уровня, но только три мира. Следуя принципу построения данной схемы, можно допустить, что для ее полноты не хватает еще одного — четвертого мира. Но мы знаем, что в Тριάде уже присутствуют все миры, включая Высочайший мир или Мир Высшего Бога. Если Пифагор называет Тетрактис символом абсолютного совершенства, то получается, что он подводит нас к мысли о том, что есть еще нечто, более высокое, чем Триада, и, соответственно, более высокое, чем Мир Высшего Бога. Возможно ли это? Трудно представить себе такое, однако логика схемы явно подталкивает нашу мысль в этом направлении.

Вторая подсказка содержится в легенде о храме Муз, который, как полагает Э. Шюре, был построен по плану и личным указаниям Пифагора рядом с его жилищем.⁶¹ Внутри этого круглого храма находились девять мраморных муз. В центре стояла богиня Гестия, закутанная в покрывало, торжественная и таинственная. Левой рукой она защищала пламя очага, правой рукой указывала на небо. В древнегреческом пантеоне музы были земными образами божественных сил, а Гестия — хранительницей божественного начала, которое скрыто во всех вещах. Вопрос заключается в том, сколько фигур было в храме Пифагора. Стобей приводит описание системы мира Филолая (470–400 до н. э.), который был первым, кто перенес идеи Пифагора на бумагу. Филолай, по его мнению, исходил из того, что в центре мироздания находится незатухающий огонь, который окружают десять божественных тел. Значит ли это, что речь идет о десяти телах, кроме центрального огня? С моей точки зрения маловероятно, что Филолай не относил этот огонь к божественным телам. Если я прав, тогда получается, что в храме было не десять, а одиннадцать таких тел.⁶² Возможно ли это? Скорее всего, Стобей допустил здесь неточность. Как мы знаем, в пифагорей-

⁶¹ Ямвлих. О Пифагоровой жизни. М., 2002; Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 273.

⁶² Stabaeus, i. 22. I d.

ском учении самым совершенным числом является число 10, и, конечно же, Филолай не мог об этом не знать. Трудно поверить, что для выражения всей мыслимой полноты мироздания он мог использовать какое-либо иное число.

Этот храм, независимо от того существовал он или нет, так же как и Тетрактис символизировал представление Пифагора о мироздании. Очевидно, что девять муз соответствуют числу маленьких треугольников — девяти сферам бытия в Тетрактисе. Здесь так же, как и в первой подсказке, явно указывается на то, что в картине мира Пифагора должна присутствовать еще одна сфера или десятый элемент. Именно это имел в виду Аристотель, указывая на то, что Филолай добавил десятое невидимое тело, которое он называл Противоземля (Counter-Earth), т. к. без него было бы только девять вращающихся тел, тогда как теория пифагорейских чисел требует присутствия десятого элемента.⁶³ И это должна быть не просто сфера в ряду остальных девяти сфер, но действительность, имеющая центральное значение, я бы сказал, такая сфера, которая окончательно замыкает картину мира Пифагора. Как мы знаем, в античной философии огонь рассматривался как первоначальная причина физического или чувственного мира, но, в отличие от таких философов, как Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит, пифагорейцы видели в нем не материальную, но духовную природу. Огонь для них был не одной из стихий, не первовеществом, но символом божественного начала бытия. Поэтому символом этой десятой сферы в храме Пифагора может быть только центральный огонь Вселенной, божественный разум, охраняемый Гестией.

Возможно, храм Муз это только красивая легенда. Тем не менее не вызывает сомнения, что ее создатель был не просто знаком с символикой пифагорейских чисел, но хорошо понимал скрытое за ней тайное содержание. Он знал, что для того, чтобы Тетрактис мог считаться завершенным символом и, соответственно, передавать картину мира Пифагора во всей ее полноте, необходимо дополнить число сфер до десяти. Если раньше у меня была только гипотеза существования этого элемента, то сейчас можно с уверенностью сказать, что десятая сфера Тетрактиса действи-

тельно есть. Что же это за таинственная сфера и где она может находиться?

Причина причин

Именно на существование десятой сферы намекает Пифагор, утверждая, что Тетрактис, или Священная Декада, является еще более полным представлением о мироздании, чем Триада. Что же она собой представляет? Для того, чтобы продвинуться к разгадке этой тайны, мы должны вернуться к истокам пифагорейской мудрости — в Древний Египет. Как уже отмечалось, в египетской религии переплетались монотеистические и политеистические представления. В ней мы находим множество антропоморфных и зооморфных божеств, и в этой же религии есть представление о Едином Боге, которое было доступным только интеллектуальной элите — высшему жречеству. Но и среди посвященных не было единства в понимании природы Высшего Бога. Как уже отмечалось, Ра — великий бог Гелиополя, так же как Амон — главный бог Фив, были богами в той или иной степени материальными. В отличие от них, бог жрецов Мемфиса Пта почитался как не имеющий начала самосущий дух, единственная причина бытия. В текстах разных периодов мы находим указание на то, что богов, имеющих невидимую духовную природу, нельзя постигнуть умом, нельзя увидеть и поэтому нельзя изобразить:

«Бог есть дух, скрытый дух, дух духов, великий дух египтян, божественный дух».

«Бог есть сокрытое Существо, и ни один человек не знает Его образ. Ни один человек не может искать Его облик; Он скрыт от богов и людей, и Он — тайна для своих творений».

«Ни один человек не знает, как познать Его. Имя Его остается сокровенным. Имя Его — тайна для детей Его. Имена Его бесчисленны, они различны, и никто не знает число их».

«Его нельзя изобразить в камне фигурами (...) Его нельзя увидеть. Ему нельзя служить (...) Где Он, никто не знает. Ни одна обитель не может вместить Его. Нет никого, кто указал бы путь к Его сердцу».

Вместе с тем в древнеегипетской религии существовала развитая иконография практически всех божественных персо-

⁶³ Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976, с. 76.

нажей, даже такого великого Бога-Духа как Пта. Казалось бы, явное противоречие. Но может быть, никакого противоречия здесь нет; может, изображения богов отражают представления основной массы египтян, а акцент на невидимой природе Бога, делающей невозможной саму мысль о его изображении, является выражением представлений египетских посвященных о двойной природе богов? С моей точки зрения, изображение богов само по себе указывает на материальный аспект их существования или включенность в жизнь чувственной Вселенной, а указание на то, что каких-то богов изобразить невозможно в силу их невидимой природы, относится к другой, более высокой форме божественного бытия, известной только высшим посвященным.

Это подводит к мысли о том, что в древнеегипетской религии складываются представления о Высшем Боге не только как о некотором первоначале как причине бытия, но и как о «причине причин», т. е. о причине существования самого Бога. Подобные представления получают развитие в герметическом учении и в неоплатонизме. Объясняя своему ученику Асклепию, что есть Бог, Гермес говорит: «Бог не Ум, но причина существования Ума, Бог — не Дух, но причина существования Духа, Бог не Свет, но причина существования Света».⁶⁴ Очевидно, что если Пифагор был египетским посвященным высшего ранга, он не мог не знать о существовании подобных представлений. Если знание о Боге, как о Высшем Духе — причине мироздания (о Боге постижимом), было в символической форме зафиксировано в Триаде, то представление о Боге как о «причине причин» (о Боге непостижимом) возможно, и является тем тайным знанием, которое зашифровано в Тетрактисе.

Божественная рефлексия

Ничто не может быть невидимым,
даже вещи, не имеющие тел. Ум видит
себя в мышлении, Бог — в творчестве.

*Corpus Hermeticum*⁶⁵

Триада Пифагора это символическое изображение его картины мира, объемлющее причину или идею бытия и само бытие как

ее реализацию. Другими словами, Триада вмещает в себя Высшего Бога в процессе творения, все этапы этого процесса и само творение. Тем не менее как мы уже говорили, пифагорейцы считали Тетрактис более совершенным символом, который объемлет Триаду и еще нечто такое, чего в ней нет. Весь ход моего рассуждения приводит к заключению, что этим «нечто», является таинственная «причина причин» или десятый элемент Тетрактиса, который представляет более высокую сферу существования Высшего Бога, чем та, что присутствует в Триаде. Но что может быть выше Высшего Бога? Что может быть такого, что Пифагор не считал возможным графически обозначить в треугольном символе Тетрактиса, который, по его убеждению, включал в себя всю полноту бытия? Полагаю, что великий философ знал ответ на этот вопрос, но считал необходимым скрывать свое знание даже от своих учеников. Такого рода знание и могло быть самой сокровенной тайной древнеегипетских посвященных и Пифагора.

Мысль о том, что Тетрада (Тетрактис) содержит в себе некоторую действительность, выходящую за пределы Триады, мы находим у Е. Блаватской, которая пишет о том, что Тетрактис означает первичную Триаду, погруженную в Божественную Монаду.⁶⁶ Эту мысль повторяет и Э. Шюре.⁶⁷ Но мы знаем, что Триада вмещает в себя Высшего Бога, который обозначается единицей, находящейся в вершине треугольника. Мы также знаем, что единица это Монада. Получается, что Блаватская говорит о погружении Монады в Монаду, что по сути является погружением Высшего Бога в самого себя. Понятно, что речь здесь идет не о физическом погружении одного тела в другое. Что же это может быть? Что может быть тем «зеркалом», в котором может отразиться не только все мироздание, но и его Творец? Идея монотеизма подводит нас к единственно возможному ответу: это может быть только само Божественное сознание. С моей точки зрения, Блаватская имеет в виду то, что можно назвать божественной рефлексией или замыканием божественного сознания на само себя. Такое же понимание мы находим в античной фило-

⁶⁴ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 141.

⁶⁵ Там же: с. 141.

⁶⁶ Блаватская Е. Теософский словарь. М.: ЭКСМО, 2003, с. 509–510.

⁶⁷ Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 279.

софии, в частности у Аристотеля, который определял рефлексию как *сознание, направленное на сознание, как божественный разум, который полагает себя в качестве предмета*.⁶⁸ Аналогичное понимание мы встречаем в одном из самых известных текстов, входящих в Corpus Hermeticum: «Он (Бог) является не чем иным, как тем, что *Он мыслит Сам о себе*».⁶⁹ О том, что Божественное осознает само себя, мыслится собою, писал неоплатоник Ямвлих: «Превыше истинно сущего и всех начал стоит Единый Бог, превосходящий даже самого первого бога (...) Благодаря этому единому (...) *Бог освещает самого себя* и не нуждается в посторонней помощи. Ведь он — начало и Бог богов, единица из единого, предсущность и начало сущности (...) Ведь он сам — предсущее сущности».⁷⁰ Из сказанного выше можно с большой степенью вероятности допустить, что десятый элемент Тетрактиса является еще одной стороной, вернее еще одной формой бытия Единого Бога — той, которую я называю *Божественной рефлексией*. Именно присутствие этого элемента в Тетрактисе и есть его главное отличие от Триады. Выше него ничего быть не может — он включает в себя все — даже самого Бога-Творца.

Бог в Триаде — это Бог Творец, Создатель, это Божественное сознание, которое, подобно художнику, работающему над картиной, сосредоточено на результате своей деятельности. Бог в Тетрактисе — это тот же Творец, но здесь он уже подобен художнику, который смотрит на себя со стороны, из внешней позиции, размышляет о методе своей работы, сопоставляет цель своей работы с имеющимися средствами ее достижения. Центр тяжести переносится с результата деятельности на осмысление самой деятельности. Бог в Тетрактисе — это Творец, который полагает себя в качестве объекта своей мысли, разум, сосредоточенный сам на себе, та форма бытия Бога, которую мы здесь рассматриваем как Божественную рефлексию. С этой точки зрения, Триада охватывается Тетрактисом, а десятый элемент Тетрактиса — Божественная рефлексия, выступает как высшая по отношению

к Триаде форма Божественного бытия. Пифагор называет десятку совершенным числом, потому что она, включая в себя все мыслимые сферы бытия Творца и Творения, является элементом, замыкающим систему мироздания. Выше него в пифагорейской картине мира ничего нет и быть не может. Это и есть истинный монотеизм, когда все объемлется Единым Богом: чувственный мир, Бог как его причина и Бог как Причина причин. Такое понимание позволяет объяснить то, что число десять у пифагорейцев почиталось как самое священное число, а Тетрактис назывался Священной Декадой.

Если Триада дает нам представление о мире, данном нам в ощущениях, мире феноменальном, в котором даже Бог может быть познан через результаты процесса творения, то Тетрактис возносит нас к более высокому пониманию Бога — к пониманию Бога непостижимого. Этот важнейший для Пифагора символ выводит наше сознание за пределы Триады и погружает его в глубины трансцендентного мира. Речь не идет о существовании еще одного Бога, еще более высокого, чем Бог, представленный в Триаде, а о более глубоком понимании того же самого Бога, понимании еще одного аспекта его бытия. В этом аспекте он не творит мир, а осознает себя как его Творца, осуществляет то, что мы назвали Божественной рефлексией. Здесь он предстает как то, что не может ассоциироваться не только с материей в любом ее виде (даже с духом), но даже с идеей материальности. В этом аспекте, который мы обозначили как десятый элемент (десятая сфера) Тетрактиса, Бог не может быть представлен в какой-либо ощущаемой форме, он не может быть обозначен ни одним из натуральных чисел и не может иметь имени. Именно поэтому Тетрактис не имеет своей собственной формы — для его изображения используется форма Триады. Этим можно объяснить древний запрет на изображение Бога, который в наши дни присутствует в иудаизме и исламе, и который мы находим в Ветхом завете. По этой же причине Великая пирамида отражает в своей внешней форме и организации внутреннего пространства картину мира, воплощенную в Триаде, но не содержит в себе явных элементов, позволяющих определенно соотнести ее символику с символикой Тетрактиса.

⁶⁸ Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1976, с. 316.

⁶⁹ Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 51.

⁷⁰ Ямвлих. О египетских мистериях. М., 1995, с. 205.

Число «нефер»

В философии Пифагора все сущее имеет числовое выражение, вернее, обозначается числовыми символами. Как писал А. Лосев, пифагорейство это прежде всего философия числа, которая резко отличалась от древнегреческой натурфилософии, стремившейся свести все существующее к той или иной материальной стихии (вода, воздух, огонь, земля).⁷¹ Мы знаем, что равносторонний треугольник, изображающий Тетрактис, подразделяется на девять маленьких треугольников, символизирующих сферы Божественного бытия. Каждая из этих сфер обозначалась определенным числом. Логично предположить, что и десятый элемент Тетрактиса — Божественная рефлексия, — также должен иметь свой числовой символ.

Поскольку речь идет о десятой сфере Тетрактиса, первая мысль, которая кажется вполне логичной, это то, что таким числом-символом должна быть десятка. Но не будем спешить с выводами. В ряду натуральных чисел чем больше число, тем больше его количественная значимость, «масса». Само название говорит о том, что эти числа связаны с натурой, природой, материей. В ряду символических чисел — все наоборот. Высшее число с точки зрения символической философии не то, которое больше, а то с которого начинается мироздание — это единица как символ Бога. Единица — это точка, нечто, что не имеет протяженности и, в силу этого, существует вне времени. Будучи помещенной в определенную систему координат, она может быть зафиксирована в пространстве как начало созидательного процесса, начало, содержащее в себе идею всего мироздания и алгоритм его развертывания. Единица как символ Бога или Монада еще не есть материя, но она уже обременена материальностью. Чем больше число в ряду символических чисел, тем большую степень погруженности в материю оно означает. Поэтому в пифагорейской Триаде сфера бытия Высшего Бога, которая ближе к вершине треугольника, — является первой, выс-

шей, а Низший мир, расположенный в нижней части, является третьей сферой. То же самое мы видим и в Тетрактисе. Сфера в его вершине — это первая сфера, а девятая сфера находится в самом низу. Это говорит о том, что символом Божественной рефлексии, которая есть высшая форма бытия Бога, не может быть ни одно из пифагорейских чисел (от единицы до девятки). Следуя этой логике, мы должны признать, что десятка тем более не может выступать в этой роли. Я полагаю, что мысль о том, что десятка есть самое совершенное число, следует понимать не как ее назначение на роль символа десятого элемента Тетрактиса, а только как указание на то, что такой элемент существует. Тем не менее если Пифагор признавал существование этой сферы, то в соответствии с его же философией она обязательно должна иметь свой числовой символ. Какое же число может выступать в этом качестве?

Попробуем в этом разобраться. Платон понимал Бога как Идею идей. То, что в его философии стало формами или чистыми идеями, в философии Пифагора было числами. Он утверждал, что Бог — это Число чисел.⁷² Если под «числами» в этом выражении понимать многообразие чисел, начиная с единицы, символизирующих все сущее в мироздании, тогда что такое Число чисел? С моей точки зрения, вопросы о том, какое число является Числом чисел, какое число является символом десятого элемента и какое число может быть символом сферы Божественной рефлексии — это один и тот же вопрос. Как мы уже говорили, речь идет о числовом символе, который не должен ассоциироваться с материей ни в каком ее виде и, в силу этого, не может быть ни одним из натуральных чисел. Это должно быть такое число, которое способно символизировать то, что имел ввиду Гермес, объясняя своему ученику Асклепию, что есть Бог как Причина причин.

Единственным числом, никоим образом не связанным с материальным бытием, является ноль. В традиционном понимании ноль располагается в одном ряду с натуральными числами. Он может быть началом отсчета, может выполнять

⁷¹ Лосев А. История античной эстетики. Т. VI. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980, с. 15.

⁷² Fabre d'Olivet Antoine. The Golden Verses of Pythagoras. New York, Publisher: Solar Press, 1995.

функцию разделения положительных и отрицательных чисел, может являться средством обозначения разряда чисел (1, 10, 100, ...). При этом сам ноль собственного содержания не имеет. Я же рассматриваю ноль с точки зрения символической или, если хотите, мистической математики. Здесь, как уже говорилось, все обстоит совсем по-другому — здесь ноль приобретает свое собственное содержание. Если все остальные цифры отягощены идеей материи, то ноль является единственным числом, символизирующим ее полное отсутствие. В одной из работ, затрагивающей вопросы мистической математики, мы читаем: «Ноль по Пифагору это ничто — пустота: то из чего все рождается (...) это средоточие всех скрытых возможностей, которые, проявляясь, превращаются в нечто — единицу, единое начало мира».⁷³ Я разделяю точку зрения автора о том, что Пифагору было знакомо число ноль. В то же время такое понимание нуля как первичного начала, из которого все формируется, созвучно материалистической по своей природе античной теории «хаоса», что, на мой взгляд, противоречит самой сути пифагорейского учения. Как известно, согласно этому учению исходным началом чувственного, материального мира является Единый Бог, символом которого выступает не ноль, а единица. Я исхожу из того, что у Пифагора ноль это не полная пустота или «ничто». Ноль это символ Единого Бога, но не Бога творящего, а Бога, осознающего себя как Творца. Именно поэтому только такое число, как ноль, может быть символом десятого элемента Тетрактиса, символом инобытия Единого Бога — символом сферы Божественной рефлексии.

Может быть, мы приписываем Пифагору знания, которых у него не было? Может быть, он ничего не знал о таком числе, как ноль? Никаких письменных источников, подтверждающих обратное, у нас нет. Более того, существует мнение, что греческая математика его эпохи такого числа не знала. В своем обосновании использования ноля как символа десятой сферы Тетрактиса я исхожу из того, что источником философии Пифагора, в частности его математических знаний и представлений о символике

⁷³ Асия. Код характера: судьба и свободная воля. СПб. : Издательская группа Вест, 2011.

чисел, является Древний Египет. Учитывая, что Пифагор был единственным европейцем, достигшим высшего уровня посвящения в тайное знание египетских жрецов, логично предположить, что он овладел и всей премудростью их эзотерической математики. Но было ли у самих посвященных знание о числе ноль? Как и по многим другим актуальным вопросам древнеегипетской истории, здесь так же существуют принципиально разные точки зрения. Одни ученые утверждают, что нет никаких убедительных свидетельств в пользу того, что слово, обозначающее число ноль, существовало в языке египтян. Как правило, в их трудах преуменьшается воздействие египетской культуры на философию и математику Древней Греции, которая рассматривается ими как самостоятельный феномен, как «греческое чудо».⁷⁴ Другие ученые, ссылаясь на известные артефакты, доказывают, что древние египтяне использовали ноль в бухгалтерии и при строительстве пирамид минимум 1700 лет до н. э. Ноль обозначался словом «nfr» (нефер) и специальным символом (рис. 10), что само по себе является доказательством существования концепции ноля в культуре Древнего Египта.⁷⁵ Авторы, отстаивающие эту точку зрения, указывают на то, что египетская культура оказала огромное влияние на культуру классической Греции, на ее философию, науку и, в частности, математику. Сходство математического мышления египтян и греков, особенно в теории чисел, отмечается и в ряде древнегреческих источников.

Все, что я знаю о культуре и истории Древнего Египта, говорит в пользу того, что египтяне знали число ноль и применяли его как для утилитарных вычислений, так и как число-символ. Возможно, что в своей символической функции ноль использовался даже чаще, чем для вычислений. Известно, что слово «нефер» обозначало «красивый», «совершенный». Об этом говорит то, что оно являлось частью таких имен как Неферхотеп I (фа-

⁷⁴ Nils-Bertil Wallin. The History of Zero — How was zero discovered? Yale Global Online : MacMillan Center, 2002.

⁷⁵ Lumpkin B. Mathematics Used in Egyptian Construction and Bookkeeping. The Mathematical Intelligencer, vol. 24, no. 2, 2002; Gheverghese G. The Crest of the Peacock: Non European Roots of Mathematics. London-New York, 1991.

Рис. 10. Египетский символ «nfr»

Рис. 11. Символ «nfr» на скульптурном портрете царицы Нефертари

раон из XVIII династии), Нефертари (жена фараона Рамзеса II), Нефертити (жена фараона Эхнатона), которая и в наше время является идеалом женской красоты. Тронное имя самого Эхнатона было Неферкхеперуд. На скульптурном портрете царицы Нефертари мы видим ожерелье, которое полностью составлено из иероглифов «nfr» (рис. 11). Как мы знаем, царственные особы в Древнем Египте обожествлялись. Это позволяет предположить, что еще одним значением слова «nfr» является «божественный». Из всего сказанного можно заключить, что в Древнем Египте число ноль было символом идеальной красоты, высшего совершенства и символом божественности. Конечно же, Пифагор знал о концепции Единого Бога как Причины причин, о чем свидетельствует его концепция Бога как Числа чисел. Будучи египетским посвященным высшего уровня, он, безусловно, имел представление о числе «nfr» — египетском ноле как символе божественного. Если он обладал этими знаниями, вполне логично предположить, что он мог использовать число ноль как символ высшего аспекта бытия Единого Бога, как символ десятой сферы Тетрактиса — символ сферы Божественной рефлексии.

Следуя учению Пифагора, в схемах Триады и Тетрактиса все сущее может быть выражено числовыми символами и обозначено графически. Мы показали, что символом десятой сферы Тетрактиса является число «нефер» или «0», т. е. математических символов у нас теперь десять. Однако на схеме мы видим только девять сфер, включая сферу Высшего Бога. Это явно не вписывается в стройную логику Тетрактиса, согласно которой количество числовых символов должно быть равным количеству графических символов. Но не будем забывать, что сфера Божественной рефлексии объемлет все остальные сферы, и в этом ее принципиальное отличие. Если так, тогда и ее графическое изображение должно иметь свои особенности. Единственной фигурой, которая соответствует этим требованиям, является большой треугольник Тетрактиса. Таким образом, графических символов тоже десять. Здесь можно поставить точку в нашем рассуждении — обосновав равенство графических и математических символов Тетрактиса, мы подтвердили его статус как Божественной Десятки.

Миссия Пифагора

В своей книге Эдуард Шюре рассматривает Пифагора в одном ряду с Моисеем, Христом, Буддой и другими великими мессиями, изменившими вектор развития человечества, идеи которых привели к гибели одних и возникновению новых цивилизаций. В отличие от них, учение Пифагора, хотя оно и несло в себе принципиально новую для Древней Греции идею Единого Бога почти за шесть веков до прихода Иисуса Христа, не стало причиной столь радикальных изменений и не привело к рождению новой цивилизации. Мир Олимпийских богов рухнул значительно позже, не выдержав конкуренции с христианством. С этой точки зрения, Пифагор не был мессией. Тем не менее это была фигура планетарного масштаба, роль которой в истории человечества до сих пор недооценена и полностью не раскрыта. Что же предопределило появление этой личности и в чем заключалось ее истинное предназначение?

Не вызывает сомнения то, что Пифагор был одним из египетских посвященных. Его понимание мироустройства совпадало с их картиной мира, которая, как утверждалось выше, была отражена в Великой пирамиде. Поэтому то, что священные для пифагорейцев символы и главный символ египетской цивилизации — Пирамида, имеют одну и ту же форму — форму треугольника, — конечно же, не может быть простым совпадением. Великая пирамида это врата, скрывающие за собой сокровенную тайну жрецов, их представления о Едином Боге и мироздании. Это врата, ключи от которых были намерено утеряны, вернее, спрятаны так надежно, что, несмотря на усилия многих поколений, их до сих пор не нашли. Я полагаю, что такими ключами могут быть Великая Триада и Великая Декада (Тетрактис).

Как жрец, принадлежавший высшему кругу посвященных во все тайны мистерий, Пифагор должен был следовать нормам жизни этого эзотерического сообщества и свято оберегать его сокровенное знание. Есть мнение, что, раскрывая древнее учение своим ученикам, он практически нарушал обет молчания. С этим не согласен М. Холл, который пишет: «Пифагор слишком преуспел в сокрытии своих символов непроницаемым покровом, без

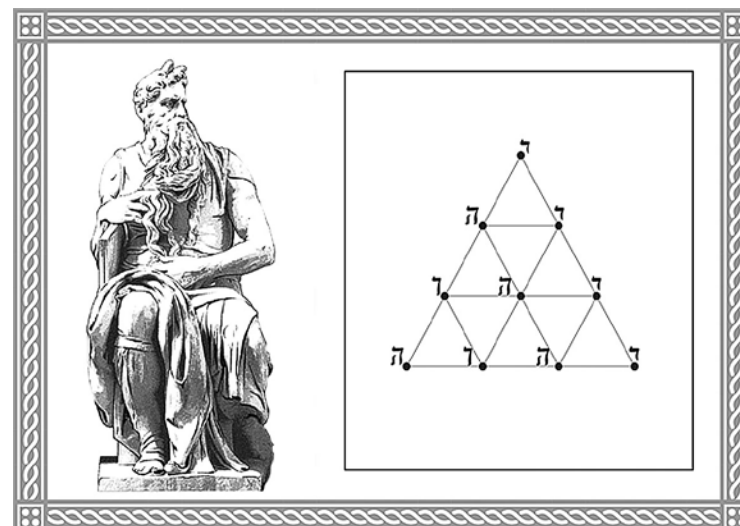
всякого устного разъяснения».⁷⁶ Кто же прав? Нарушил Пифагор свой обет или нет? Истина, как это часто бывает, находится посередине. Он передавал своим ученикам знания более низкого порядка, но свято хранил тайну самого высшего знания. К первым относились знания о мире Низшем (мире людей и сотворенных богов), а ко вторым — знания о мире Высшем и мире Высочайшем. Самой главной тайной, которую Пифагор не доверял практически никому, было представление о десятом элементе Тетрактиса — о мире Божественной рефлексии. Однако так же, как и египетские посвященные, он не отрезал все пути к разгадке этой тайны. Пифагор как бы намекал, что такое знание существует, тем самым оставляя человечеству будущего шанс разгадать тайну Бога непостижимого.

* * *

Египетская цивилизация была очень древней, настолько древней, что даже сама не помнила, когда она возникла. Это была очень мудрая цивилизация — она знала, что не вечна и что когда-нибудь подойдет к своему концу. Она также знала, что жизнь человечества на этом не закончится и что после нее будут другие цивилизации. Она обладала многими знаниями, но самым главным из них было понимание природы мироздания. За тысячи лет до Иисуса Христа и задолго до Эхнатона эта цивилизация имела представление о Едином Боге, который сотворил всех остальных божеств и вообще все сущее. Египетский монотеизм был не маргинальной религией узкого круга сектантов, а религией правящей элиты. В его основе лежало представление о Боге, который находится в неразрывном единстве со своим Творением — Вселенной. Египетские посвященные знали, что вне этого единства ничто существовать не может — даже сам Бог. Это была самая веротерпимая цивилизация, которая не принуждала свой народ принять общую для всех официальную религию. Тем самым она на протяжении тысячелетий обеспечивала внутреннюю ста-

⁷⁶ Холл М. Энциклопедическое изложение масонской, герметической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1997, с. 237.

бильность и в конечном итоге — свое долголетие. Самой важной своей миссией Египет считал сохранение и передачу знания о Едином Боге будущему человечеству. Ради ее выполнения фараоны и жрецы шли на любые затраты. Древний Египет выполнил свою миссию — не дал погибнуть своему тайному знанию и передал его цивилизациям, которые появились после него. Первой цивилизацией, которая приняла эстафету единобожия, была иудейская.

Глава VI ИУДЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. НАЧАЛО ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ?

Движение вперед находит свое оправдание лишь постольку, поскольку оно является развитием учения Моисея.

Пьер Д. Шантепи де ла Соссей¹

Пифагор не был единственным проектом египетских посвященных, целью которого было сохранение и передача будущим поколениям главного достояния их цивилизации — тайного знания о Едином Боге и единстве мироздания. Такая же роль была отведена Великой пирамиде. Подобным проектом, по моему

¹ Иллюстрированная история религий / Авт.-сост. Шантепи де ла Соссей. М. : ЭКСМО, 2008, с. 99.

глубокому убеждению, является и герметическое учение, которому была посвящена глава этой книги «Живой космос». Очевидно, что авторов основных текстов, включенных в *Corpus Hermeticum*, и создателей Великой пирамиды объединяет общая картина мира. Еще одним проектом, запущенным примерно за семь-восемь веков до эпохи Пифагора, был проект создания цивилизации, в которой монотеизм должен был стать изначально религией всего ее народа. Речь идет об иудейской цивилизации. Начальные этапы ее становления и развития описаны в Торе и Ветхом Завете, в главе «Исход». Нет другого такого события в мировой истории, интерес к которому не ослабевает на протяжении нескольких тысячелетий, и которое до сих пор является предметом ожесточенных дискуссий. Иудаизм стал той средой, на почве которой возникли христианство и ислам. Но если статус христианства и ислама как великих религий и великих цивилизаций никто не оспаривает, то с евреями, как всегда, возникают вопросы. Это можно объяснить особенностями истории и судьбы еврейского народа. Все древние цивилизации существовали как локализованные в пространстве организмы. Как правило, их границы совпадали с границами одноименных государств. Все они разрушались и погибали в результате военной и культурной экспансии других цивилизаций. Иную картину мы наблюдаем в истории иудейской цивилизации. Если до Иудейской войны (первый век н. э.) она мало чем отличалась по типу своего устройства от других цивилизаций, то последующий период ее существования не имеет аналогов в истории. Евреи — единственный народ, который сохранил свою идентичность (религию и традиции) после полного разрушения всех материальных основ — уничтожения государственности, потери территории, утраты языка, изгнания и рассеяния по всему миру. Судьба этого народа со всей очевидностью демонстрирует, что жизненная сила цивилизации заключается не в физической, а в ее духовной природе.

Дискуссия о том, создал ли еврейский народ свою цивилизацию, продолжается и сегодня. Многочисленные мнения по этому вопросу можно свести к четырем основным точкам зрения: первая — иудейской цивилизации не было и нет; вторая — такая цивилизация была, но теперь ее нет; третья — еврейская цивили-

зация есть, но она не является великой цивилизацией и играет второстепенную роль в современном мире; четвертая точка зрения — иудейская цивилизация была, есть и будет.

Такие мэтры, как Шпенглер и Тойнби, явно преуменьшали роль этой цивилизации в мировой истории. Они не только исключали ее из списка современных, но также и из перечня древних, давно ушедших цивилизаций. Рассматривая евреев как один из народов в рамках сирийской цивилизации и их религию как «чисто сирийскую», Тойнби писал: «В Иудейской войне 66–73 гг. н. э. еврейская община в Палестине была стерта в порошок. Остатки этого сирийского народа, который с поразительной смелостью принял вызов и был безжалостно изгнан с родины и развеян по лику Земли, и поныне, как пепел погасшего вулкана, носятся по всему миру. Этот социальный пепел знаком нам под именем еврейской диаспоры».²

Насколько я знаю, первым, кто применил по отношению к еврейскому народу термин «цивилизация», был русский культуролог и публицист Н. Я. Данилевский — который является одним из основателей цивилизационного подхода к истории. Он полагал, что такая самобытная цивилизация была, но срок ее жизни был очень коротким, всего V–VI столетий от времени пророка Самуила до времени Ездры и последних пророков. Данилевский объяснял это тем, что еврейская цивилизация была сфокусирована главным образом только на одной стороне культурной деятельности — на религии, тогда как все остальные деятельности (наука, техника, искусство, политика) оставались в пренебрежении.³ Отмечая, что евреи по справедливости называются избранным народом, он считал, что главным их достижением являлось развитие идеи Единого Бога. В то же время он утверждал, что они не передали своей культуры ни одному из окружающих или одновременно живших с ними народов. Справедливости ради следует сказать, что это его заблуждение относилось и к таким цивилизациям или, как он их называл, культурно-историческим типам, как Египет, Китай или Индия. Думаю, если бы он дожил до нашего

² Тойнби А. Постигание истории. М., 2002, с. 185.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991, с. 16.

времени, он был бы вынужден пересмотреть это утверждение. Хотя пример с Тойнби говорит о том, что и в XX веке тоже были разные точки зрения на взаимодействие цивилизаций.

Аналогичное отношение к иудейской цивилизации демонстрирует и философ-мистик Даниил Андреев. Он, так же как Данилевский, признавал существование этой цивилизации (в его терминологии «еврейского сверхнарода») и утверждал, что ее сверхмиф (картина мира), как и египетский сверхмиф, почти не распространялся за ее пределами, т. е. иудаизм не оказывал серьезного воздействия на другие цивилизации. Он исходил из того, что «после окончательного разгрома евреев при Адриане, еврейских уицрацоров больше не было и нет».⁴ Отметим, что в отличие от Данилевского, который завершил свою «Россию и Европу» в 1868 году, Андреев писал эти строки во второй половине XX столетия, после восстановления еврейской государственности и возрождения древнееврейского языка.

Принципиально иной взгляд на иудейскую цивилизацию демонстрируют столь разные по своему социальному статусу личности, как православный священник А. Мень и профессор Гарвардского университета, специалист по проблемам геополитики Хантингтон. Оба они исходят из того, что иудаизм как великая религия не только был, но существует и в наше время. Оба они подчеркивают генетическую связь христианской религии и иудаизма. Мень писал: «Если бы иудеи не приняли Христа, то кто бы рассказал нам о нем? Кто были те люди, которые написали Евангелия, послания, которые разнесли по древнему миру весть о Христе? Это были тоже иудеи (...) Христианство создано в лоне Израиля. Мать Божия, которую почитают миллионы христиан, была дочерью Израиля, которая любила свой народ так же, как каждая прекрасная женщина любит свой народ. Апостол Павел — величайший учитель всего христианства, был евреем».⁵ Вместе с тем оба они полагали, что иудаизм и, соответственно,

иудейская цивилизация в наше время утратили свое мировое значение. «Что можно сказать о еврейской цивилизации? — вопрошает Хантингтон, — большинство исследователей едва упоминает о ней. Если судить по количеству людей, то иудаизм — это явно не основная цивилизация».⁶

Интересно понимание еврейства и его роли в мировой истории у такого философа, как Бердяев. Он был приверженцем православной религии и его трудно заподозрить в особой любви к евреям. О том, что он был весьма критически к ним настроен, свидетельствует обилие таких характеристик, как «ложный еврейский мессионизм», «ложный еврейский дух», «враждебный христианству юдаизм» и т. п. В то же время он беспристрастно оценивал место и роль еврейского народа в истории человечества. Рассуждая о его судьбе, Бердяев писал, что без еврейства ни христианство, ни его история были бы невозможными. Значение иудаизма он видел в том, что он является одним из непрерывно действующих до наших дней мировых начал, обладающих своей специфической миссией. Более того, он полагал, что еврейство — это двигатель прогресса, что оно имеет центральное значение в истории, что по неисповедимым путям Божиим народ этот должен сохраниться до конца времен.⁷ Интересно, что такой неординарный мыслитель, как Ницше, философию которого считают базисом идеологии фашизма, призывал судить о евреях по их вкладу в европейскую культуру: «... я хотел бы знать, сколько снисхождения следует оказать в общем итоге народу, который, не без нашей совокупной вины, имел наиболее многострадальную историю среди всех народов и которому мы обязаны самым благородным человеком (Христом), самым чистым мудрецом (Спинозой), самой могущественной книгой и самым влиятельным нравственным законом в мире».⁸

Евреи всегда, и в библейские времена, и в наше время, были небольшим народом. Несравненно более многочисленные и мо-

⁴ Уицрацоры — демоны великодержавной государственности (См.: Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М., 1999).

⁵ Мень А. Об отношении православия к иудаизму. Электронный ресурс: <http://azbyka.ru/religii/iudaizm/3g64.shtml>.

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2007, с. 58.

⁷ Бердяев Н. Смысл творчества. Париж: YMCA-PRESS, 1969, с. 105.

⁸ Грета Ионкис. Фридрих Ницше и евреи. Электронный ресурс: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/politik/evrei>.

гущественные народы давно скрылись за горизонтом прошлого. История еврейского народа, древняя и современная, вызывала и вызывает интерес непропорционально большой по отношению к его величине. Он всегда играл и продолжает играть особую роль в спектакле, который называется «История человечества». Даже Тойнби, который не считал евреев самостоятельным народом и говорил о них как о части сирийского народа, признавал: «Исторический путь (человечества — А. Я.) отмечен вехами духовных взлетов и падений, и особое место на этом пути занимают имена Авраама, Моисея, Пророков и Христа».⁹ Здесь мы видим явное противоречие. С одной стороны, Тойнби утверждал, что иудейской цивилизации никогда не было и нет, а с другой — оказывается, что самые великие персонажи мировой истории имеют непосредственное отношение к иудаизму. Все они радикальным образом влияли на ход развития не только своего народа, но и всего исторического процесса. Очевидно, что такое воздействие на судьбы человечества под силу только великой религии. Как мы уже говорили, такие религии, как христианство и ислам, являются духовными стержнями соответствующих великих цивилизаций. Возникает вопрос, может ли иудаизм, породивший эти две великие религии, сам не быть великой религией? Я исхожу из того, что не может. Признавая иудаизм великой мировой религией, мы тем самым, признаем факт существования великой иудейской цивилизации, независимо от ее физических размеров.

Корни иудаизма

Важнейшим источником, из которого мы черпаем знания о возникновении иудейской цивилизации, является Тора. Здесь ясно утверждается мысль о том, что сорок лет хождения по пустыне были необходимым подготовительным периодом перехода от отдельных праеврейских племен к сообществу принципиально иного типа. О возникновении нового народа Моисей и священники левиты торжественно объявляют, стоя на границе Земли обетованной: «Внимай и слушай, Израиль: в этот день *стал*

ты народом Господу Богу твоему; итак слушай глас Господа Бога твоего и исполняй заповеди Его и постановления Его, которые заповедую тебе сегодня».¹⁰ Так было объявлено, что впервые в истории человечества появился целый народ, объединенный верой в Единого Бога, и что жизнь этого народа с этого момента подчиняется общим законам, нарушение которых влечет за собой неизбежное наказание. Дальше следует длинный перечень неприятностей, с которыми столкнется каждый, нарушивший эти законы. Это событие, с моей точки зрения, и было преддверием истории будущей цивилизации, которая с этого времени начинает стремительно раскручиваться, подобно сжатой спирали. Среди людей, к которым Моисей обращается как к народу Израиля, по всей вероятности были не только евреи, но и египтяне, а также примкнувшие в пути представители разных народов, живших в те времена в местности, через которую проходил Исход. Очевидно, что объединение всех их в единый народ происходило не по этническому признаку, а по вере в Единого Бога.

До Исхода праевреи не имели своей государственности, письменности и, соответственно, истории. Состояние, в котором они пребывали на протяжении тысячелетий — это неподвижность застывшей культуры, ощущение движения по замкнутому циклу, как у Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».¹¹ После Исхода проходит всего около трех столетий, и на территории Ханаана появляется первое израильское монархическое государство — царство Саула (1029–1005 до н. э.). В эти времена еще не прекратила своего существования племенная организация, но уже наметилась упорядоченная административная система, о чем свидетельствует создание первой постоянной армии. Следующей ступенью стало царство Давида (1004–965 г. до н. э.), который завершил начатое Саулом дело объединения разрозненных израильских племен в единый народ и превратил царство Израиля из неустойчивого союза колен в могущественное государство. Укрепляя центральную власть, Давид объединил

⁹ Тойнби А. Постигание истории. М., 2002, с. 547.

¹⁰ Второзаконие. 27 : 9–10.

¹¹ Екклесиаст. 1 : 4, 9.

священников под началом первосвященников,¹² перенес столицу Израиля в город Иеву, впоследствии Иерусалим.¹³ Политические и экономические изменения сопровождаются развитием духовной и культурной жизни. Периодом наивысшего расцвета объединённого царства считается правление третьего еврейского легендарного правителя, царя Соломона (967–928 г. до н. э.).¹⁴ Главным делом его царствования было возведение Первого Храма в Иерусалиме. Но при нем же начинается и обратное движение. После смерти Соломона народ израильский разделился на два царства, Иудейское и Израильское, между которыми началось ожесточенное соперничество. Происходящие изменения, формирование государственных институтов, расцвет духовности и культуры, объединение и распад, подъемы и кризисы — все это свидетельствует уже о динамически развивающемся обществе — цивилизации.

Как мы говорили, праевреи, которых Моисей вывел из Египта, были людьми неграмотными, не знающими письменности. И это было главным препятствием на пути осознания и принятия идеи абстрактного Бога-Духа. Такого Бога, в отличие от языческих божеств, нельзя изобразить и нельзя увидеть. Его можно познать только через священные тексты. Особенность иудейской цивилизации состоит в том, что монотеизм становится религией всего народа, а не только узкого круга посвященных, как это было в Древнем Египте. Поэтому цели приведения всего народа к единобожию выдвигают на первый план задачи создания собственной письменности. Уже на ранних этапах широкая грамотность становится важнейшим условием распространения веры в Единого Бога и, соответственно, условием обеспечения целост-

¹² Вторая книга Царств. 8 : 17.

¹³ В учрежденном Моисеем общественном строе Израиля исполнительная власть рассматривалась как исходящая из власти судебной и была поставлена под контроль власти священнической. Таково было народное управление, заповеданное Моисеем своим преемникам (См.: Исход. 18 : 13–14). Оно оставалось неизменным во времена Судей от Осии до Самуила. Во времена царей подавленная священническая власть начала терять истинную традицию Моисея, которая сохранилась в своей чистоте лишь у пророков (См.: Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 179).

¹⁴ Годы правления приводятся в соответствии с Еврейской электронной энциклопедией.

ности цивилизации. Древнейшие надписи на иврите известны с X в. до н. э.¹⁵ Как отмечает М. Лайтман, 2–3 тысячи лет назад не было ни одного мальчика, который бы с трех лет не обучался грамоте. Не было ни одного мужчины, который бы не умел читать, писать, который бы не умел изучать духовные книги. Обучением детей занимался храм, который так же, как и в Египте, был государственным учреждением. Так было на протяжении всей истории. В I в. н. э. в каждой иудейской деревне была школа. Живший в это время первосвященник Иисус бен Гамла (I в. н. э.) говорит: «Каждый город и каждое местечко, где нет школы, да будет отлучено от веры, а если и это не поможет, то будет разрушено, ибо такое место нарушает действие раввинского учения: паром из уст детей поддерживается мир». Как мы видим, всеобщая грамотность изначально рассматривалась как первостепенное условие высокой духовности. Грамотность как инструмент познания во все века являлась важнейшим фактором развития еврейского народа. Стремление к познанию Бога и познанию вообще закладывалось у евреев на генетическом уровне, что объясняет их интеллектуальное преимущество на протяжении всей истории вплоть до нашего времени. Это также во многом объясняет то, что иудейская цивилизация является единственной из известных цивилизаций, которая смогла выжить, будучи рассеянной по всему миру, после потери территории и государственности, в условиях жесточайших преследований.

Мы уже знаем, что цивилизация, в отличие от государства, определяется не своими материальными структурами, не военной мощью и не экономическим потенциалом, но прежде всего своим духовным ядром. Для иудейской цивилизации таким ядром является монотеистическая религия. Евреи могут жить где угодно, говорить и писать на разных языках, но при этом осознавать свою цивилизационную идентичность. Поэтому иудейская цивилизация будет жить до тех пор, пока евреи будут сохранять свою религию, свое Священное Писание.

¹⁵ В первом тысячелетии до н. э. (960–585 г. до н. э.) евреи начинают использовать древнееврейское письмо. Наиболее старыми из известных документов являются алфавит из Тель-Зайит, таблички из Гезера (950 г. до н. э., эпоха царя Соломона), а также стела и другие надписи Меса (царя Моавитского, 850 г. до н. э.).

Евреи до и после Исхода

Всю историю евреев можно разделить на две части. Первая охватывает период от времен патриархов Авраама, Исаака и Иакова, которые жили в земле Ханаан (XIX–XVIII вв. до н. э.) и до времени Исхода евреев из Египта (XIV–XIII вв. до н. э.).¹⁶ Это предыстория еврейского народа — время, когда евреи еще не знали, что они народ избранный богом, когда они еще не осознавали свою особость по отношению к другим семитическим племенам. Вторую часть я рассматриваю как время существования иудейской цивилизации, время, которое описывается как история еврейского народа. Эта история начинается тогда, когда уже не отдельные персонажи, а весь народ обретает веру в Единого Бога, что позволило провести резкую границу между ним и другими народами.

Праевреи, язычники

В своем понимании истории евреев я исхожу из того, что истоки иудаизма восходят к монотеистическим представлениям египетских посвященных. В то же время существует версия, которая настаивает на том, что не евреи получили свой монотеизм от египтян, а, наоборот, египтяне получили веру в Единого Бога от евреев. Здесь есть небольшое противоречие — никаких евреев как избранного народа тогда (в XIX–XVIII до н. э.) еще не было.¹⁷ Авраам считается праотцом не только евреев, но и арабов. Поэтому с таким же успехом можно утверждать что монотеистические представления пришли к древним египтянам от

¹⁶ Точность датировки библейских событий весьма относительна. По традиционной библейской хронологии Авраам родился в 1812 году до н. э. (XIX век до н. э.), прожил 175 лет и умер в 1637 году до н. э. (XVII век до н. э.). По ЭСБЕ (Брокгауз и Ефрон) — в 2040 году до н. э. (XXI век до н. э.) и умер в 1865 году до н. э. (XIX век до н. э.).

¹⁷ Из клинописных документов тель-амарнского архива (XIV в. до н. э.), в частности из писем правителя Иерусалима по имени Абдхиба, фараону Эхнатону, известно, что евреев ни в Иерусалиме, ни в Палестине в то время еще не было, а в страну вторглись и частично опустошили ее хабири. М. Коростовцев предполагает, что возможно «хабири» были общим названием бедуинов (См.: Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000).

арабов, которых тогда тоже еще не было. Как мы уже говорили, вера в Единого Бога была достоянием египетских посвященных задолго до появления Авраама на сцене истории. Но допустим, что Бог действительно возвестил о себе праотцу Аврааму, пообещав произвести от него великий народ и возвеличить имя его.¹⁸ Предположим также, что египетские мудрецы, тысячелетиями почитавшие множество своих божеств, ничего о Едином Боге не ведали. Мог ли Авраам, предводитель небольшого племени, по сути, одной своей семьи, принести в Египет идею единобожия? Надо учитывать, что Авраам со своими людьми пребывал в Египте очень недолго. Как только появилась возможность, все они вернулись на свою родину. Но может быть, вера Авраама, воплотившись в его потомках, впоследствии оказала мощное культурное воздействие на египтян? По преданию, праевреи опять приходят в Египет во времена его правнука Иосифа (около 70 человек). Мог ли Иосиф сохранить веру Авраама? Если и мог, то достаточно ли сильным был огонь этой веры, чтобы разжечь костер монотеизма в Египте? С моей точки зрения, весьма маловероятно, что источником монотеизма древнеегипетских посвященных является религия ветхозаветных праотцов еврейского народа. Как правило, малые сообщества, не способны оказывать сколь-нибудь существенное влияние на древние народы с более мощным культурным потенциалом. Ну а как же быть с возникновением христианского вероучения в Европе? — спросите вы. Действительно, в своей исходной точке оно так же ограничивалось небольшим числом единомышленников. Однако идеи, которые несли первые апостолы, в короткое время захватили значительные массы людей и стали осознаваться как угроза господствующему мировоззрению. Совершенно другая ситуация была с праотцом Авраамом. Возможно, его вера была принята внутри его семьи, но она не вышла за ее пределы. Во всяком случае, в Священном Писании об этом нет никаких упоминаний. Подчиняясь необходимости адаптации к господствующим экономическим и культурным условиям, инородные малые

¹⁸ Исход. 12 : 1–3.

сообщества постепенно ассимилируются. Как пример можно привести правление гиксосов (XVIII–XVI века до н. э.), народа, этнически близкого к семитам.¹⁹ Несмотря на то, что на протяжении столь длительного времени их власть распространялась на весь Нижний Египет, а также на Ханаан и Сирию вплоть до реки Евфрат, даже они не оказали сколь-нибудь серьезного воздействия на египетскую религию. Как отмечает Коростовцев, гиксосы не внесли своего вклада в духовную жизнь египетского народа. Овладев силой частью Египта, они во многом восприняли идеи и обычаи этой древней страны.

Из того же Священного Писания мы знаем, что культурные традиции праевреев были сходными с традициями тех народов, в окружении которых они жили на Аравийском полуострове еще в добиблейские времена. Естественно, что их мировоззрение и верования мало чем отличались от представлений этих народов, а также и от религиозных воззрений основной части египтян. Все они верили во множество богов. От Иосифа и до Исхода прошло около 400 лет.²⁰ За столь значительное время праевреи подверглись мощному воздействию со стороны более древней египетской культуры. Не вызывает сомнения, что в этих условиях они просто не могли сохранить веру своих праотцов. Они также не могли воспринять монотеистические представления египетских посвященных, во-первых, потому что, как мы уже говорили, они хранились в строжайшей тайне, а во-вторых, потому что культурный и интеллектуальный уровень праевреев был для этого явно недостаточен — как и весь простой египет-

¹⁹ Иосиф Флавий, ссылаясь на египетского историка Манефона (умер в III в. до н. э.), отождествляет гиксосов с семействами библейских патриархов и связывает пребывание гиксосов в Египте с библейским повествованием об Иосифе, а изгнание гиксосов из Египта — с библейским Исходом (См.: Притчи. 1 : 91, 92).

²⁰ И сказал Господь Авраму: знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет (См.: Бытие. 15 : 13). Времени же, в которое сыны Израилевы [и отцы их] обитали в Египте [и в земле Ханаанской], было четыреста тридцать лет (См.: Исход. 12 : 40). По прошествии четырехсот тридцати лет, в этот самый день вышло все ополчение Господне из земли Египетской ночью (См.: Исход. 12 : 41).

ский народ, они были неграмотными язычниками. Многовековые языческие корни праевреев прослеживаются в самой Торе, где ясно говорится о том, что главной проблемой Моисея было искоренение приверженности его народа к политеизму и упорное нежелание признавать Единого Бога. Трудности, с которыми постоянно сталкивался Моисей, наиболее драматично предстают в ситуации, когда он был на горе Синай. Бог говорил ему: поспеши вернуться, ибо развратился народ твой, который ты вывел из земли Египетской; уклонились они от пути, который я заповедал им: сделали себе литого тельца и поклонились ему, и принесли ему жертвы. Господь был так разгневан, что отказался идти вместе с народом: скажи сынам Израилевым, вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас.²¹ Это говорит о том, что версия о непрерывности монотеистической традиции у египетских евреев от Авраама до Моисея также абсолютно несостоятельна. С моей точки зрения, их религия сама по себе не могла эволюционировать от политеизма к единобожию. Условия для возникновения еврейского монотеизма как религии не отдельных библейских персонажей, а всего народа, появляются только после Исхода, когда общество переходит в фазу цивилизации.

Евреи после Исхода

Рождение нового народа и новой цивилизации случилось не сразу после того, как праевреи перешли Красное море. Как и любая другая, иудейская цивилизация рождалась в муках. Сорок лет, которые Моисей водил евреев по пустыне, я бы сравнил с беременностью, когда ребенок, находясь еще в утробе матери, подготавливается ко встрече с новым миром, с абсолютно новой для него средой. Но даже тогда, когда евреи уже после смерти своего мессии вошли в Землю Обетованную, еще рано говорить о появлении новой цивилизации. В полном смысле этого слова она сложилась только через несколько столетий, когда евреи обрели свое Священное Писание. Поэтому

²¹ Исход. 32 : 7–9; 33 : 1–5.

период от Исхода и до появления Торы, или Пятикнижия Моисеева, следует рассматривать как время становления иудейской цивилизации.²²

Принято считать, что сорок лет нужны были для того, чтобы выбить рабский дух, которым пропитались евреи, находясь несколько столетий под гнетом власти египетских фараонов. Но не будем забывать, что евреи после Исхода не стали народом, воспевающим демократические свободы, и не стали народом, отказавшимся от института рабовладения. Вспомним, какими методами прививалась народу вера в Единого Бога. После того, как Моисей спустился с горы Синай, неся в руках скрижали откровения, «он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою; и взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне, и стер в прах, и рассыпал по воде, и дал пить сынам Израилевым». Моисей приказал наиболее преданным ему сынам Левия наказать непокорных. «Возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего (...) И сделали сыны Левиины по слову Моисея и пало в тот день из народа около трех тысяч человек».²³ Методы приведения народа к повиновению были настолько суровы, что даже сподвижники Моисея упрекали его за излишнюю жестокость. И я спрашиваю себя, можно ли таким образом изгнать рабский дух и привить народу ценности свободы? Ответ очевиден — нет, нельзя. Так можно вколотить в людей только страх и принудить их к безусловному повиновению.²⁴ Принуждение

²² Согласно традиционной иудаистской точке зрения, текст Торы был записан Моисеем со слов Всевышнего. Большинство современных библейских учёных считают, что книги были написаны в годы Вавилонского пленения (около 600 г. до н. э.) и были завершены уже во времена персидского периода (около 400 г. до н. э.).

²³ Исход. 32 : 19–20; 32 : 27–28.

²⁴ Возможно, в древнем Израиле рабство существовало в более мягких формах, чем в Египте, Вавилоне и Ассирии, тем не менее оно было. Законы, регулирующие рабовладение в Израиле, приводятся в Торе (См.: Исход. 21, 22; Левит. 25 : 8–10). Как известно, жесточайшие формы рабовладения существовали и в христианском мире, несмотря на то, что Тора или Ветхий Завет там тоже признавались как Священное Писание.

силой мы наблюдаем при возникновении любой цивилизации, когда расчищается поле для принятия новой духовности, новой религии. Именно этим и занимался Моисей в ситуации Исхода. Освобождение от рабского менталитета, которым пропитались праевреи в Египте, было не причиной, а следствием перехода на принципиально новый уровень духовности. Истинной его целью было заставить выведенный из Египта народ отказаться от привычного для них поклонения идолам и подготовить его к принятию идеи Единого Бога. Как следует из самого Ветхого Завета, евреи до Исхода и после Исхода — это два разных народа. До Исхода это праевреи — язычники, после Исхода это евреи — народ монотеизма.

Древнеегипетский монотеизм — колыбель иудаизма

Что же могло быть побудительным началом перехода евреев к монотеизму? С моей точки зрения, это был внешний импульс, но откуда мог идти этот импульс — от Бога, как сказано в Библии, или от других культур? Вся история возникновения и становления иудейской цивилизации проходила под воздействием культуры Древнего Египта. Ко времени зарождения еврейской цивилизации возраст египетской культуры исчислялся тысячелетиями. Когда евреи только подошли к созданию своей государственности (XI в. до н. э.), Египет был мощной империей, политическим и культурным гегемоном в Палестине, Финикии и отчасти в Сирии. Понятно, что молодое государство должно было неминуемо оказаться в сфере мощного египетского влияния. И, конечно же, в культурном обмене, который был естественным следствием географического соседства, древняя и великая держава Востока — Египет, — была в основном дающей стороной, а едва возникший Израиль — принимающей.²⁵ Существует множество фактов, свидетельствующих в пользу концепции генетической связи иудейской и древнеегипетской цивилизаций. Эта тема раскрывается и в работе М. Зильбермана «Исход

²⁵ Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. Спб., 2000.

евреев из Египта».²⁶ Автор на большом археологическом материале доказывает сходство важных культурных традиций, таких как обрезание, отношение к свинье как к особо нечистому животному, одежда израильских священнослужителей, обычай разделения мужчин и женщин в храмах и других. По его мнению, Ветхий Завет убедительно свидетельствует о глубоком знании левитами, составителями и редакторами Священного писания, литературы и сакральной мифологии Древнего Египта. Некоторые литературные произведения Египта могли послужить образцами при написании отдельных глав и разделов Танаха.²⁷ Особенно важно подчеркнуть общие моменты понимания Единого Бога в иудаизме и у египетских посвященных. Как отмечает Уоллис Бадж, древний египетский бог Неб-ер-чер (другие имена — Та-Танен, Птах) — бог извечный, единый и единственный, обладает всеми чертами, соотносимыми христианами, мусульманами и иудеями с современными представлениями о Всемогущем Господе, и является предтечей монотеизма. В Лейденском папирусе мы читаем: «Образ ... единый, единственный, создавший всё сущее ... изречением которого составились боги ... Ты был по бытию первым, когда ещё ничего не было ... Никто из богов не знает настоящего вида его ... Он сокроуенен ... велик ... непознаваем».²⁸

Интересно в этой связи мнение известного раввина А. Штейнзальца.²⁹ Отмечая, что заслуга открытия идеи монотеизма приписывается Аврааму, он указывает на то, что «такой взгляд на роль родоначальника еврейского народа не разделяется серьезными исследователями. Прежде всего, нигде в тексте Танаха не говорится, что Авраам был человеком, который дал людям веру в Единого Бога (...) Согласно Танаху, вера в Единого Бога не была во вре-

мена Авраама чем-то совершенно новым и не явилась следствием эволюции религиозной мысли. Монотеизм — это не высшая стадия процесса развития религии, следующая за политеизмом. Монотеизм сам по себе первичен и основополагающ; он изначально был преобладающей формой почитания Высшей Силы. Все другие культы следовали за монотеизмом, а не предшествовали ему. Текст Танаха свидетельствует об этом, хотя и не говорит это прямо и определенно».³⁰ Не могу согласиться с уважаемым раввином в том, что все культы, в том числе и верования примитивных культур, следовали за монотеизмом. С моей точки зрения, тезис Штейнзальца о первичности монотеизма применим только по отношению к развивающимся обществам — цивилизациям.

Мы не знаем достоверно, откуда пришли самые первые представления о Едином Боге. Но так же как христианство и ислам произошли из иудаизма, иудаизм мог получить свои представления о Едином Боге от более ранней цивилизации с монотеистической составляющей. Такой цивилизацией в те времена безусловно мог быть Древний Египет, цивилизация, с которой судьба еврейского народа была связана наиболее тесно.

Моисей — еврей или египтянин?

Является Исход историческим событием или нет? Кто такой Моисей, реальная личность или мифологический персонаж? Был ли он этническим евреем или египтянином? По каждому из этих вопросов можно дискутировать бесконечно, что, собственно, и происходит. Для меня совершенно ясно, что получить окончательные ответы, которые бы удовлетворили всех, невозможно. Мы никогда не придем к истине, просто потому, что не существует бесспорных доказательств того, что Исход евреев из Египта вообще был. Нет точного времени этого события, как и нет достоверных документов и артефактов, подтверждающих биографию Моисея — главного действующего лица драмы, произошедшей более трех тысяч лет назад и изменившей ход развития человечества. Поэтому в своем понимании возникновения иудейской

²⁶ Зильберман М. И. Исход евреев из Египта. Электронный ресурс: http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/outcomeb4.shtml.

²⁷ Танах — еврейское Священное Писание, совпадающее по содержанию с каноническими текстами Ветхого Завета (Пятикнижие, Пророки, Писания).

²⁸ Бадж У. Легенды о египетских богах. Москва : Рефл-бук, 1997.

²⁹ Штейнзальц Адин (Эвен Израэль, род. 1937, Иерусалим) — известный раввин, переводчик Талмуда на современный иврит, английский, русский и испанский. Лауреат Государственной премии Израиля за 1988 год. Основатель Института изучения иудаизма.

³⁰ Штейнзальц А. Библейские образы. М. : Институт изучения иудаизма в СНГ, 1998.

цивилизации я исхожу из моего представления о цивилизации и механизмах ее развития, изложенного в предыдущих главах. Исторические сведения, взятые из разных источников, я использую не как базу своего исследования, а только для иллюстрации отдельных его положений.

Как уже отмечалось, необходимым моментом старта любой цивилизации является появление принципиально иного видения устройства мироздания. Независимо от того, кто является творцом новой картины мира, она всегда привносится извне, т. е. есть вещь внешняя по отношению к существующей цивилизации. В случае с иудейской цивилизацией речь идет о новом учении, согласно которому в центре мироздания находится Единый Бог. Единый не только в том смысле, что Бог — единственный Творец всего сущего, но, прежде всего, потому что он и есть Единство, помимо которого нет ничего. Он не только Творец, но он и Творение, он есть мир земной и он есть мир небесный. Он есть все, и нет, как сказано в герметических текстах, ничего, кроме него. Если есть новое учение, то есть и Учитель — его носитель и пропагандист, которого принято называть мессией. Мы не сможем понять истинную природу той или иной цивилизации, ее предназначение в контексте истории человечества, если не проведем теоретический анализ ее возникновения, не поймем, откуда пришел Учитель, не проследим истоки его учения, его мотивацию.

Таким Учителем — мессией в истории иудейской цивилизации, принято считать Моисея. Существует множество версий его имени: Хозарсиф, Моузес, Моше, Муса, Моисей. Не столь важно его имя, важно, что без персонажа, несущего на себе роль мессии, цивилизация вообще не может возникнуть на исторической сцене. Из многих мифов о происхождении Моисея я привожу здесь только три, поскольку они, на мой взгляд, перекрывают все поле смыслов, интересующих меня в рамках данной работы. Речь идет об этнических корнях Моисея, его связи с культурой Древнего Египта и возможном отношении к учению фараона Эхнатона.

Наиболее распространенным является библейский миф, повествующий о том, что Моисей был этническим евреем, который большую часть жизни прожил в Египте. Он родился в скромной семье из колена Леви. В определенных обстоятельствах мать, что-

бы спасти ребенка, спрятала его в корзинке и пустила ее по водам Нила. Будучи спасенным египетской принцессой, он попадает в семью фараона. Дочь фараона воспитывает его как своего сына.

Э. Мейер и Д. Брэстед допускают, что Моисей был египтянином, родившимся в семье фараона. Фараон был предупрежден пророческим сновидением, что сын его дочери принесет опасность ему и его царству. Поэтому ребенка бросили в Нил, но его спасли евреи. Эта версия как бы выворачивает библейскую историю наизнанку: если по Библии Моисей был евреем, выросшим в семье египетского фараона, то здесь он египтянин по происхождению, который воспитывался в семье евреев.

Версию, привязанную к конкретным историческим событиям, предлагает Зигмунд Фрейд. Хотя сам Фрейд был евреем, все персонажи его версии египтяне. Моисей был высокопоставленным египтянином, жившим при дворе фараона Эхнатона (Аменхотепа IV), который в XIV веке до н. э. совершил религиозную революцию — запретил поклонение многим богам и утвердил культ единого Бога Атона. После смерти Эхнатона, когда его религия была отвергнута и предана забвению, Моисей, будучи сторонником единобожия, видит свой долг в том, чтобы реализовать планы своего кумира и находит свое решение — он задумал найти народ, которому он сможет передать религию Эхнатона, и основать новое царство за пределами Египта.³¹

Общим для всех приведенных версий является несомненная связь Моисея с Египтом, и не просто с этим государством, но с семьей фараона или близким его окружением. В двух из них отрицаются еврейские корни Моисея. Здесь пророк предстает как египтянин — вероятно, аристократ, которого легенда должна была превратить в еврея. Намек на египетское происхождение мы находим и в самом Ветхом завете. В эпизоде с Мадиямским священником дочери рассказали ему, что когда они пришли к источнику, чтобы напоить своих овец, на них напали пастухи, но какой-то египтянин защитил их и даже помог начерпать воды.³² Можно предположить, что они могли не узнать в Моисее еврея,

³¹ Фрейд З. Моисей и монотеизм [Сборник работ]. М. : Рефл-бук, 1998, с. 59–132.

³² Исход. 2 : 19.

хотя в те времена, когда жизнь протекала в условиях небольших обособленных сообществ, люди легко распознавали культурную и этническую принадлежность не только по языку, манере поведения и одежде, но и по физическим особенностям — чертам лица и строению тела. Версия египетского происхождения присутствует и у таких историков, как Манефон и Апион. Против этой версии выступал еврейский историк Иосиф Флавий. Тем не менее все они утверждали, что Моисей происходил из Гелиополя. Древнегреческий историк Страбон считал евреев вообще народом египетского происхождения. В жизнеописании Моисея, Шюре называет его «жрецом египетским», «посвященным Египта», «посвященным Исида». ³³ Такой же взгляд на происхождение Моисея встречается и у современных историков, в частности в работе Зильбермана «Исход евреев из Египта». ³⁴

Кроме этого, во всех версиях подчеркивается высокий уровень образования Моисея. Судя по тому, что Моисей выходил победителем в соревновании с магами и чародеями, которых призвал фараон, а царь Египта имел возможность пользоваться услугами самых великих волхвов, ³⁵ он сам был магом высочайшего уровня. Дочь фараона любила маленького Моше и дала ему самое лучшее образование. «И научен был Моисей всей мудрости египетской, и был силен в словах и делах». ³⁶ По мнению еврейского философа и богослова Маймонида (XII век), Моисей превосходил всех других пророков, кому удалось выйти за пределы законов природы и проникнуть в сферу сверхъестественного бытия. Исаак Ньютон считал, что Моисей был посвящен во многие тайны Вселенной и мира атомов. По мнению Уоллиса Баджа, хранителя египетских и ассирийских древностей в Британском музее, Моисей умело исполнял магические ритуалы и глубоко знал соответствующие магические формулы, заклинания и заговоры всякого рода; совершавшиеся им чудеса

указывают, что он был не только священником, но и волшебником наивысшего ранга (жрецом высшего посвящения, имевшим с детства доступ к эзотерическим знаниям). ³⁷

На протяжении тысячелетий вся власть в Древнем Египте, религиозная и светская, контролировалась жрецами. Очевидно, что, как представитель высшей знати, Моисей принадлежал и к верхнему уровню религиозной иерархии. Он имел доступ к тайному знанию посвященных и, конечно же, не мог не разделять их концепцию Единого Бога. Я полагаю, что именно поэтому Моисей обращался к будущему еврейскому народу со словами: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть». ³⁸

Даже если Моисей по своему происхождению был евреем, но с младенчества воспитывался в семье фараона, он был изолирован от любых контактов со своими соплеменниками. Независимо от его этнических корней, по своему воспитанию, образованию и культуре он был египтянином. Как говорится, не та мать которая родила, а та, которая воспитала. Как писал Шюре, «Моисей не был евреем-патриотом, он был укротителем народа и имел в виду судьбу всего человечества. Израиль был для него лишь средством». ³⁹ Для нашего изложения важнейшим в фигуре Моисея является то, что он был не только мессией, духовным стержнем иудейского народа, но и пророком, предопределившим возникновение христианской и мусульманской цивилизаций. Без понимания истоков иудейской цивилизации невозможно понять связь времен, механизм и логику развертывания всего исторического процесса. Когда речь идет о личностях такого масштаба, как Моисей, не столь важно его происхождение, сколько та роль, которую он сыграл в истории человечества.

Моисей и Эхнатон

Жил ли Моисей в эпоху Эхнатона (Аменхотепа IV) или после нее, доподлинно неизвестно. До сих пор нет единого мнения по

³³ Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 148, 154, 180, 185.

³⁴ Зильберман М. Исход евреев из Египта. Электронный ресурс: http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/outcomeb4.shtml.

³⁵ Исход. 7 : 9–12.

³⁶ Деяния. 7 : 22.

³⁷ Бадж У. Легенды о египетских богах. М., 1997.

³⁸ Второзаконие. 6 : 4.

³⁹ Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 179.

вопросу даты Исхода евреев из Египта и, соответственно, времени жизни Моисея. Большинство египтологов сходятся в том, что Исход имел место в период между первой половиной XIV и второй половиной XIII века до н. э. Наиболее ранней возможной датой считается XIV век, эпоха правления Эхнатона, потрясшего устои традиционного древнеегипетского общества и культуры. Сторонники этой датировки связывают Исход с религиозной реформой этого фараона, установившего культ бога солнца Атона и запретившего поклоняться прежним богам. Согласно еврейской традиции, Исход произошел в 1312 г. до н. э., а Моисей родился в 1392 г. до н. э. Получается, что в 1375 г. до н. э., когда, предположительно, Эхнатон пришел к власти, Моисею могло быть около 18 лет, а в год смерти Эхнатона (1358 г. до н. э.) — около 35 лет.⁴⁰ На основании этой хронологии Зильберман делает вывод о том, что характер религиозного культа, установленного Моисеем, может быть связан исключительно с монотеизмом Эхнатона, следовательно, единобожие Моисея является адаптированным учением этого фараона.⁴¹ Многие историки придерживаются точки зрения Фрейда, который исходил из того, что монотеистическая тенденция в Египте могла сохраниться после низвержения учения о Едином Боге Атоне и что Моисей мог быть адептом этого учения, даже если он и не жил во времена Эхнатона.⁴² Это предположение для меня наиболее приемлемо, потому что не увязывает жестко биографию Моисея с периодом правления Эхнатона. В то же время я не могу принять положение о том, что монотеизм Моисея является модификацией учения

⁴⁰ По М. Коростовцеву, Эхнатон правил 17 лет (1367–1350 гг. до н. э.). В словаре Древнего Египта указывается 1352–1336 гг. до н. э. (The Dictionary of Ancient Egypt. London, British Museum Press, London, 1995).

⁴¹ Зильберман М. Исход евреев из Египта. Электронный ресурс: http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/outcomeb4.shtml.

⁴² Французский египтолог К. Жак поддерживает З. Фрейда, отмечая, что большинство нынешних исследователей приняли гипотезу, согласно которой Исход имел место около 1220 года до н. э., то есть в правление фараона Мернептаха, сына и преемника Рамсеса II. Единственная другая возможная дата — 1290 год до н. э. Как бы то ни было, все сходится на том, что Моисей совершил свои деяния в Египте эпохи Рамесидов — «ликвидаторов» амарнского опыта (См.: Жак К. Нефертити и Эхнатон: солнечная чета. М. : Молодая гвардия, 2006).

Эхнатона. Поэтому, прежде чем обосновать свою точку зрения на истоки монотеизма Моисея, я должен сформировать и объяснить свое отношение к Эхнатону.

Считается, что Эхнатон является самой таинственной и противоречивой личностью древнеегипетской истории, а совершенный им переворот называют самым необыкновенным событием древности. В ряде источников его учение предстает как предтеча христианского монотеизма. Встречаются и совсем абсурдные высказывания, утверждающие, что Иисус и Эхнатон являются одним и тем же лицом.⁴³ Оставим этот перл на совести автора, но само представление об Эхнатоне как о религиозном гении, первом пророке в истории, предвестнике эры монотеизма является широко распространенным. В частности, мы находим его у Андреева, который в своей «Розе мира» писал о нем как о гениальном поэте и провидце, «исполинская фигура которого до сих пор возвышается над горизонтом минувших веков, как образ одного из первых пророков в истории». Коростовцев также писал об Эхнатоне как о высоко одаренном и незаурядном властителе, творце монотеистического учения. Брестед и Тураев считали, что он «развил идеи и тенденции, сделавшие его самым замечательным из всех фараонов и первой личностью в истории человечества». Создается впечатление, что мы как бы присутствуем на конкурсе на самый превосходный эпитет этой, безусловно, уникальной личности. В то же время иногда у тех же авторов встречаются и совсем иные характеристики: фараон-вероотступник, лжепророк, жестокий правитель. Кем же был Эхнатон на самом деле: ангелом или дьяволом?

По мнению того же Коростовцева, «Аменхотеп IV был менее всего благодушным мечтателем, каким его слишком поспешно хотели представить некоторые исследователи. Это был грозный властитель, и страшны были расправы, которые он чинил над послушниками его воли ... Гнев фараона постигал не только деятелей предшествующего царствования, но также и, притом едва ли не в большей мере, собственных сподвижников царя, еще недав-

⁴³ Иванов И. С. Введение в христианство. М. : Триумф, 2014.

но облеченных им властью и доверием». Французский египтолог К. Жак в своей книге «Нефертити и Эхнатон: солнечная чета» настаивает на том, что Эхнатон не был деспотом, никого не преследовал, никому не запрещал верить в традиционных богов. Несогласие с автором высказывается в предисловии к его же книге, где приводятся археологические доказательства его неправоты. В гробнице Туту, например, можно прочесть такие слова: «Всякий ненавистный (попадет) на плаху ... он подпадает мечу, огонь пожирает (его) плоть ... Обращает он (Эхнатон) мощь свою против тех, кто игнорирует учение его, милости свои — к тем, кто знает его».⁴⁴ Практически все историки согласны с тем, что Эхнатон произвел революцию, потрясшую глубинные основы древнеегипетской государственности и культуры. Он запретил поклоняться старым богам и заставил поклоняться новым, отстранил от власти и от источников доходов одних и передал ее в руки других. Очевидно, что такие радикальные преобразования невозможно было осуществить мирным путем. Во всяком случае, история таких примеров не знает. Достаточно вспомнить реки крови, пролитые во времена Великой Французской революции и Великой Октябрьской революции в России. Масштаб реформ Эхнатона по своей радикальности и последствиям был совсем не меньшим. Поэтому, как и все великие личности, сумевшие потрясти мир, Эхнатон не поддается однозначной оценке. Вместе с тем для меня он скорее отрицательный, чем положительный персонаж.

⁴⁴ Вполне возможно, что объявление войны старым богам сопровождалось обострением отношений при дворе. Во всяком случае, около 12-го года правления царский гнев обрушился на двух видных сановников — стольника Пареннефера и царского писца, военачальника Май. Пареннефер служил фараону с самых первых лет его царствования и руководил строительством «Дома Солнца» в старой столице. Теперь в обеих его гробницах, и в Фивах и в Ахетатоне, его имя было изглажено. В гробнице Май в Ахетатоне было уничтожено не только имя, но и изображения владельца. Даже жизнеописание, в котором он рассказывал о своем возвышении царем из нищеты и ничтожества, было замазано. Что привело к падению двух царских приближенных, доподлинно неизвестно, но, может быть, причиной была их близость к старому жречеству (См.: История древнего востока. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М.: Наука, 1988).

Причины провала реформ Эхнатона

Эхнатон действительно смог осуществить революцию и установить новый порядок. Он учредил культ единого солнечного бога Атона, перенес столицу Египта из Фив в специально построенный для этого город Ахетатон (Амарна, современная Тель-эль-Амарна), серьезно ограничил полномочия жреческой власти. Однако все эти новшества продержались только в период его правления и были отменены сразу после его смерти. В памяти народа он остался как «преступник из Ахетатона».⁴⁵ Философ-мистик Даниил Андреев полагал, что реформа Эхнатона оказалась неудачной из-за происков демонических сил. По его мнению, если бы она удалась, миссия Христа была бы осуществлена на много веков раньше, и не на Иордане, а в долине Нила.⁴⁶ Действия демонических сил трудно объяснить с позиций человеческой логики. Было достаточно вполне очевидных для нас земных причин, которые объясняют принципиальную невозможность успеха реформ Эхнатона. Многие известные историки считают, что культ Атона, который жил только в мечтах фараона-идеалиста и небольшого круга его придворных, никогда не был в действительности народной религией.⁴⁷ Он не мог заменить сонм великих и малых богов, всевозможных духов, «общение» с которыми было насущной, повседневной потребностью. Бог-фараон Атон был недостижим и непонятен народу, который либо игнорировал его, либо ненавидел.⁴⁸ Значительно большей опасностью для Эхнатона была ненависть древнего жречества, в особенности служителей Амона, главная резиденция которых находилась в прежней столице, Фивах. Их обширная собственность — храмы и земли в Египте, города в Сирии, — была конфискована и передана во владение жрецов Атона, что лишило их источника власти.⁴⁹ Без сомнения, такая акция вызвала сопротивление фиванского жречества и положила начало его ожесточенной борьбе с Аменхотепом IV. Его поли-

⁴⁵ Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. I. Минск, 2002, с. 379.
⁴⁶ Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М., 1999, с. 126.

⁴⁷ Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. I. Минск, 2002, с. 378.

⁴⁸ Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000; Элиаде Мирча. Священные тексты народов мира. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.

⁴⁹ Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей в 3 т. Т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002.

тическая и военная пассивность привела к разрыву отношений с крупными государствами Ближнего Востока и потере владений Египта в Нубии и Азии. Понятно, что это вызвало недовольство военного сословия. Таким образом, для народа он был тираном, разрушившим древние верования и традиции, а для жреческой и военной элит — властителем, посягнувшим на их политические и экономические интересы. Поэтому всех их объединяло страстное желание низвергнуть ненавистного революционера.

С таким пониманием причин провала реформ Эхнатона согласны практически все известные египтологи. Мнения расходятся по вопросу, был ли он первым пророком монотеизма или нет. Поражает то, что те исследователи, которые признают, что монотеизм был присущ египетской религии за тысячу лет до реформы Эхнатона, в то же время утверждают, что он был первым, кто пришел к идее единобожия. Подобное отношение присутствует у Брестеда, Тураева, Коростовцева и других историков. Мы находим его и у Фрейда, который выводит еврейский монотеизм из доктрины Эхнатона, как из единственного «монотеистического эпизода в истории Египта». Меня не убеждает вывод Фрейда о том, что Моисей был последователем учения Эхнатона. Нельзя утверждать, что он обязательно исповедовал ту же религию только потому, что был египтянином и жил в ту же эпоху. Здесь явно нарушена логика. Подробнее свое понимание этого вопроса я изложу дальше.

Диаметрально противоположную оценку этого фараона дает английский египтолог Николас Ривз: «Благодаря своим религиозным реформам, Эхнатон долгое время считался близким современному, преимущественно монотеистическому миру; а то, что преобразования фараона потерпели полный крах, лишь подтверждало его образ как раннего защитника религиозной правды, власти добра. Такое представление, возникшее почти столетия назад благодаря Джеймсу Генри Брестеду и Артуру Вейгаллу и охотно подхваченное богословами и общественным мнением, без сомнения, ложно, и в настоящий момент уступает место более мрачным картинам. Очевидно, что Эхнатон не был настоящим пророком, а действовал, исходя из собственных политических интересов». Ривз делает вывод о том, что «вера Эхнатона не имела ничего общего с монотеизмом; это был культ предков, превозносящий священность царской власти столь мощно и ре-

шительно, как никогда прежде со времен постройки пирамид».⁵⁰ Подобное отношение к этой неоднозначной личности демонстрирует и Кристиан Жак, который так же полагает, что представление об Эхнатоне как о личности, одержимой страстным поиском единства добра и зла в едином солнечном диске, как о творце монотеизма, неверно. Он считает, что Эхнатон не был ни гуманистом-просветителем, ни исполненным человеколюбия романтиком, ни далеким от жизни мистиком», что «идея Единого Бога, которую евреи донесли до логического завершения, существовала в египетской религиозной мысли с самого начала».⁵¹

Как и все египетские фараоны, Эхнатон был посвящен в самые сокровенные тайны древнеегипетской религии и, конечно же, в самую великую из них — тайну Единого Бога. Он, безусловно, знал, что жрецы свято хранили ее, поскольку были убеждены в том, что народ, в массе своей неграмотный, не может принять идею невидимого, непостижимого Бога-Духа. Поэтому, обладая всей полнотой власти, они допускали существование различных верований. По мнению Коростовцева, отсутствие в Египте ортодоксии, единой догмы и единой церкви проявлялось в веротерпимости и относительной свободе религиозных воззрений; не могло быть и речи о преследовании или осуждении человека за его приверженность к тому или иному культу. Таким образом, жрецы сознательно предохраняли общество от внутренних конфликтов, обеспечивали его стабильность, чем во многом объясняется долголетие древнеегипетской цивилизации. Один единственный раз в истории Древнего Египта проявилась религиозная нетерпимость, и это случилось во время правления Эхнатона.⁵² Возможно, он совершил религиозную революцию с благими намерениями, воображая, что раскрывает народу истинное знание, тысячелетиями скрываемое злыми жрецами. Эта версия рассыпается в прах, когда мы узнаем к чему привели действия фараона-реформатора. Переворот, потрясший национальные основы, сказался на

⁵⁰ Ривз Н. Эхнатон — лжепророк Египта. М.: Издательский дом А. Варфоломеева, 2014, с. 9, 10.

⁵¹ Жак К. Нефертити и Эхнатон: солнечная чета. М., 2006.

⁵² Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. СПб., 2000.

всей стране пагубнейшим образом.⁵³ Если во времена Аменхотепа III — отца Эхнатона, — Египет находился на вершине своего могущества, то за годы диктаторского правления царя-еретика, пропитанных параноидальной боязнью заговоров сторонников Амона, страна и народ оказались в крайне плачевном состоянии. Может быть, Эхнатон не предвидел, что его реформы, станут причиной столь негативных для Египта последствий? Если это допустить, тогда мы должны признать, что он либо не был посвящен в тайны египетских мудрецов, что маловероятно, либо был нерадивым их учеником. Наиболее приемлемой для меня является версия, согласно которой главной причиной религиозной революции было противостояние Эхнатона и жрецов Амона в борьбе за политическую власть. Он действительно отстранил старое жречество от власти, отрезал от главных источников их доходов, привел к власти и возвысил новые элиты. Однако самый главный его грех заключался не в этом. Эхнатон не мог не знать, чем предопределялась религиозная толерантность египетских жрецов. Тем не менее он предпринял попытку насильно обратить весь египетский народ в новую веру. Как могли египетские посвященные высшего уровня, к которым должен был принадлежать и Эхнатон, относиться к тому, что он сотворил? Для старой жреческой элиты он был прежде всего преступником и предателем, нарушившим тайну древнего знания о Едином Боге.

Моисей — противник реформ Эхнатона

Эхнатон в контексте этой главы важен не сам по себе, но как возможный предтеча Моисея и еврейского монотеизма. Как уже говорилось, Моисей, по версии Фрейда, был приверженцем учения фараона-реформатора, который тяжело переживал его поражение и считал своим священным долгом не допустить забвения и довести дело жизни своего кумира до конца. Здесь у меня возникает ряд вопросов. Если Моисей действительно принадлежал к высшему жречеству, мог ли он не знать, что Эхнатон не был первым, кто пришел к идее Единого Бога? Мог ли Моисей, буду-

чи связанным клятвой тайны сокровенного знания о Боге-Духе, не понимать, что основная масса народа Египта в принципе не готова и не способна воспринять это знание? Мог ли он не знать, что принуждение всего народа к новой вере грозит самому существованию цивилизации? Мог ли он не понимать, к каким негативным последствиям приведет разрушение механизма государственной власти, который тысячелетиями был залогом стабильности и долголетия древнеегипетской цивилизации? И наконец, мог ли Моисей, учитывая все эти моменты, быть адептом учения лжепророка, присвоившего себе приоритет создания идеи Единого Бога и предавшего веру и интересы высшего круга египетских посвященных? Возможно, что мог, если рассматривать его как некоторую личность, действующую в определенной исторической ситуации. Но такой ответ явно противоречит представлению о Моисее как о великом пророке, как о сверхличности, стоящей в одном ряду с Христом, Буддой и другими мессиями, основателями великих цивилизаций.

Ветхозаветный миф говорит о том, что фараон разрешил евреям покинуть Египет только после убедительной демонстрации магических способностей Моисея, обрушившего на его страну всю разрушительную мощь т. н. казней египетских. Сторонники концепции Фрейда также объясняют возможность Исхода бедственной ситуацией в стране после смерти Эхнатона, когда страна была погружена в хаос, и тем, что в это смутное время фараону было не до евреев. С моей точки зрения, это противоречит всему тому, что нам известно об этой эпохе. Каково же на самом деле было положение Египта? Было ли оно столь нестабильным, как отмечается в ряде источников? Как мы уже знаем, точная дата Исхода, как и многих других событий истории Древнего Египта, до сих пор не определена. Многие исследователи согласны с тем, что Моисей совершил свои деяния в Египте эпохи ликвидации последствий разрушительных реформ Эхнатона (конец XIV — начало XIII века до н. э.). Но было ли это время смуты и упадка? Известно, что после Эхнатона вся полнота власти оказалась в руках Хоремхеба, который еще при нем был высокопоставленным чиновником. Это был способный организатор и мудрый делец, начавший восстанавливать в стране структуру власти, которой она некогда обладала. Плодами реорганизации Хоремхеба было

⁵³ Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. I. Минск, 2002, с. 377.

суждено воспользоваться его преемникам.⁵⁴ Наиболее известным из них является фараон Рамсес II, воцарившийся около 1300 года до н. э., которого часто называют Великим и упоминают как возможного фараона Исхода. Он стремился вернуть Египту прежнее величие, восстановить империю, что было невозможно без укрепления границ и усиления военной мощи. Все, что мы знаем об истории Египта после Эхнатона, говорит о том, что это было время отнюдь не хаоса и упадка, а подъема и расцвета.

В том же Священном Писании сказано: «И отправились сыны Израилевы ... до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей; и множество разноплеменных людей вышли с ними, и мелкий и крупный скот, стадо весьма большое».⁵⁵ Это более пол-миллиона мужчин, способных носить оружие, а следовательно, и владеть им, что и по нашим временам является очень большой силой. Исходя из этого количества, можно предположить, что общее число вышедших из Египта евреев составляло два и более миллиона. Может быть, число евреев здесь несколько преувеличено, учитывая что все население Египта в те времена было около семи миллионов. Известны и другие версии, явно преуменьшающие масштаб события. Так, согласно Манефону, отождествлявшему евреев с гиксосами, фараон собрал прокаженных и выселил их на северо-восток страны, где они оказались под воздействием беглого гелиопольского жреца Озарсифа, корый сагитировал их бежать из страны. Получается, что эта группа больных людей смогла вынести все тяготы существования в пустыне, преодолеть сопротивление многочисленных местных властителей, отвоевать территорию, ставшую впоследствии Израильским царством. Было ли это под силу относительно небольшому числу несчастных прокаженных? Разумеется нет. Осуществить все это могла только хорошо организованная военная сила, соотносимая по количеству с противостоящими ей силами аборигенов. Но могла ли такая сила без согласия на то фараона покинуть пределы Египта? Зильберман указывает на то, что побег рабов в природно-климатических условиях Египта был практически невозможен, потому что на всех путях в Азию

и Аравию стояли города-крепости с большими, хорошо вооруженными и обученными гарнизонами, которые пропускали только тех, у кого были особые разрешения на вход и выход. В то же время будучи сторонником версии Фрейда, он допускает, что евреи сумели обойти все пограничные пункты и уйти из Египта. Возможно, относительно небольшой отряд контрабандистов и мог бы это сделать, но полагать, что такое мог совершить целый народ, на мой взгляд, несерьезно.

После смерти фараона-реформатора его противники, вернувшие прежнюю власть, делали то же, что и он сам, когда проводил свои реформы — уничтожали память о нем и его учении. «Всюду с именем ненавистного фараона поступали так же, как и он сам с именами богов. Его гробница в Ахетатоне была разрушена, рельефы в ней изрублены, и гробницы его вельмож в том же месте были обесчещены подобным же образом. Сделано было все, чтобы уничтожить малейшие следы царствования этого человека, и, когда в официальном делопроизводстве нужно было цитировать документы или акты из его царствования, его называли «преступником из Ахетатона»».⁵⁶ Естественно, что к приверженцам религии фараона-преступника относились так же, как к врагам и преступникам — они жестоко преследовались. По Фрейду, Моисей был фанатичным сторонником Эхнатона, противником новой власти. Соответственно, весь народ, лидером которого он был, с точки зрения египетских властей того времени также попадал под эту категорию. Хорошо известно, что делают власть имущие со своими врагами даже в нашем, более гуманном обществе, и крайне наивно предполагать, что древние правители были в большей степени милостивы к своим врагам. Поэтому весьма маловероятно, что египетские власти, находясь в трезвом уме и доброй памяти, могли позволить серьезным силам своих врагов под руководством такого мощного лидера, как Моисей, уйти из страны со всем вооружением и скарбом. Эти размышления подводят нас к выводу о том, что версия Зигмунда Фрейда, согласно которой после смерти Эхнатона в Египте сложились благоприятные условия для реализации плана Моисея, абсолютно неубедительна.

⁵⁴ Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. I. Минск, 2002, с. 377.

⁵⁵ Исход. 12 : 37–38.

⁵⁶ Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. I. Минск, 2002, с. 7.

Тем не менее Исход евреев из Египта произошел, он просто не мог не произойти — это была историческая необходимость. Но каким образом вообще могло осуществиться такое грандиозное мероприятие? Полагаю, что это могло случиться только при одном условии — если у Моисея были покровители на самом верхнем уровне власти. Кто же мог быть настолько могущественным, чтобы преодолеть любые возражения, даже если бы они исходили от самого фараона? Такой силой в те времена могла быть только партия верховных жрецов Амона, которая после смерти Эхнатона вновь обрела свое прежнее могущество. Речь идет о высшем круге древнеегипетских посвященных.

Мой взгляд на историю Исхода и понимание истоков религии Моисея принципиально отличается как от библейской, так и от фрейдовской версий. Я исхожу из того, что Моисей не мог быть сторонником Эхнатона с его религией солнечного бога, а, напротив, был его противником. Можно долго спорить о том был ли он евреем или египтянином, был ли он царского происхождения или родился в простой семье, но нельзя оспаривать то, что это была личность, обладающая самыми высокими знаниями, которые вообще могли быть в Древнем Египте. Такие знания можно было получить, только достигнув высшего уровня посвящения. Доподлинно неизвестно, принадлежал Моисей к гелиопольской или какой-либо иной жреческой школе, но скорее всего, он входил в круг верховных жрецов Амона. Начиная с XVIII династии (середина XVI до н. э.) они опять приобретают реальную власть. Как уже отмечалось, Эхнатон отстранил их от власти и лишил всех привилегий, но Рамсес II вернул жрецам Амона руководство клиром Верхнего и Нижнего Египта и восстановил их в прежних правах.

Как и они, Моисей был убежден в том, что наиболее эффективным является государственный механизм, в котором религиозная власть — власть посвященных, ориентированная на вечные ценности, — стоит выше светской власти с ее ситуативной политической конъюнктурой. Поэтому он не мог принять революцию, истинной целью которой был не переход от политейзма к монотеизму, а утверждение абсолютной царской власти.⁵⁷ Мои-

⁵⁷ Ривз Н. Эхнатон — лжепророк Египта. М., 2014, с. 160.

сей воспринимал реформы Эхнатона как величайшую угрозу не только жрецам Амона, но всей древнеегипетской цивилизации. Человек с такими взглядами, независимо от его социального статуса, однозначно воспринимался как враг режима Эхнатона. Как пишет Н. Ривз, «фараон расчетливо и целенаправленно шел к тому, чтобы истребить любое проявление оппозиции».⁵⁸ Исходя из этого, мы можем предположить, что причиной бегства Моисея было не убийство египетского надсмотрщика, а преследования, которым подвергались во времена Эхнатона все, кто противился его нововведениям. Естественно, что после его смерти, когда власть опять переходит к партии жрецов Амона, и прекращаются репрессии ее сторонников, Моисей возвращается в Египет. Я полагаю, что эта версия, по сравнению со всеми другими, дает более стройную картину самой возможности Исхода.

Понятно, почему посвященные, высшие жрецы Амона, воспринимали Эхнатона как своего главного врага, но мы должны ответить на вопрос, могли ли они быть заинтересованными в том, чтобы Моисей вывел евреев из Египта? Могли ли они испытывать особо добрые чувства к тем людям, которых я называю праевреями? Могли ли они относиться к ним как к избранному Богом народу? Очевидно, что не могли — избранным для них был только один народ — египтяне. Но, если у них не было особых чувств к этому народу, тогда что могло их подвигнуть на такие действия? Другими словами, зачем им все это было нужно?

Я согласен с теми историками, которые считают, что амарнская революция подорвала единство духовной власти, что привело к ослаблению государственной власти вообще. В основе системы управления в Древнем Египте было особое соотношение двух властей — религиозной и царской.⁵⁹ Это не были два равноправных аспекта. Специфика системы управления определялась доминантой жреческой власти.⁶⁰ Все важные решения

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Роль фараона в египетском обществе, т. е. в реальной, земной жизни, была неразрывно связана с его ролью в египетской религии. Эти два аспекта власти фараона не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга.

⁶⁰ Один из верховных жрецов Амона при Аменхотепе III (отце Эхнатона) был в то же время главным казначеем царства, а другой, Птамос, был великим визирем (См.: Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. 1. Минск, 2002, с. 352).

принимались только при условии божественного одобрения, а голос богов доходил до фараона при непосредственном участии верховных жрецов. Отстранив жрецов Амона от власти, Эхнатон сконцентрировал все властные полномочия в своих руках. Во главу угла, что бы ни говорили о величии совершенной им религиозной революции, были поставлены не духовные, а главным образом материальные соображения. Таким образом, он разрушил традиционный механизм, который обеспечивал стабильность на протяжении тысячелетий и который позволил Древнему Египту стать самой долгоживущей цивилизацией. Реформы Эхнатона — это точка перелома, после которой активизируются центробежные силы, ведущие к упадку и гибели цивилизации, эпоха завершения творческого периода египетского гения. После относительно короткого периода, который, на мой взгляд, завершается правлением Рамсеса II, цивилизация вступает в фазу угасания. Несмотря на то, что с тех времен до эпохи Александра Македонского, когда Египет фактически утратил свою независимость, прошло около тысячи лет, это уже была больше история поражений, чем побед. Мы уже говорили о том, что египетские посвященные еще в глубокой древности понимали, что их цивилизация не вечна, что рано или поздно она подойдет к своему концу, и что их картина мира, их тайное знание о Едином Боге может навсегда быть погребено под ее руинами. Именно поэтому они делали все возможное, не жалели никаких сил и ресурсов, чтобы сохранить это знание для будущих цивилизаций, для тех времен, когда появится разум, способный его адекватно воспринять и использовать во благо, а не во зло. Доказательством этого является то, что я называю посланиями в будущее или проектами древнеегипетских посвященных, из которых самым ранним нам известным является Великая пирамида.

То, что Исход евреев произошел после смерти фараона Эхнатона, когда гибель египетской цивилизации стала осязаемой реальностью, не могло быть исторической случайностью. В это время высшее жречество Амона, несущее на себе бремя ответственности за судьбу Египта, испытало небывалый стресс. Это было уже не теоретическое знание о том, что любая цивилизация рано или поздно подходит к своему концу, а реальное видение того, что страна подведена к самому краю бездны. Они осознавали, что разрушен традиционный механизм, который позволял

высшему разуму Египта контролировать процесс развития цивилизации, поэтому делали все возможное, чтобы восстановить проверенную тысячелетиями структуру власти. В то же время они отдавали себе отчет в том, что вернуть прошлое во всей его полноте уже невозможно, что Египет перешел ту временную грань, после которой цивилизация начинает клониться к своему закату. Революция Эхнатона также подтвердила на практике, что веру в Единого Бога невозможно насильно навязать всему народу. Поэтому вполне вероятно, что именно в эту эпоху окончательно сформировался еще один грандиозный проект по спасению сакрального знания египетских посвященных — проект запуска новой, изначально монотеистической цивилизации. Я полагаю, что история иудейской и других последующих монотеистических цивилизаций начинается именно с этого времени. Те, кого мы сегодня могли бы назвать авторами программы «цивилизация», понимали, что она не должна быть повторением того, что уже было — уменьшенной копией египетской цивилизации. Вера в Единого Бога в новой цивилизации, по их замыслу, не должна быть достоянием только ограниченного круга посвященных, как это было в Египте, но изначально должна стать общей верой всего народа. Именно на этом делает ударение пророк Иеремия: «Вложу законы Мои в мысли их и напишу их на сердцах их, и буду им Богом, а они будут моим народом. И не будет учить каждый ближнего своего, говоря «познай Господа», потому что *все, от малого до большого будут знать Меня ...*».⁶¹ Эту мысль мы находим и у Исайи: «И будут все научены богом».⁶² Ключевые слова здесь «все, от малого до большого».

Миссия Моисея

Реализовать замысел жрецов можно было только используя относительно небольшой народ, который будет вырван из прежнего социума и искусственно помещен в совершенно новые для него условия, новую среду. Кроме этого, для него должны были быть отрезаны все пути к отступлению. Его необходимо

⁶¹ Иеремия. 31 : 33–34.

⁶² Исаия. 54 : 13.

было поставить перед выбором: погибнуть или идти до конца к своей цели, вернуться к привычному многобожию или уверовать в нового Единого Бога. Все это и определяло миссию Моисея — великой личности, которую высшее жречество Египта избрало для осуществления своего замысла. Главной его задачей было создать новый народ из разноплеменных людей, объединив их новой верой.

Моисей, безусловно, знал, что его народ не готов к такой радикальной трансформации. Его задача заключалась в том, чтобы в короткий срок расчистить поле для принципиально новой духовности. Он понимал, что это невозможно сделать при жизни одного поколения, что народ будет противиться новой вере. Поэтому Моисей намеревался «внушить ему единобожие под угрозой огненного меча и наполнить его таким страхом перед Единым Богом, чтобы Он воплотился в самое тело народа, сделался его национальным символом, целью всех его стремлений, смыслом самого существования».⁶³ Ему понадобилось сорок лет, чтобы появились новые поколения, изначально впитавшие веру в Единого Бога уже не от него, а от своих родителей. Именно эти люди должны были войти в Землю Обетованную «где течет молоко и мед». Имеется ввиду Ханаан — земля более плодородная, чем пустыня, через которую они прошли. Тем не менее речь здесь в первую очередь идет не о географической местности, а о Граде Божьем, Граде Духовном, куда должна привести евреев новая вера. Монотеизм Моисея не был естественным продолжением ни учения Эхнатона, ни веры Авраама, его истоки восходили к значительно более древним корням — древнеегипетскому монотеизму.

Миссия Моисея заключалась не в том, чтобы освободить евреев из египетского рабства, а в том, чтобы обеспечить необходимые условия для запуска новой цивилизации, в которой монотеизм изначально будет всеобщей религией. Он провел свой народ через все тернии жизни в пустыне, вывел его к Земле Обетованной, но умер, так и не войдя туда. Это говорит о том, что Моисей завершил свой земной путь, полностью исполнив свою миссию —

⁶³ Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 177.

создал новый народ, который дальше может сам творить свою историю. Хотя иудейская цивилизация еще находилась в самом начале своего пути, механизм ее развития уже был запущен.

Миссия иудейской цивилизации

Все цивилизации имеют свою миссию или предназначение. Миссия древнеегипетской цивилизации заключалась в том, чтобы передать миру представление о Едином Боге. Напомним, что вера в этого Бога была достоянием ограниченного круга — высшей жреческой элиты. Можно сказать, что египетская цивилизация, зная, что она не вечна, была сфокусирована на том, чтобы сохранить свое знание о Едином Боге и передать его в будущее. Эта цель предопределила зарождение новой цивилизации — иудейской, — которая по замыслу посвященных должна была перехватить эстафету единобожия. Главной ее особенностью было то, что вера в Единого Бога, в отличие от Египта, была религией всего народа. Некоторые историки и философы видели миссию иудейской цивилизации как промежуточную и отводили ей роль стартового механизма в распространении единобожия по всему миру. Андреев, Мень и Хантингтон, полагали что с приходом Христа миссия иудейской цивилизации была завершена и иудаизм утратил свое мировое значение. Шюре также писал, что «Большое значение израильского народа для человечества обусловлено двумя причинами. Первая состоит в том, что он дал миру единобожие, вторая — в том, что от него произошло христианство».⁶⁴ В том, что иудейская цивилизация выполнила свою миссию с приходом Христа, был убежден и Бердяев: «В христианстве было отвергнуто то, что еврейский народ — народ Божий в каком-либо другом смысле, кроме того смысла, что в народе еврейском должен был явиться Христос. Поскольку Христос явился в нем, — он был народом Божьим, но после отвержения Христа он перестал быть народом Божьим».⁶⁵ Мы видим, что весьма

⁶⁴ Там же: с. 147.

⁶⁵ Бердяев Н. Судьба еврейства. Глава V [В кн. Смысл истории]. М.: Мысль, 1990, с. 106–128.

отличные по своим убеждениям мыслители сходятся в том, что иудейская цивилизация, выполнив свою историческую миссию, подошла к своему концу.

Эта цивилизация действительно была остановлена в своем развитии во втором веке нашей эры и народ ее был рассеян, как и было предсказано Моисеем перед его смертью.⁶⁶ Она почти умерла, но тем не менее выжила. На уникальность этого явления обращает внимание и Бердяев: «Ни один народ в мире не пережил бы столь долгого рассеяния и, наверное, потерял бы свое лицо и растворился бы среди других народов. Но по неисповедимым путям Божиим народ этот должен сохраниться до конца времен. Менее всего можно было бы объяснить историческую судьбу еврейства с точки зрения материалистического понимания истории. Мы тут прикасаемся к тайне истории».⁶⁷ С моей точки зрения, невероятная живучесть иудейской цивилизации означает только одно — с приходом Христа миссия ее не была завершена. Только так можно понять эту тайну истории.

По мнению Шюре, миссией Израиля, которая намного превышает судьбу его собственного народа, является создание единой вселенской религии человечества. Он полагал, что ради этой цели «еврейская нация должна была быть рассеяна по лицу земли и уничтожена как народность».⁶⁸ По сути, к достижению этой же цели призывали и марксисты, утверждая, что многообразие цивилизаций сменяется в конечном итоге единым общепланетарным устройством общества. Подобную идеологию, в основе которой лежало культурное нивелирование человека, проповедовали авангардизм и модернизм прошлого столетия, что вызвало естественное сопротивление общества, отразившееся в движении постмодернизма. В наше время мы наступаем на те же грабли, продвигая концепцию глобализма, отвергающую традиционные ценности и культурное своеобразие различных народов.

⁶⁶ Второзаконие. 28 : 25.

⁶⁷ Бердяев Н. Христианство и антисемитизм: о достоинстве христианства и недостоинстве христиан. М. : Т8RUGRAM, 2018, с. 7.

⁶⁸ Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 2004, с. 149.

Законы диалектики охватывают все в этом мире — без борьбы, без конкуренции все деградирует и вымирает. Но почему-то мы не всегда об этом помним, в частности, когда речь идет о цивилизациях. Цивилизации являются, в первую очередь, организациями духовными, которым по самой их природе предназначено бороться за свое выживание и, соответственно, вступать в противоборство с другими цивилизациями. Вы можете представить себе мир животных без хищников и жертв? Как идеальный образ такое, конечно, может быть, но в реальности нет. И это многократно доказано. Развитие человечества так же, как и развитие любого вида жизни, невозможно без взаимодействия и противостояния разных цивилизаций. Здесь я должен признать правоту таких мэтров цивилизационного подхода, как Шпенглер, Тойнби и Хантингтон, которые считали, что существование единой общечеловеческой цивилизации невозможно. Не было такого времени в мировой истории, когда бы существовала только одна единственная цивилизация. Их всегда несколько, и они всегда противостоят друг другу. Привести многообразие цивилизаций к чему-то единому — означало бы остановить развитие человечества. Шюре заблуждался — единая вселенская религия человечества это такой же фантом, как общество всеобщего благоденствия, всемирный коммунизм, вечное блаженство в раю или окончательная победа добра над злом. Я согласен с ним в том, что рассеяние евреев было событием исторически предопределенным, но не могу принять мысль о том, что высшей целью, ради которой была принесена эта жертва, было создание единой всемирной религии, что в моем понимании означает создание единой общечеловеческой цивилизации. Не могу также допустить, что уникальная выживаемость иудейской цивилизации предопределяется миссией, которую в принципе невозможно осуществить. Если не создание единой вселенской религии, тогда что является истинной миссией этой цивилизации?

Возрождение иудейской цивилизации после практически полного ее уничтожения подтверждает мысль о том, что жизненная сила любой цивилизации заключается не в ее материальной мощи, а в ее духовности. Именно об этом говорится в известной истории об одном из величайших учителей того времени рабби Йоханане бен Заккае. В 68 г. н. э. римский военачальник Веспасиан

захватил всю Иудею и заключил Иерусалим в осаду. Понимая, что Иерусалим обречен, рабби покинул стены города и отправился к нему. Он предсказал, что скоро Веспасиан станет римским Императором, и попросил разрешения основать небольшую школу в одном из городов, если его пророчество сбудется. Веспасиан согласился. Через год Сенат назначил его Императором Рима. Он не забыл свое обещание. Йоханан бен Заккай открыл маленькую школу, которая в будущем стала центром изучения Торы, что позволило иудейской цивилизации сохранить свое духовное ядро и дожить до наших дней. Более того, иудейская цивилизация продолжила свое существование и после возникновения других монотеистических цивилизаций — христианской и мусульманской. То, что иудаизм все еще существует наряду с этими цивилизациями, и означает, что, во-первых, его миссия еще не завершена, а во-вторых, что эта миссия отлична от миссий христианства и ислама. В чем же заключается это отличие? Только ответив на этот вопрос, мы сможем подойти к пониманию миссии иудейской цивилизации на современном этапе ее истории.

Концепция Единства Творца и Творения

Центральным содержанием всех трех авраамических религий является вера в Единого Бога. Однако христиане, мусульмане и иудеи имеют разные представления о нем. В христианстве Бог предстает как Троица: Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух. Все эти ипостаси находят свое зримое воплощение в иконописи. С таким видением категорически не согласны иудеи и мусульмане, которые считают, что понятие Единого Бога отвергает саму мысль о его троичности и вообще о какой-либо дифференциации его образа. Бог един и Он не нуждается ни в чем и ни в ком, Он невидим, его нельзя изобразить.

Представление о Боге является определяющим для любой религиозной системы. В то же время есть еще одна, на мой взгляд, не менее важная характеристика — это отношение Бога ко Вселенной или Творца к его Творению. Без понимания этого отношения любое рассуждение о Едином Боге будет неполным. Существуют две принципиально разные картины мира. В первой создание Творцом Вселенной можно сравнить с деятельностью художника, который, завершив свое произведение, может

отстраниться от него, даже забыть о нем, приступить к созданию чего-то другого. Такая ситуация описана в мифе о Потопе, когда Бог принимает решение уничтожить старый мир, потому что он оказался недостаточно хорошим. Он спасает праведника Ноя с его семейством и каждой твари по паре, чтобы начать новый мир. В этом библейском мифе Бог суров, но предстает как исключительно доброе начало, а мир земной — как территория, пораженная или инфицированная злом — Дьяволом.⁶⁹

В другой картине мира Творение выступает не как нечто внешнее по отношению к Творцу, а как неотъемлемая его часть. Такое понимание мы находим в русской философии всеединства последней четверти XIX в. Считается, что основателем этого течения является Владимир Соловьев. Главная его мысль заключается в том, что высший и низший уровни бытия неразрывно связаны друг с другом, Творец и Творение представляют собой одно неразделимое целое. Эти же или близкие к ним идеи были и у других русских мыслителей того времени — Бердяева, Франка, Флоренского. Однако пальма первенства в таком понимании Бога не принадлежит русской философии. Еще в эпоху Возрождения один из самых глубоких философов того времени — Николай Кузанский полагал, что если отстранить Творца от Творения, то оно превратится в небытие и ничто.⁷⁰ «Бытие Бога в мире есть не что иное, как бытие мира в Боге». ⁷¹ Говоря о том, что Бог выше любых конкретных определений, Кузанский писал: «... каждая вещь в едином есть само это единое, а оно — и единое и все, и, значит, любая вещь в нем есть все».

Как уже отмечалось, в главе «Герметизм — живой космос», проблема соотношения Бога и мира занимала умы таких великих мыслителей, как Джордано Бруно, Галилео Галилей, Николай Коперник и др. Нидерландский философ еврейского происхождения Бенедикт Спиноза был убежден в том, что «Все, что только существует, существует в Боге, и без Бога ничто не может ни

⁶⁹ Противопоставление двух начал — Бога и Дьявола, абсолютного Добра и такого же абсолютного Зла, — выступает общим основанием дуалистического миропонимания в иудаизме, христианстве и исламе.

⁷⁰ Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1979, с. 285.

⁷¹ Там же: с. 241.

существовать, ни быть представляемо». Великий Исаак Ньютон в трактате «De gravitatione et aequipondo fluidorum», датированном примерно 1684 г., излагает свою теорию, согласно которой пространство и время абсолютны и являются свойствами Бога. Разве это не те же мысли, не то же представление о мироздании, которое мы находим в Corpus Hermeticum? Разве не это же священное знание передает Гермес Трисмегист своему ученику Асклепию: «Все» есть «Одно», а «Одно» есть «Все», поскольку все вещи были в Создателе, до того как они были созданы. И его по праву называют «Всем», ибо «Все» — это его члены». ⁷² Все эти люди — цвет мировой культуры, и все они говорят об одном и том же — о единстве мироздания, единстве Бога и Вселенной, о том, что было священным знанием древнеегипетских посвященных и выражалось в сакральной формуле «Что сверху, то и внизу».

Представление о единстве Творца и Творения мы находим в эзотерических школах, которые существуют практически во всех великих религиях и в наши дни. Исключением является христианство, которое также обладало своим сокровенным учением, ⁷³ но утратило его, вернее сказать, сознательно уничтожило, получив статус официальной религии Римской империи. О том, что христианство не имеет своего эзотерического учения, ясно заявляют и религиозные деятели, в частности, российский философ, протоиерей А. Кураев, автор официального учебника по Основам православной культуры. ⁷⁴ Самое главное, что было отброшено вместе с христианским эзотеризмом — это представление о единстве Творца и Творения. Хотя христиане верят в то, что Создатель присутствует во всех проявлениях жизни Вселенной, в этой религии он выступает как, безусловно, внешняя по отношению к ней сила. Эту точку зрения ясно выражает российский богослов протоиерей О. Давыденков: поскольку мир сотворен из ничего, для Бога в существовании мира нет никакой необходимости; возникновение мира ничего к бытию Бога не добавляет

и ничего от Божественного бытия не отнимает; природа Бога и мира — природа нетварная и тварная, — различаются самым радикальным образом; в отличие от ислама и иудаизма, христианство однозначно высказывалось в пользу идеи творения из ничего, любые отступления от этой вероучительной истины всегда квалифицировались Церковью как крайняя ересь. ⁷⁵

В исламе до сих пор существует свое эзотерическое учение — суфизм. Как утверждают суфии, в его основе лежит любовь. Они говорят о своем учении как о гимне «Божественной любви». Творец пронизывает все Творение своей любовью. В этом проявляется схожесть с христианством, однако есть и принципиальное различие. Любовь в суфизме рассматривается как сила, которая ведет к постоянному усилению ощущения включенности в Бога. Этот процесс приводит к пониманию того, что в мире нет ничего, кроме Бога, который одновременно является и Любящим и Любимым. В суфизме Творец и все многообразие его Творения образуют Абсолют. Первым из крупнейших представителей, давшим систематическое изложение этого сокровенного учения был средневековый исламский богослов Ибн Араби, которого считают «самым великим мистическим гением арабов». В его системе («вахдат ал-вуджуд») божественное бытие, не имеющее ни имени, ни атрибутов, проявляющееся в феноменальном мире, постоянно стремится «вернуться» к своему первоначальному состоянию: вся реальность от начала до конца исходит от одного только Бога, и к нему она возвращается. ⁷⁶ Тем не менее идея единства бытия, единства Творца и Творения, в мусульманском мире является достоянием узкого круга интеллектуалов и не охватывает основную массу верующих. Это во многом объясняется противодействием официального богословия, которое так же, как и в христианстве, рассматривает любое отклонение от канонической картины мира как ересь.

⁷² Мид Дж. Р. С. Трижды величайший Гермес. М., 2000, с. 81, 82.

⁷³ Безант А. Эзотерическое христианство или малые мистерии. М., 2000.

⁷⁴ Кураев А. Догмат и ересь в христианском предании. Вопросы философии. 1994, № 9, с. 119–121.

⁷⁵ Давыденков О. Догматическое богословие. Учебное пособие. М.: Издательство ПСТГУ, 2013.

⁷⁶ Степанянц М. Мусульманская концепция творения мира [В сб.: «История философии. Запад-Россия-Восток» в 3-х т. Книга первая: Философия древности и средневековья]. М.: Греко-Латинский кабинет, 1995, с. 396–402.

Принципиально иную ситуацию мы наблюдаем в иудаизме. Эзотерическое учение, которое в исламе рассматривается как нечто второстепенное, а в христианстве как вредная ересь, здесь выступает как неотъемлемая часть иудаизма. Таким учением является каббала, основной идеей которой, как отмечает Гершом Шолем,⁷⁷ является единство божественного содержания во всем сущем. Бог, Вселенная и душа не существуют обособленно друг от друга, каждый из них в своей собственной плоскости. Тесная взаимосвязь этих трех сфер характерна для всей каббалы. Несмотря на то, что главный источник этого учения — «Зоар»⁷⁸ не относится к раввинистической литературе⁷⁹, он почитается как священная книга. С самого начала возникновения каббалистического учения были отдельные раввины, выступавшие против него. Однако абсолютное большинство его приняло и поддерживало. После исхода евреев из Испании каббала утвердила свое притязание на духовное господство в иудаизме. Мудрецы каббалы были выдающимися раввинами, знатоками еврейского учения во всех его аспектах, строго соблюдающими все предписания иудаизма. Утверждение, что только немногие избранники могут приобщиться к мистической тайне, противоречило практике каббалистов, пытавшихся охватить своим учением как можно более широкий круг людей, и даже весь еврейский народ. Главные каббалистические авторитеты были одновременно авторитетами Галахи.⁸⁰ Именно они оказали сильнейшее влияние на еврейскую историю, и в течение веков их идеи воспринимались народом как последнее и глубочайшее слово иудаизма.⁸¹ Поэтому каббала не-

⁷⁷ Гершом Шолем (1897–1982) — еврейский философ, историк религии и мистики. Один из основателей Израильской академии наук, её президент в 1968–1974 гг., автор фундаментального труда «Основные течения в еврейской мистике».

⁷⁸ Книга Зоар или Зогар (Сияния) — центральный труд по Каббале, эзотерическому учению иудаизма. По еврейской традиции, большая часть книги составлена раби Шимон бен Йохай (ок. II в. н. э.).

⁷⁹ Раввинистическая литература — термин, обозначающий еврейскую галахическую литературу со времени завершения Талмуда до наших дней.

⁸⁰ Галаха — традиционное иудейское право, совокупность законов и установлений иудаизма, регламентирующих религиозную, семейную и общественную жизнь верующих евреев.

⁸¹ Шолем Гершом. Основные течения в еврейской мистике. М.: Мосты культуры, 2017.

отделима от иудаизма, его развития и реализации как в древности, так и сегодня.

Каббала исходит из того, что существуют два различных мира, которые в действительности образуют один. Первый мир Эйн Соф — сокровенный мир невидимого, бесконечного, непознаваемого Бога. Второй мир — это мир божественных сфер или атрибутов, через которые Бог проявляет определенные аспекты своей природы. С точки зрения каббалистов, имеется десять таких основных атрибутов — сфирот, являющихся десятью ступенями нисхождения Бога в материю. Как правило, критики этой идеи со стороны христианского и исламского догматического богословия смешивают концепцию единства бытия в эзотерических учениях, таких как каббала и суфизм, с пантеизмом неоплатонической философии. Ясное объяснение принципиального отличия этих двух концепций дает Гершом Шолем. У неоплатоников промежуточные сферы (эманации), лежащие между Единым Абсолютом и чувственным миром, существуют вне Единого. В их понимании, избыточная полнота Абсолюта как бы выплескивается за пределы его собственного бытия. Каббалистические же сфирот это не вторичные или промежуточные сферы, лежащие между Богом и материальным миром. Все они являются переходящими друг в друга различными фазами проявления божественной природы и находятся не вовне, а внутри Единого Бога. Эманация сфирот мыслится как процесс, совершающийся внутри Бога, и вместе с тем позволяющий человеку воспринять Бога. Как писал в XIII веке один из основателей испанской каббалы Иосеф Гикатила (Джикатила): «Он (Бог) заполняет все, и Он есть все сущее».

Тетраграмматон

Одним из важнейших символов каббалы является Тетраграмматон — имя Бога, состоящее из четырех букв: YHVN — Яхве. Я не буду погружаться в глубины каббалистической мудрости, разбираясь в многочисленных трактовках имени Бога. Сосредоточу внимание не на самих этих буквах, а на их расположении в символе Тетраграмматона, изображаемого в виде треугольника, в который вписано имя Бога (рис. 12а). Возникает вопрос — почему четырехбуквенное имя здесь представлено десятью буквами? Безусловно, количество и расположение букв в Тетраграм-

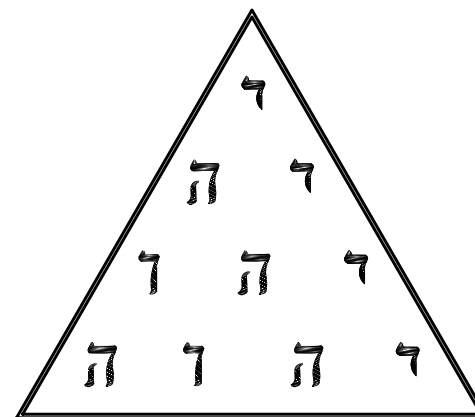
матоне не является случайным и, конечно же, число десять здесь имеет свой особый смысл. Это наводит на мысль о том, что буквы в данном символе выполняют роль занавеса, за которым скрыта некоторая тайна. Эту же мысль мы находим у Е. Блаватской, которая, рассуждая об истинной природе Тетраграмматона, писала, что четыре буквы всего лишь знак, маска, скрывающая его связь и соотношение с Божественным и низшими мирами.⁸²

Если заменить все буквы треугольного символа Тетраграмматона точками, а затем соединить их между собой (рис. 126), мы увидим фигуру, подобную Тетрактису Пифагора. Возможно ли, что это только случайное сходство? Для того, чтобы убедиться, так это или нет, рассмотрим и сравним содержание этих двух символов. Оба символа являются выражением идеи Единого Бога как идеи единства бытия. Оба они связывают в себе мир Высочайшего Бога — мир вечности и мир материи — мир, живущий во времени и пространстве. В обоих символах мы видим одну и ту же числовую и геометрическую символику. В их названии присутствует число «четыре» — Тетра. И оба они вписываются в треугольник. Так же, как и нумерация божественных сфер в Тетрактисе, нумерация сфирот в Тетраграмматоне идет сверху вниз, от вершины треугольника к его основанию, от единицы, обозначающей Высшего Бога, до десяти — мира земного.⁸³ Такое подобие не может быть случайным совпадением. С моей точки зрения, это один и тот же символ, который восходит к треугольнику Великой пирамиды. Если в Торе перед нами предстает Бог личностный, то в каббале мы имеем дело с двумя аспектами Высшего Бога — личностным и безличностным. В Тетраграмматоне так же, как и в Тетрактисе, мы не находим того аспекта Божественной сущности, который выше я назвал Божественной рефлексией. Его там нет, потому что безличностного, неосязаемого и невидимого Бога изобразить в принципе невозможно. Тем не менее и каббала, и Пифагор признают необходимость Его как некоторого «начала начал», «корня корней», как того, что выхо-

⁸² Блаватская Е. Голос безмолвия. Избранные статьи. М. : Новый Акрополь, 2001, с. 380.

⁸³ Блаватская Е. Тайная доктрина : в 4 кн. Кн. 1. Пробуждение космоса. М. : АСТ, 2003, с. 7.

а

б

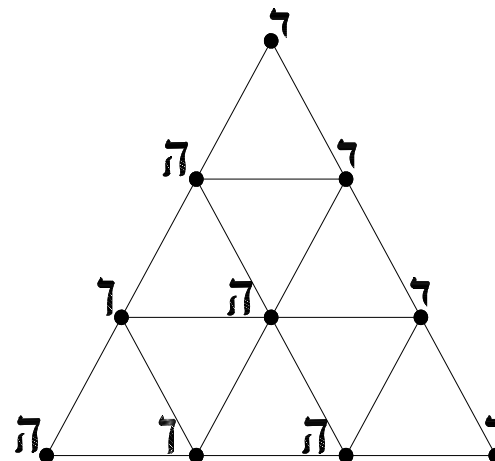

Рис. 12. Тетраграмматон:

а — имя Бога, вписанное в треугольник Тетраграмматона;
б — имя Бога, вписанное в Тетрактис Пифагора

дит за пределы личностного Бога Торы, Ветхого Завета и ислама. Как отмечает Шолем, проблема двух аспектов Единого Бога, Бога в себе (Эйн Соф) и Бога во внешнем проявлении, глубоко занимала каббалистов. «Мистики, — пишет Шолем, — представляют себе Бога не как абсолютное Бытие или абсолютное становление, но как единство этих двух начал, так же как сокрытый Бог, совершенно неведомый нам, и как живой Бог религиозного опыта и откровения — это один и тот же Бог». В отличие от Пифагора, который имел представление о скрытой сущности Бога, но не называл и никак не изображал ее, каббала не делает из этого тайну и обозначает ее как Эйн Соф. Мир постигаемого умом личностного Бога как бы объемлется непознаваемым безличностным Богом. Только с этой точки зрения я могу подойти к пониманию мысли Блаватской о том, что Тетрактис — это первичная монада, погруженная в Божественную монаду. При этом она также считала, что Тетраграмматон это каббалистический термин, который соответствует Тетрактису.

Конечно, я не первый, кто после Блаватской обратил внимание на подобие пифагорейского и каббалистического треугольников, а также на их общее происхождение. К такому же заключению пришел и известный оккультист Алистер Кроули, который считал, что еврейские мистики так же, как и Пифагор, черпали свое знание из общего, более древнего источника.⁸⁴ Мое рассуждение еще раз подтверждает справедливость заключения о том, что оба треугольника, являются символами, за которыми скрывается одна и та же картина мира, восходящая к тайному знанию древнеегипетских посвященных. Именно эта картина мира, суть которой — Единство мироздания, является общим содержанием трех великих символов, трех треугольников: Великой пирамиды, Тетраграмматона и Тетрактиса.

* * *

Проведенный экскурс в историю позволяет нам дать обоснованный ответ на вопрос, поставленный в заглавии этой главы:

⁸⁴ Бай-Бал [Прокопьев П. П.]. Тетрактис : символ и ключ, открывающий путь к Истине. Пенза : Золотое сечение, 2012.

иудейская цивилизация — начало или продолжение? Для меня совершенно очевидно, что она была не первой, пришедшей к идее Единого Бога. Мы уже знаем, что задолго до ее появления монотеистические представления были основой религии египетских посвященных. Можно с полной уверенностью утверждать, что иудейская цивилизация унаследовала тайное знание Древнего Египта. С этой точки зрения она является не началом, а продолжением монотеистической традиции в истории человечества. В то же время эта цивилизация была, безусловно, первой поистине монотеистической цивилизацией, так как именно в ней единобожие впервые стало религией всего народа и, следовательно, именно она является началом нового этапа в развитии монотеистического мировоззрения.

Зачем нужны евреи?

Все эти рассуждения подводят нас к ответу на вопрос, зачем нужны евреи? Речь идет о евреях не как об этносе, нации, государстве, а об иудаизме как одной из великих цивилизаций, вернее, о миссии этой цивилизации, ради выполнения которой она была возрождена после, казалось бы, полного ее уничтожения. В чем же заключается смысл существования этой цивилизации, ради которого ей была дарована новая жизнь после возникновения христианской и мусульманской цивилизаций?

Ответ на этот вопрос следует искать в принципиальном отличии иудаизма от других цивилизаций. Это отличие я нахожу в отношении догматического и эзотерического иудаизма. Как мы уже говорили, христианство уничтожило свою эзотерическую составляющую. Приняв от иудаизма учение о Едином Боге как антитезу античному многобожию, оно отвергло центральную его идею — представление о единстве Творца и Творения. Христианская доктрина убеждает нас в том, что Создатель, хотя и присутствует во всех проявлениях жизни Вселенной, безусловно, есть внешняя по отношению к ней сила. Они понимают природу Бога и Вселенной как несводимые друг к другу начала. Мусульмане также разделяют эту точку зрения. Догматический ислам, если и не полностью запретил суфизм как носителя этой идеи, то максимально ограничил силу его воздействия. Сравнительный анализ трех монотеистических религий показывает, что

в современном мире только иудаизм является религией, которая не отвергает и не подавляет свое эзотерическое учение (каббалу), одним из основных постулатов которого является единство Творца и Творения. Более того, иудаизм включает каббалу как четвертый, наиболее глубокий уровень понимания Священного Писания — Торы. Именно поэтому концепция единства мироздания в иудаизме принимается не только узким кругом посвященных, но близка большинству верующих. Только в иудаизме нет непроницаемого барьера между религией всего народа и религией посвященных. Если в исламском мире, и тем более вне его, идеи мусульманских мистиков, суфиев, не получили широкого распространения, то каббала является эзотерическим учением, которое все больше пользуется популярностью не только внутри, но и за пределами породившей его цивилизации.

Миссия любой цивилизации заключается в том, чтобы максимально распространить свое понимание устройства мироздания, чтобы сохранить свою картину мира не только во временных пределах ее жизненного цикла, но и передать ее цивилизациям будущего. Иудейская цивилизация не является исключением. После того, как Древний Египет сошел с арены истории, идея единства мироздания как важная часть вероучения сохранилась только в иудаизме. Поэтому, если бы погибла иудейская цивилизация, линия, идущая от египетских посвященных, была бы прервана. Здесь мы и подходим к той «тайне истории», о которой писал Н. Бердяев. Я полагаю, что чудо возрождения иудейской цивилизации стало возможным потому, что после возникновения христианства миссия иудейской цивилизации была скорректирована. На современном этапе истории эта миссия заключается уже не в том, чтобы вывести идею монотеизма за пределы одного народа и распространить ее на все человечество, но в том, чтобы вернуть утраченное понимание единства Бога и Вселенной, вернуть гармонию мира небесного и мира земного, в том, чтобы сохранить и передать будущим цивилизациям монотеистическую картину мира во всей ее полноте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Генетический код цивилизации

Итак, мы показали, что цивилизации являются живыми духовными организмами, которые так же, как и любые другие живые существа, имеют свою анатомию — свою внутреннюю структуру. Мы увидели, что каждая новая цивилизация зарождается и вызревает в недрах предшествующей ей старой. Подтверждение этой мысли мы находим в высказывании ныне действующего римского папы Франциска. Напомнив, что христианская религия уходит корнями в иудаизм, он подчеркнул, что нельзя быть настоящим христианином, не признавая свои еврейские корни. От себя я бы добавил, что нельзя понять истинные истоки единобожия, не признавая египетских корней иудаизма. Могли бы возникнуть иудейская и позднее другие монотеистические цивилизации, если бы не было Моисея и, соответственно, если бы не было Исхода евреев из Египта? На мой взгляд — могли. Появление всех этих цивилизаций было вызвано не стечением случайных обстоятельств и не деятельностью отдельных личностей, какими бы великими они не были. Все великие персонажи выходили на сцену истории исключительно потому, что на них была возложена особая высшая миссия. Не было бы их, были бы другие.

Как в чреве матери закладывается образ будущего ребенка, так и в теле цивилизаций формируются зародыши новых цивилизаций, которые Тойнби называл «дочерними». Так же, как дети, обретая свою индивидуальность, нередко восстают против своих родителей, так и молодые цивилизации, как правило, противопоставляются породившим их старым. Так было с иудаизмом, отрицающим свои египетские истоки. То же происходит и с христианством, всячески маскирующим свое иудейское происхождение. И это понятно — именно таким образом цивилизации утверждают свою идентичность. Но есть нечто, что переходит от

родителей к детям, что рано или поздно проявляется в будущем, возможно через несколько поколений. Речь идет о связи поколений на генетическом уровне. Гены доносят до нас информацию о предках, живших в такие давние времена, которые мы даже не можем себе представить. Если связь поколений живых организмов, в том числе и людей, существует на физическом уровне, то генетическая связь цивилизаций предполагает прежде всего передачу главных духовных содержаний. Таким содержанием в Древнем Египте было тайное учение о Едином Боге. Именно оно, будучи закрепленным в важнейших символах египетской цивилизации, выступило в роли гена, который предопределил образ следующей за ней иудейской цивилизации.

Зародился ли монотеизм в Древнем Египте, или он был принесен туда извне, нам доподлинно неизвестно, но то, что под именами Амона, Амуна, Ра и Птаха изначально почитался один и тот же Бог, научно доказано. Приведенное в этой книге рассуждение подтверждает мысль о том, что монотеизм египетских посвященных был исходной точкой развертывания генетической линии, связывающей древнеегипетскую, иудейскую и христианскую цивилизации. Породив иудаизм, он из тайной доктрины узкого круга посвященных трансформировался в религию всего народа, вокруг которой сформировалась первая монотеистическая цивилизация. На следующей ступени, уже в рамках христианской цивилизации, единобожие выходит за пределы национальной религии евреев и приобретает интернациональный, а позднее планетарный масштаб. В то же время идея единобожия в том смысле, что есть только один Бог, который сотворил Вселенную и каждую ее мельчайшую частицу, не исчерпывает всю полноту тайного знания египетских посвященных. Другим важнейшим содержанием была идея единства мироздания, предполагающая, что Бог не только создал все сущее, но и то, что все это сущее есть в Боге.

Важно подчеркнуть, что религии монотеистических цивилизаций только частично принимают египетский монотеизм. Целостная картина мира египетских посвященных как бы разбивается на две части. Официальное или догматическое богословие адаптирует только ту ее часть, которая утверждает, что есть только один Бог-Творец. Другая часть — мысль о том, что мир небесный и мир земной являются двумя частями единого целого,

что Творец включает в себя свое Творение, отвергается, а носители такого понимания подвергаются гонениям. Вопреки всему, представление египетских жрецов, связывающее обе эти части в единой картине мира, никогда не исчезало из памяти человечества. Оно сохраняется на протяжении многих тысячелетий, пронизывает историю разных цивилизаций и доходит до нашего времени. Идею единства Творца и Творения мы обнаруживаем у великих мыслителей различных эпох и за покровом метафорических образов в эзотерических учениях, существующих во всех мировых религиях.

Проведенное сравнение трех великих символов — Великой пирамиды, пифагорейского Тетрактиса и каббалистического Тетраграмматона, — является несомненным доказательством генетической связи древнеегипетского монотеизма с иудаизмом, христианством и исламом. Не случайно, что все они имеют общую геометрическую и математическую символику. За треугольной формой каждого из этих символов скрывается одно и то же представление о мироздании, а именно — мысль о том, что есть только один Творец и Он объемлет все сущее. Не может быть Творения без Творца, как и нет Творца без Творения. Это и было главным тайным знанием египетских посвященных, и информация о нем была отправлена будущим цивилизациям. Именно это знание было зашифровано в Великой пирамиде, именно его Моисей вынес из Египта, передал иудеям и через них всему человечеству. Допускаю, что о нем идет речь и в библейском мифе о Ковчеге Завета. Именно оно было тем великим светом, который имел в виду русский мыслитель Дмитрий Мережковский, когда писал, что вопреки сложившимся представлениям об эволюции человечества, оно движется не от мрака к свету, а в обратном направлении — чем дальше назад, тем ярче свет, как будто самый источник его позади. Он говорил о Древнем Египте, но, как я сейчас понимаю, эта мысль может быть отнесена и ко всей истории человечества. Эту же мысль мы находим у еврейского мыслителя Гершома Шолема: «Чем чище и совершеннее знание, тем ближе оно к первичному знанию человечества». Этот свет такой силы, что за многие тысячелетия содержащаяся в нем информация стала причиной тектонических изменений в истории человечества: гибели одних и возникновения других цивилизаций. Однако по-

слание египетских посвященных все еще в пути, оно еще не дошло до своего конечного адресата. Возможно, такового нет и не может быть вообще, так же как не может быть окончательной победы добра над злом. Тем не менее логика исторического движения человечества, которую я пытался обосновать в этой книге, оставляет пространство для оптимизма. Хочется верить в то, что утраченное единство Творца и Творения, которое было основой картины мира древнеегипетских посвященных, когда-нибудь будет восстановлено.

СОДЕРЖАНИЕ

Почему я стал писать эту книгу, или на что похож слон	4
Глава I. МУРАВЬИ И ЛЮДИ	11
Муравьи — кто они?	12
Антропоморфизм	13
Инстинкт или разум	15
Эволюция муравейника	17
Теория Дарвина — за и против	17
Экзотические гипотезы	21
Кто управляет муравейником?	25
Муравейник — семья или единый организм?	26
Кто в муравейнике главный?	31
Центр управления: внутри или вовне?	35
Глава II. ЦИВИЛИЗАЦИЯ — ДУХ ИЛИ МАТЕРИЯ?	41
Формирование понятия	41
Европа. XVIII–XIX веков	41
Россия. XIX век	46
Цивилизация враждебна культуре. XX век	50
Цивилизационный подход	52
Освальд Шпенглер. Закат Европы	53
Арнольд Дж. Тойнби. Постигание истории	58
Сэмюэль П. Хантингтон. Столкновение цивилизаций	66
Философы-мистики. П. Успенский, М. Холл, Д. Андреев	69
Линии эволюции понятия «цивилизация»	76
Линия 1. Цивилизация: Добро или Зло	77
Линия 2. Цивилизация как живой организм	78
Линия 3. Цивилизация: Дух или Материя	78

Глава III. ЖИВОЙ КОСМОС	81
Маги или ученые?	82
Что есть герметизм?	88
Герметизм — монотеизм или язычество?	91
Единство Творца и Творения	93
Все есть мысль, все есть живое	97
Как вверху, так и внизу	100
 Глава IV. ЧТО ТАКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИЯ? МОЯ КОНЦЕПЦИЯ.....	 104
Муравейник и цивилизация.	
Сходство и отличие.....	105
Отличие цивилизации от других форм бытия человеческого общества.....	108
Гипотезы возникновения цивилизации	110
<i>Что раньше — культура или цивилизация?</i>	113
<i>Застывшая культура и цивилизация</i>	115
<i>Переход от застывшей культуры</i> <i>к цивилизации</i>	118
<i>Мессии</i>	123
Механизмы развития цивилизации	126
<i>Духовное ядро цивилизации.</i>	
<i>Картина мира и религия.....</i>	126
<i>Человек — клетка цивилизации.</i>	
<i>Баланс личного и общественного</i>	128
<i>Жизненный цикл цивилизации.....</i>	130
 Глава V. ТАЙНА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА	139
Возраст цивилизации	139
Религия	145
<i>Политеизм или монотеизм?</i>	145
<i>Религия — государственная служба.....</i>	153
Тайное знание египетских жрецов	161
<i>Ангелы или демоны?</i>	163
<i>Капсула божественного времени.....</i>	168

<i>Физики и мистики</i>	172
Египетский символизм.....	175
<i>Как мы утратили символическое мышление.....</i>	176
<i>Символика Пирамиды</i>	185
<i>Философия символа</i>	191
Ключ к тайне.....	194
<i>Великая Пирамида и Триада Пифагора.....</i>	194
<i>Тетрактис</i>	200
<i>Десятый элемент</i>	204
<i>Причина причин.....</i>	207
<i>Божественная рефлексия.....</i>	208
<i>Число «нефер»</i>	212
<i>Миссия Пифагора</i>	218
 Глава VI. ИУДЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. НАЧАЛО ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ.....	 221
Корни иудаизма	226
Евреи до и после Исхода.....	230
<i>Праевреи, язычники</i>	230
<i>Евреи после Исхода.....</i>	233
Древнеегипетский монотеизм — колыбель иудаизма.....	235
<i>Моисей — еврей или египтянин?</i>	237
<i>Моисей и Эхнатон</i>	241
<i>Причины провала реформ Эхнатона.....</i>	245
<i>Моисей — противник реформ Эхнатона</i>	248
<i>Миссия Моисея</i>	255
Миссия иудейской цивилизации.....	257
<i>Концепция Единства Творца и Творения</i>	260
<i>Тетраграмматон.....</i>	265
<i>Зачем нужны евреи?.....</i>	269

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Генетический код цивилизации.....	271
---	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абдхиб 230
Абу Али ибн Сина (Авиценна) 5
Августин Аврелий 12
Авель 115
Авероэс 5
Авраам 62, 226, 230, 231, 236, 237, 256
Агнин Евгений 186–188
Адам 172 72, 115
Аменхотеп III 248, 253
Аменхотеп IV (Эхнатон) 149, 159, 216, 219, 230, 238, 239, 241, 243, 245, 253, 254–256
Амон 95, 145, 146, 153, 158, 207, 245, 248, 252–254, 272
Ампер Андре-Мари 174
Амун 272
Анаксимандр 206
Анаксимен 206
Андреев Даниил 69, 73–76, 224, 243, 245, 257
Апион 240
Аполлон 154
Арес 154
Аристотель 15, 206, 210
Асия 214
Асклепий 95, 100, 208, 213, 262
Афина Паллада 154
Афродита 154

Б

Бадж Уоллис 140, 146, 147, 150, 197, 236, 240, 241
Бай-Бал (Прокопьев) 268
Безант Анни 162, 262
Белый Андрей 5155
Бердяев Николай 52, 56, 58, 74, 225, 257, 258, 261, 270
Берестенко Михаил 30
Блаватская Елена 200, 209, 226, 266, 268
Блейк Уильям 162
Блехшмидт Эрик 18
Блок Александр 51

Бор Нильс 174

Брахма 124
Брестед Джеймс 140–142, 147, 148, 158, 160, 243, 245, 246, 248, 250, 251, 253
Брокгауз Фридрих 230
Бругш Генрих 146, 150
Бруно Джордано 83, 85, 87, 89, 95, 96, 162, 180, 261
Будда Гаутама 71, 123, 171
Булле Этьен-Луи 182, 183
Буш Джордж 5
Бушпан Яков 56, 58
Бьювэл Роберт 140, 186
Бейджент Майкл 84, 85, 86, 94, 131
Бюффон Жорж 15

В

Вагнер Рихард 59
Васманн Эрих 16
Вейгалл Артур 246
Велланский Данило 46–48, 50, 51
Вербер Бернар 25, 35–37, 113, 129
Вернадский Владимир 20, 82, 114
Веспасиан Тит Флавий 260
Вивекананда Свами 109
Винчи Леонардо 162, 173
Вольтер Франсуа 42, 95
Вольней Константен 42, 59

Г

Гаев Георгий 133
Галилей Галилео 83, 174, 261
Гаусс Иоганн 174
Геккель Эрнст 18
Гексли Томас 18
Генисаретский Олег 47
Гера 154
Гераклит 206
Гермес 83, 89, 92, 94–96, 98–101, 124, 144, 160, 208, 210, 213, 262
Геродот 140, 165, 191
Гершель Джон 19
Гершом Шолем 139, 264, 265, 273
Гестия 205, 206
Гикатила (Джикатила) Иосеф 265

Гитлер Адольф 11, 111, 112, 166
Гомер 154
Гумилев Лев 64
Гурджиев Георгий 22, 70, 173, 174

Д

д'Аламбер Жан Лерон 95
д'Оливе Антуан Фабр 213
Давыденков Олег 262, 263
Данилевский Николай 48–50, 53, 54, 61, 68, 78, 79, 223, 224
Данте 74
Дарвин Чарльз 17–20, 22, 23, 61, 111, 119, 120, 149
Декарт Рене 15
Джилберт Эдриан 140
Джованни Пико делла Мирандола 180
Джордж Гевергезе Джозеф 215
Донини Амброджо 94
Дюрер Альбрехт 162, 173

Е

Ева 72
Езра 223
Ефрон Илья 230

Ж

Жак Кристиан 242, 244, 247

З

Заккай Йоханан бен 259, 260
Замаровский Войтех 147, 172, 198
Захаров Анатолий 21, 24, 26, 28, 31–33
Зильберман Михаил 235, 236, 240, 242, 250

И

Иаков 230
Ибн Араби 263
Иванов Игорь 243
Иеремия 255
Исида 63, 91, 163
Иисус бен Гамла 229
Ионкис Грета 225
Иосиф 231, 232
Исаак 230
Исаия 255

Й

Йетс Фрэнсис Амелия 85, 89

К

Каин 115
Казаков Михаил 156
Казобон Исаак 89
Кеес Герман 158
Кейнс Джон 86
Кельвин Уильям 19
Кипятков Владилен 16, 28, 31–34
Климент Александрийский 162
Комптон Артур 20
Кондорсе Жан Антуан 43
Константин (император) 155
Коперник Николай 73, 83, 85, 261
Кураев Андрей 262

Л

Лайтман Михаэль 229
Ламарк Жан Батист 95
Лампкин Беатрис 215
Леббок Джон 16
Левий 234, 236, 238
Леду Клод Николя 182
Ленин 112, 165
Леонтьев Константин 49, 50, 53, 54, 61, 68, 78, 79
Лепсиус Карл Рихард 140, 146
Ли Ричард 84, 94, 131
Ломанс Роберт 186
Ломоносов Михаил 174
Лосев Алексей 85, 89, 91, 135, 191, 193, 212
Луговской Виктор 31, 37

М

Маймонид 240
Македонский Александр 254
Макнэлли Роберт 168
Максвелл Джеймс 19
Манефон 232, 240, 250
Мариетт Огюст 152
Маркс Карл 23, 44, 45, 76, 77, 79, 165, 258
Масперо Гастон 152
Матфей 162
Мейер Эдуард 152, 239
Мендель Грегор Иоганн 19
Мень Александр 224, 257

Мернептах 242
Мережковский Дмитрий 52, 74,
100, 145, 149, 153, 273
Меша (Меса) 229
Мид Джордж 83, 89, 92, 94–96,
98, 99, 101, 208, 210, 262
Мирабо Оноре 41–43, 47, 50, 61,
77, 79
Моисей 63, 64, 71, 89, 122, 123, 143,
164, 165, 218, 226–228,
233–235, 237–243, 246, 248,
249, 251–253, 255, 256, 258,
271, 273
Мухаммед 63, 122, 143

Н
Найт Кристофер 186
Нефертари 216, 217
Низами 5
Кузанский Николай 261
Ницше Фридрих 225
Ной (ковчег) 273
Ньютон Исаак 83, 86, 87, 174, 183,
240, 262

О
Оуэн Ричард 19
Осирис 63, 163
Осборн Ричард 79, 80
Ориген 173
Орли Питер ван 173
Осия 228

П
Павел (апостол) 162, 224
Парацельс 83–87, 162, 180
Пареннефер 244
Пастер Луи 19, 174
Пауэл Девис Артур 131
Пайк Альберт 192
Петров Константин 164–166, 186
Пифагор Самосский 63, 71, 101,
148, 167, 176, 191–201,
203–209, 211–219, 221, 222,
266–268, 273
Планк Макс 174
Платон 63, 71, 89, 90, 91, 140, 148,
167, 172, 174, 180, 191, 192,
198, 201, 208, 210, 213, 265
Плутарх 148, 163, 192

Познер Владимир 165
Посейдон 154
Пригожин Илья 31
Прометей 124
Пта (Птах) 146, 147, 153, 207, 208,
236, 272
Птамос 253
Птолемей Клавдий 63, 71, 89, 90

Р
Ра 145, 146, 147, 272
Рамсес II 242, 250, 252, 254
Рерих Елена 120
Рерих Николай 51, 52, 74
Ривз Николас 246, 247, 252, 253
Розанов Алексей 20
Рудольф II (император) 180
Руше Эммануэль 150
Руссо Жан-Жак 43, 50, 51, 95

С
Саул 122, 227
Самуил 223, 228
Сарасвати 124
Сведенборг Эмануэль 74
Симонов Виталий 20
Смолли Ричард 20
Сократ 71, 271
Соловьев Владимир (философ) 49,
165, 261
Соловьев Владимир (журналист)
165
Соломон 13, 14, 228, 229
Спиноза Барух (Бенедикт) 99,
225, 261
Сталин Иосиф 111, 112, 165, 166
Старобинский Жан 42
Степанов Анатолий 35
Степанянц Мариэтта 263
Степун Федор 54–56
Стобей Иоанн 205
Странден Дмитрий 89
Сугай Лариса 46

Т
Танен Та (Неб-ер-чер) 236
Теон из Смирны 201
Тойнби Арнольд 53, 58–68, 72, 78,
79, 117, 119, 120, 130, 131, 138,
223, 224, 226, 259, 271
Толстой Лев 51

Тот 124, 144
Троцкий Лев 23
Тураев Борис 140–142, 147, 148,
158, 160, 243, 245, 246, 248,
250, 251, 253

У
Уиллер Уильям 35
Успенский Петр 22–24, 69–72,
113, 120

Ф
Фалес Милетский 148, 192
Фарадей Майкл 19
Фестюжьер Андре-Жан 89
Филолай 205, 206
Фирдоуси 5
Фичино Марсилио 180
Флавий Иосиф 232, 240
Флоренский Павел 52, 261
Фрай Нортроп 57
Франк Семен 52, 261
Фрейд Зигмунд 239, 242, 246, 248,
249, 251, 252
Фролов Юрий 32

Х
Хайям Омар 5
Халтурин Юрий 182
Хантингтон Сэмюэль 46, 66–68,
78, 79, 224, 225, 227,
257, 259
Хатшепсут 159, 188
Хеопс Хнум-Хуфу 140, 168, 172,
173, 197
Хозарсиф (Моузес, Моше,
Моисей, Муса) 238
Холл Мэнли Палмер 69, 72, 73,
75, 88, 152, 161, 190, 192,
195, 198, 201, 218, 219

Хрисип 15
Христос Иисус 63, 71, 122, 124,
132, 143, 162, 171, 178, 186,
218, 219, 224, 225, 226, 243,
245, 249, 257, 258
Хэнкок Грэм 140, 186

Ц
Цельс Авл Корнелий 26

Ч
Чейн Эрнст 20

Ш
Шабак 147
Шантепи де ля Соссей 148, 221
Шарден Пьер Тейар 22–24, 29,
109, 114
Швыдкой Михаил 165
Шампольон Жан-Франсуа 140, 150
Шох Роберт 140, 141, 168, 171
Шпенглер Освальд 50, 53–59, 61, 66,
67, 72, 78, 130, 138, 223, 259
Штейнзальц Адин 236, 237
Штоль Генрих 131
Шюре Эдуард 89, 91, 101, 153, 167,
194, 197, 198, 205, 209, 218,
228, 240, 241, 256–259

Э
Эдисон Томас 174
Эйнштейн Альберт 20, 24, 99, 174
Энгельс Фридрих 44, 50
Эхнатон (Аменхотеп IV) 146, 149,
159, 216, 219, 230, 238,
239, 241–256

Я
Ямвлих 92, 98, 176, 191, 198, 205, 210

Научно-популярное издание

АНАТОМИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Александр Владимирович Яровой

Ответственный за выпуск:

А. П. Буряк

Корректор:

Л. Л. Куприянчик

Компьютерная верстка:

И. Р. Акмен

Дизайн обложки:

А. В. Яровой

Издательство «Раритеты Украины».

Свидетельство ДК №3238 от 16.07.2008.

Подписано к печати 02.04.2020.

Тел.: + 38 (057) 751-15-95

Формат: 64 х 90 / 16. Гарнитура: «Minion Pro».

Бумага: оф. Печ: оф. Усл. печ. л.: 16,5. Учет.-изд.: 18,0.

Тираж: 500 экз. Зак. № _____.